

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

АЛЕКСАНДР
ДЮМА
В РОССИИ
«ОНИ СКИФЫ»

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.
РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.
РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.
РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

СИТУАЦИИ

04 Как это — без Пушкина?

ИНТЕРВЬЮ

08 Всматриваясь в тексты

КУЛЬТУРА

36 Модные потрясения Петра Великого

МУЗЕИ

44 Страна у кромки прилива

ИСТОРИЯ

14 Русский взгляд Александра Дюма

22 Идентификация Одерборна

28 Кровавый барон

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

54 Бессмертная рота из Красной Зорьки

ГОРОДА РОССИИ

60 Самый южный, самый древний

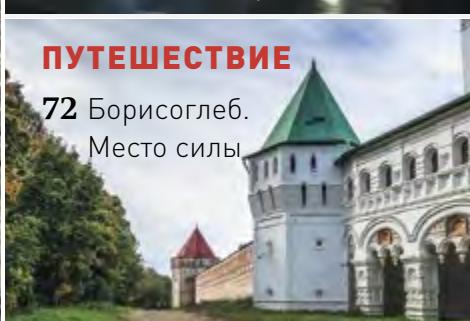

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

68 Иван да Маря: жизнь в танце

ПУТЕШЕСТВИЕ

72 Борисоглеб. Место силы

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

80 От Пушкина до Энгельса

РЕПОРТАЖ

88 Гавань встречает Мельпомену

Председатель правления фонда «Русский мир»

Вячеслав НИКОНОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА

(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Марина БЕРЕЖНева
Александр БУРЫЙ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Михаил ДРОЗДОВ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Наталья ЗОЛОТАРЕВА
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Марина КРУГЛЯКОВА
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Татьяна НАГОРСКИХ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Наталья ТАНЬШИНА
Денис ХРУСТАЛЁВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр «Гlamour-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (495) 519-01-68

Сайт журнала:
[https://rusmir.media](http://rusmir.media)

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжели БУШУЕВОЙ

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.
Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.
Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.
Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.
Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.
Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.
Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.
Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОРОВИН Ю.М.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

КОРТАВА Т.В.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ТАРАСОВ С.В.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

ШЕВЦОВ П.А.
Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

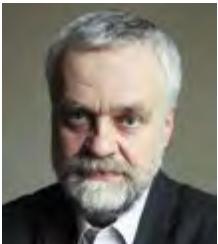
ТОЛСТОЙ В.И.
Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда

АНТОНИЙ (СЕВРЮК А.Ю.)
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

БУГАЕВ А.В.
Первый заместитель министра просвещения Российской Федерации

ВАРЛАМОВ А.Н.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.
Президент Российской академии образования

ВЕРШИНИН С.В.
Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

КРОПАЧЕВ Н.М.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

МАСЛОВ И.В.
Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент Фонда изучения исторической перспективы

НЕФЁДОРОВ И.С.
Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике

НИКОНОВ В.А.
Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ПРИМАКОВ Е.А.
Руководитель Россотрудничества

САДОВНИЧИЙ В.А.
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

СИМОНЯН М.С.
Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»

ТОРКУНОВ А.В.
Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФИЛАТОВ А.Е.
Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству

КАК ЭТО – БЕЗ ПУШКИНА?

АВТОР

МАРИНА БЕРЕЖНЕВА [ФОТО АВТОРА]

СТАРЕНЬКИЙ АВТОБУСИК С НЕВОЗМУТИМЫМ СЕДОВЛАСЫМ ВОДИТЕЛЕМ ТРЯСЕТСЯ ПО ЩЕРБАТОМУ АСФАЛЬТУ, ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ ОПАСНО КРЕНЯСЬ, КОГДА ТО ИЛИ ИНОЕ КОЛЕСО НЫРЯЕТ В ОСОБО КРУПНУЮ ВЫБОИНУ. НАВСТРЕЧУ ДВИЖЕТСЯ ПОСТОЯННЫЙ ПОТОК КАМАЗОВ И ЛЕГКОВУШЕК, ЦВЕТ КОТОРЫХ НЕ РАЗЛИЧИТЬ ИЗ-ЗА СЛОЯ ПЫЛИ. ЗА РУЛЕМ В ОСНОВНОМ ВОЕННЫЕ.

ПО ПРОЖАРЕННОЙ И пыльной дороге автобусик везет из Дебальцева своих мирных пассажиров – большинство из них пенсионного возраста. Дорога спускается в ложбину – тут, в районе Логвиново, до войны стоял знак, требовавший снизить скорость из-за аварийно опасного участка. Сегодня вместо него об опасности предупреждает другой «знак»: по обеим сторонам дороги застыли останки украинского танка: корпус – слева, башня – справа от дорожного полотна. Этот танк стоит здесь уже год – с того времени, когда наши войска наконец-то прорвали Светлодарскую дугу и освободили два очень важных населенных пункта, снабжавших электроэнергией Донбасс...

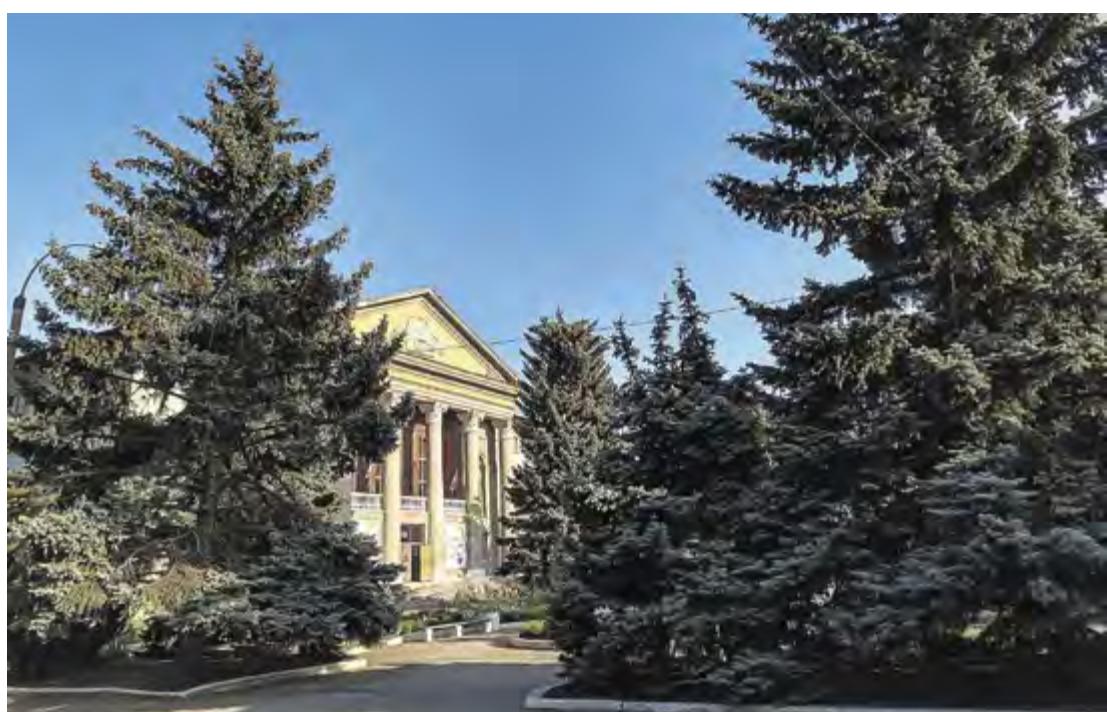
После Логвинова едем до перекрестка. До войны путь до него занимал минут десять, сегодня добираешься не менее получаса. Направо, посреди степи, многоэтажки в зелени и две трубы. Это Углегорская ТЭС, в свое время одна из крупнейших в Европе, и город Светлодарск. Налево – три трубы: Мироновская ТЭС и поселок Мироновский.

Почти девять лет здесь хозяйничали украинские власти, точнее, самозванцы, организовавшие в 2014-м государственный переворот в Киеве и не пожелавшие договариваться с региона-

Летом 2022-го пришло наконец освобождение. Но на этом проблемы населения Мироновского не закончились: отступая, украинские войска постарались максимально разрушить инфраструктуру поселка, лишив жителей света, воды, газа, отопления. Перед уходом ВСУ цинично угрожали, что взорвут дамбу водохранилища, чтобы затопить жилой сектор и электростанцию. Не вышло. Дамба, построенная в 1950-е годы, выстояла, не разрушилась от взрыва.

Бывший мэр города Дебальцево, Игорь Захаревич, в чьем ведении тогда оказались Светлодарск и Мироновский, вспоминает это время как одно из сложнейших в жизни. Ведь сразу после освобождения сотрудники администрации Дебальцева без конца мотались по разбитой трассе с заминированными еще обочинами, пытаясь в кратчайшие сроки наладить жизнь в прифронтовых поселках. Настоящий героизм проявили сотрудницы отдела образования и соцзащиты, а также работники ЖКХ. Время от времени им приходилось жить в освобожденных Мироновском и Светлодарске, несмотря на то, что украинская армия была совсем рядом. Территория поселка простреливалась, а сотрудники

Ели у Дворца культуры

администрации представляли, конечно же, приоритетную цель для солдат ВСУ. Нужно было организовать постоянный подвоз воды и горячего питания для стариков и детей, гуманитарной помощи для всех жителей – и все это под непрекращающимися обстрелами, практически на линии фронта. Неоднократно раздача гуманитарки прерывалась обстрелами, а в сентябре 2022 года в Светлодарске «Хаймарсами» был уничтожен Дворец культуры, где размещался штаб по выдаче гуманитарной помощи. Попытки восстановить электропитание и водоснабжение населенных пунктов начались с первых дней после освобождения. Как и организация социальной защиты и помощи тем, кто сам не мог о себе позаботиться. А еще нужно было заниматься уборкой поселка, наведением порядка, подготовкой к новому учебному году.

С первых же дней на работу вышли учителя и работники мироновского Дворца культуры, принимая посильное участие в восстановлении не только инфраструктуры, но и культурной жизни поселка. Причем все структуры, отвечающие за жизнедеятельность населенного пункта, удалось сформировать в рекордные сроки – менее чем за месяц!

Администрацию поселка, которая столкнулась с огромными трудностями в налаживании мирной жизни, возглавил бывший десантник, дебальчанин Руслан Дементиенко. Сегодня сложно представить, сколько ему, вместе с жителями Мироновского, пришлось преодолеть трудностей, чтобы в каждый дом пришли приметы мирной жизни: свет, интернет, вода из водопровода, а не из близлежащего водохранилища или колодца, и газ, чтобы на кухнях вновь вспыхнули голубые цветы газовых горелок. Сколько пришлось потрудиться, чтобы старики вновь стали регулярно получать пенсии.

Сегодня население поселка это не только около 7 тысяч мест-

Дом на улице
Ленина

ных жителей, но и командированные сотрудники различных ведомств, занимающиеся восстановлением нормальной жизни, расквартированные здесь военнослужащие, а также беженцы из разбитых окрестных населенных пунктов.

Руслан очень живо воспринимает все, связанное с Мироновским: этот раньше не родной ему поселок теперь стал фактически второй малой родиной. Говорит, что один из самых трудных моментов пришелся на разгар эпидемии COVID-19, которая уносила жизни тех, кого пощадили осколки и пули. Надо было обеспечивать госпитализацию заболевших, вакцинацию здоровых – и делать это все практически в боевых условиях, в условиях настоящего фронтира.

Глава
поселковой
администрации
Руслан
Дементиенко

МИРОНОВСКИЙ

Поселок энергетиков, который можно обойти за полчаса, всегда гордился своими чистыми улицами, цветочными клумбами, нарядным центром, где двухэтажки-сталинки, точно елочные игрушки, переливались пастельными красками и сияли белыми обводами фундаментов и оконных рам. В том же стиле сталинский ампир были построены и здания школ, городской администрации, Дворца культуры, больницы. Каштаны и розы на центральных улицах высадили в 1980-е, чтобы поселок был похож на областную столицу – Донецк. Сегодня каштаны и розы по-прежнему украшают поселок, за ними старательно ухаживают, на площади перед Дворцом культуры высятся огромные роскошные ели. А вот домам-«игрушкам» не всем повезло: центральная улица поселка, улица Ленина, сохраняет следы обстрелов и пожарищ, превративших кукольные домики в неприглядные руины...

Строили поселок Мироновский, как и электростанции – всем миром, всем Союзом. Поэтому съехались сюда из самых разных мест – бывшие студенты, бывшие фронтовики и даже бывшие заключенные. Напомнить об этом захотелось не случайно: в поселке жили люди нескольких десятков национальностей и общались между собой они на русском языке. Всех тех, кто еще в 1950-е годы стал мироновцем, объединил русский язык. Так же как их детей и внуков, учившихся в местных школах, где преподавали и преподают замечательные учителя.

Например, мироновской СОШ №9 – уже 70 лет. Здесь учитель русского языка и литературы Галина Павловна Константинова сумела увлечь своим предметом практически всех учеников. Среди ее воспитанников и нынешняя директор школы, Елена Толстикова, и автор этих строк – член Союза писателей, и множество учителей, инженеров, врачей... Тысячи ребят помнят и учителя географии Валентину Николаевну Приходько. Одним из лучших преподавателей был

грек Анастас Георгиевич Кичик. Ветеран Великой Отечественной войны преподавал историю и краеведение, создал поисковое движение и стал инициатором установки памятника погибшим солдатам. В Мироновском даже в годы украинской оккупации жители на свой страх и риск отмечали 9 мая День Победы, возлагали к памятникам цветы и проводили митинги...

А сегодня во дворе еще одной мироновской школы, СОШ №10, цветут цветы в память о героях. И Великой Отечественной войны, и специальной военной операции.

ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ

В мироновском Дворце культуры (ДК) даже в период жесткой украинизации, которую разворачивала в мятежных регионах украинская власть вплоть до их освобождения и присоединения к России, продолжали звучать стихи и песни на русском языке. В 2014 году заведующая библиотекой ДК Наталья Филиева создала женский клуб «Натали». Он стал настоящим спасением для тех, кто не хотел забывать родную речь, любимых писателей, поэтов и художников. Каждую субботу проходили встречи участников клуба, на которых читали Есенина, Пушкина, Тютчева... Этот клуб как магнит притягивал живущих практически на линии фронта женщин. Здесь они праздновали юбилеи и отмечали праздники, пили чай с домашней выпечкой. И наперекор всем обстоятельствам наряжались, чтобы ощутить себя хоть немного в мирной и счастливой жизни. Под грохот канонады – артиллерийские дуэли не замолкали практически ни на день – в клубе звучали русские, украинские, белорусские песни.

И сегодня клуб продолжает собирать гостей. Даже те, кто уехал от войны подальше, не забывают об этих встречах, продолжают участвовать в них онлайн.

Кстати, как заметила Наталья Филиева, библиотека стала центром притяжения и для младшего поколения поселка. Для ребят развесили по стенам яркие забавные

Управляющая
делами
поселковой
администрации
Екатерина Булах

Детский уголок
в библиотеке
Дворца культуры

картинки, поставили бассейн с шариками, собрали игрушки и стеллажи с детскими книжками. Веселая Белоснежка, птички и цветы, зеленые ветви раскидистого дерева – чудесная атмосфера, где можно хотя бы ненадолго забыть о грохоте разрывов за толстыми стенами Дворца культуры. Для многих именно библиотека стала прибежищем и возможностью отдохнуть после школы, провести время перед кружком или секцией, которые посещают ребята. Жаль только, что новых детских, да и взрослых, книг мало, особенно на русском языке: фонды уже около десяти лет пополнялись в основном за счет того, что дарили владельцы частных библиотек. Наталья Михайловна негодует: в детском саду не читают Пушкина, мол, в программе нет. Как и других классиков русской детской литературы. А она уже подготовила для встреч с малышами интересные викторины и занятия по любимым ею в детстве произведениям. «Но как же нам без Пушкина?» – недоумевает библиотекарь.

НЕ БЫЛО ИНТЕРНЕТА – ЧИТАЛИ КНИГИ

Возле здания поселковой администрации толкуются ребята лет 12–13. Оказывается, не все из них местные, один паренек признается, что приехал к бабушке в гости из Воронежской области.

Мальчишки с удовольствием рассказывают, что весь прошлый год они были постоянными посетителями библиотеки, прочитали очень много книг. На вопрос, посещают ли библиотеку сейчас, отвечают, что некогда, интернет появился. Это правда. В самое тяжелое для поселка время, когда электричество вырабатывалось генераторами, а отапливаться приходилось даже буржуйками и не было связи и интернета, дети очень активно читали книги.

Надо сказать, мироновский Дворец культуры, возглавляемый Натальей Ландик, живет активной жизнью, несмотря на трудности нынешнего времени. И хотя из соображений безопасности массовые мероприятия в поселке не проводятся, в молодежный сектор ДК то и дело забегают подростки – они всегда готовы поучаствовать в самых разных представлениях и затаих, которые для ребят организуют сотрудники Дворца культуры.

Для записи выступлений и спектаклей используется актовый зал ДК. Зрителей здесь не собирают – опять-таки из соображений безопасности. Зато транслируют в поселковом чате в интернете ролики с выступлениями артистов всех возрастов, чтобы порадовать жителей Мироновского. Все это очень важно, считают во Дворце культуры, ведь такая работа показывает населению, что поселок развивается, живет полной и насыщенной жизнью.

В Мироновском действуют еще две библиотеки – детская и взрослая, обе они размещаются в одноэтажном здании по улице Советской. Библиотеки также активно работают с посетителями, проводят выставки,

принимают гостей и подарки. Например, недавно с Камчатки – региона, взявшего шефство над Мироновским, – прибыла в библиотеку целая гора посылок с книгами.

Попытка сфотографировать здание поселковой библиотеки, окруженное цветниками, вызывает опасения у ее сотрудников. Их можно понять: линия фронта рядом, можно ждать любых провокаций...

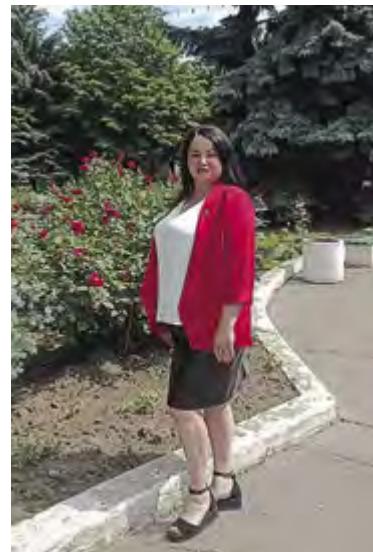
ВОЗВАЩЕНИЕ К МИРНОЙ ЖИЗНИ

Как уже упоминалось, местная администрация стремится к тому, чтобы, несмотря на тяжелую обстановку и продолжающиеся обстрелы, поселок выглядел опрятно. Да и людей, лишившихся рабочих мест, надо поддерживать, поэтому множество мироновцев устроены на временные работы по уборке территории. Целыми днями они наводят лоск: подстригают траву, ухаживают за цветами, убирают поломанные ветки и «подчищают» разрушенные дома. В школах тоже успели провести ремонты, так что начало нового учебного года ребята встретили в обновленных классах. Второй год они будут учиться на привычном с младенчества русском языке.

На русском языке будут говорить с малышами и в детском

саду, и, думается, Пушкин и Чуковский, Маршак, Барто, Носов и Драгунский вернутся в эти стены. И детвора будет с удовольствием слушать и декламировать знакомые нам с детства строки.

А вот у взрослых все сложнее. К сожалению, Мироновская ТЭС настолько изношена и разрушена за годы «хозяйствования» Украины, что о восстановлении градообразующего предприятия сегодня трудно рассуждать. Эта электростанция обеспечивала работу системы отопления поселка, и как теперь будут согревать мироновские многоэтажки пусты и мягкой, но вполне себе полноценной донбасской зимой, пока

Во дворе
поселковой
МБОУ
«Мироновская
школа №10»

не ясно. Понятно только одно: поселок наедине с проблемами не оставят. За возобновление его нормальной жизни активно борются шефствующий Петровавловск-Камчатский, а также федеральное и республиканское правительства.

Одна из главных нынешних примет времени – обилие в Мироновском военных. Фронт недалеко, многие снимают жилье в поселке, тем самым помогая выживать населению и многочисленным магазинчикам.

А вот печальная примета: в помещении, где раньше располагалась библиотека, сейчас разместился большой магазин ритуальных принадлежностей. Кладбище поселка – в запустении. Сегодня оно похоже на запущенный сад. Местные опасаются часто ходить сюда – довольно высок риск нарваться на мину. Перед «родительскими днями» кладбище обследуют саперы.

На доске объявлений возле поселковой администрации – самая разная информация. И номера аварийных служб, и объявления о вакансиях, и расписание автобусов до Дебальцева. Все – на русском языке. И не потому, что «так надо», а просто потому, что это всем удобно. Даже тем, кто «балакает» на суржике, писать и читать удобнее на русском. В том числе и поэтому Донбасс почти десять лет назад сделал свой выбор. Поэтому в Мироновском столько лет ждали «наших». Дождались. И теперь, несмотря на все трудности, жители поселка законно считают себя гражданами огромной страны, говорящей с ними на их родном языке.

Руководитель
общественной
приемной
Дебальцевского
отделения
партии
«Единая Россия»
Анжелика
Россоха

ВСМАТРИВАЯСЬ В ТЕКСТЫ

БЕСЕДОВАЛА

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

КАЖДЫЙ ТЕКСТ КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ОДИН ИЗ ВЕДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА И ЗНАТОК ЛИТЕРАТУРЫ ОМСКОГО КРАЯ, ВАДИМ ФИЗИКОВ, ПРОПУСКАЕТ ЧЕРЕЗ СОБСТВЕННОЕ СЕРДЦЕ. И В СВОИ 85 ЛЕТ ПОРАЖАЕТ УДИВИТЕЛЬНОЙ ЭНЕРГИЕЙ – ПИШЕТ СТАТЬИ И ИЗДАЕТ КНИГИ. ОН ПО-ПРЕЖНЕМУ СЛУЖИТ СЛОВУ – ИСКРЕННЕ И ЧЕСТНО.

— **В**АДИМ МИХАЙЛОВИЧ, В ОМСКОМ педагогическом университете вы долгие годы преподавали и занимались изучением русской литературы XIX века. Большинству из нас эта эпоха кажется чем-то далеким и заброшенным как памятник. Но так ли это на самом деле?

— Разумеется, не так. Это было очень динамичное время, литературные направления быстро сменяли друг друга. Стремительно развивалась литература — стремительно менялась жизнь. В начале еще жив был классицизм, промелькнул сентиментализм, уже романтизм на пятки наступает. А потом пришел и рано родившийся реализм. Оттенки у него были разные, но он утвердился надолго — на шестьдесят-семьдесят лет...

Прославленная русская классика возникла не в одно мгновение. При Карамзине русская литература еще не доросла до классики, он не сумел стать тем преобразователем, которым выступил Пушкин. Карамзин многое сделал для развития русского литературного языка — сближением языка повествования с живой разговорной речью, открытием богатства внутреннего мира человека он заложил фундамент для будущих открытий Пушкина. Это обыкновенный процесс: кто-то помогает, кто-то преобразовывает. И этот поворот произошел именно на Пушкине. А почему? Пришло время перемен, перехода количественных изменений в качественные. Пушкин создал современный литературный язык, поднял русскую литературу на уровень высокого искусства. Я убежден, классический период в развитии каждой литературы — это период, когда она живет как высокое искусство.

— *А каков, на ваш взгляд, критерий высокого искусства?*

— Я выработал для себя два критерия. Первый — абсолютная внутренняя свобода художника, соответствующая некоему нравственному идеалу. И второй — это богатство формы. Классический писатель прошел хорошую школу и владеет разнообразными приемами. Скажем, Пушкин прошел школу русского фольклора. Он соприкасался непосредственно с народным творчеством через свою няню, слышал разговоры крестьян — он учился у народа. Он учился и у мировой литературы — он прошел школу Лицея, там были прекрасные курсы. Он изучил древнерусскую литературу, знал «Слово о полку Игореве». Знал литературу XVIII века. И так далее... Он вобрал в себя массу разнообразных приемов, причем не как ученик, а как человек, который берет свободно, из первых рук. И к этому богатству потом добавил много своих приемов, слов и мотивов.

Я однажды, не помню зачем, установил, что по разительным образом Пушкин в своем творчестве коснулся практически всех тех проблем,

которые будут разрабатываться русской классической литературой в XX веке. Как он это предугадал — неизвестно.

— *У вас много исследовательских работ, которые посвящены пушкинским стихотворениям...*

— Пушкин для меня не просто любимый поэт. Я убежден, роднее Пушкина у нас никого нет. Все другие классики стоят на пьедестале, они над нами, а Пушкин — рядом. У него всегда можно спросить совета. Одно из моих самых любимых стихотворений Пушкина — «Элегия» 1830 года. Александр Сергеевич открыл здесь удивительный жизненный принцип: каждое мгновение, каждую мелочь вот этой жизни надо любить так, как будто это последний дар тебе. Эстетическим законом «Элегии» является контрастность на всех уровнях рождения образа: Пушкин находит их на скрещении противоречий, каждая стихия жизни у него словно бы нуждается в своей противоположности. Так трагизм земного бытия преодолевается художником, сумевшим прийти к гармонии. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Мысль ни одна самая плохая жизнь не может у нас отнять. Так вот, для того чтобы мыслить, надо жить. Нельзя впадать в уныние, пусть даже жизнь ничего хорошего тебе не обещает: «Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе грядущего волнуемое море». И если ты так будешь ценить жизнь, тогда она тебя одарит любовью: «И может быть — на мой закат печальный блеснет любовь улыбкою прощальной». Вот какая глубина, философия жизни... Отношению к жизни я учился у Пушкина, в том числе благодаря этому стихотворению. Поэтому я оптимист.

— *Вадим Михайлович, какие сложности возникают сегодня у исследователей литературы XIX века?*

— Материалы, связанные с русской классической литературой, разбросаны по всему миру. После 1917 года многие ценные источники ушли с русской эмиграцией за границу, попали в крупные зарубежные книгохранилища. Например, в Библиотеке Конгресса США хранится огромное количество недоступных нам материалов. Многие ценные источники сгинули в катализмах, которые в XX веке прокатились по нашей стране. Это делает работу по открытию новых граней русской литературы в известной мере затруднительной.

— *А возможны ли сегодня новые открытия?*

— Несомненно возможны. Литература эта совершенно бездонная. И поэтому ей легко как-то по новому открыться исследователям. Я перечисляю уже знакомый текст и вижу в нем новое. Это же бездонный колодец, который не иссякает. И открытий там хватит не только для тебя, но и для тех, кто придет следом за тобой. Человек, который начинает вчитываться в классические

тексты, открывает там такие бездны... Надо только читать и читать.

Еще один важный момент. В последние десятилетия наша страна начала возвращаться к вере, которая в советские годы была под запретом. Долгое время все произведения русских классиков рассматривались в отрыве от религии, но их авторы ведь были людьми религиозными. Взгляд на Пушкина, Гоголя, Достоевского с позиции веры позволяет раскрыть неизвестные стороны известных произведений. Уже есть очень глубокие открытия.

Я, к сожалению, поздно открыл пушкинское православие, пушкинскую веру. И слишком преувеличивал значение пушкинских свободолюбивых произведений. А такое бунтарское настроение было у него только в юности, с годами православие для Пушкина становилось все более важным. Если бы я осознал это раньше, я, несомненно, понял бы Пушкина глубже.

– Есть ли в русской литературе XIX века загадки, которые до сих пор не разгаданы?

– У нас очень много еще не открытых авторов. Особенность русской литературы в том, что ее развитие было многослойным. То есть были великие писатели – они стали классиками. Были писатели второго ряда – скажем, Короленко, Гаршин, Глеб Успенский. Это не самые выдающиеся писатели, не литературные генералы, как Пушкин, Лермонтов, Тургенев, но для развития литературы они тоже были очень важны. А за ними следовал еще и третий план. И вот там много забытых, но интересных авторов. Я в свое время по совету профессора Ленинградского университета Исаака Григорьевича Ямпольского писал диссертацию о Григории Мачтете. Григорий Александрович Мачтет заинтересовал меня своей судьбой: он был в ссылке в Омской области – сначала в Тюкалинске, потом в Ишиме. Он оставался совершенно неизвестным читателю и науке. Хотя в советские годы все мы знали песню «Замучен тяжелой неволей», это была любимая песня Ленина. А написал ее Мачтет. Я, конечно, в своей диссертации не охватил всего Мачтета. У него 12 томов сочинений, творчество очень разнообразное – и рассказы, и повести, и романы, есть очень интересные. И таких неоткрытых писателей пока очень много.

В журнале «Отечественные записки» я в свое время обратил внимание на один очерк, который был подписан явно псевдонимом – Мишл. Начал расспрашивать об авторе – никто ничего не знает, даже всезнающие библиографы. Тогда я обратился к словарю псевдонимов. Оказывается, был в Западной Сибири такой чиновник Михаил Иванович Орфанов, который прожил недолго, но оставил интересное литературное наследие. Почему меня заинтересовал этот очерк? Мне сюжет и характер главного героя показались знакомыми. Орфанов написал об

арестанте одной сибирской тюрьмы – это такой старообрядец, бродяга, которого заперли в тюрьму, а он утверждает: «Я свободен, я свободнее вас всех». Так вот этот тип – «заперт, но все равно свободен» – я встречал у других писателей: у Короленко, у Льва Толстого. Оказалось, никому не известный Орфанов раньше будущих знаменитых авторов открыл эту тему.

– Можете рассказать еще о своих литературных открытиях?

– Я в свое время совершенно неожиданно открыл, что лермонтовский Максим Максимыч несет в себе большой заряд индивидуализма и эгоизма, а ведь Белинский о нем говорил «святая душа». В «Герое нашего времени» Лермонтов блестяще показал всеобщую болезнь того века – эгоизм, которым заражены все.

По-новому открылся для меня и «Медный всадник» Пушкина. Мы привычно говорили: вот классический образец «маленького героя» русской литературы – Евгений. Но когда внимательно изучаешь этот текст, оказывается, что композиционно Евгений так сопоставлен с Петром, что они не являются противоположностями, они во многом сближены друг с другом. Петр возвышается в поэме, но Пушкин тончайшими приемами возвышает и своего на первый взгляд заурядного героя...

– Вы говорите о крупных произведениях, а может ли таить открытие одна стихотворная строка?

– Так бывало не единожды. Я, например, как-то задумался над строкой в знаменитом лермонтовском стихотворении «Выхожу один я на дорогу»: «В небесах торжественно и чудно! Спит земля в сияньи голубом». Это ведь не небо – «сиянье голубое». Когда на орбиту полетели космонавты, то увидели, что вокруг нашей Земли действительно есть голубое сияние. Возникает вопрос: как Лер-

благодаря
Вадиму
и Михаилу
Физиковым
поэзия омских
авторов теперь
доступна
широкому кругу
читателей

монтов мог это понять на земле? Эта строка меня зацепила, и я начал со студентами ее обсуждать. Вот вам и новое о классике.

Или, скажем, мы со студентами анализируем знаменитую «Железную дорогу» Некрасова: «Лед неокрепший на речке студеной словно как тающий сахар лежит». «Словно» и «как» стоят рядом. Что это? Недосмотр, слабость поэта? Это же тавтология. Когда учитель встречает такую тавтологию в сочинении школьника, он ее называет стилистической ошибкой. Так что, Некрасов – бездарность? Потом меня озарило: я обдумал стилистику текста и понял, что поэт целым рядом приемов воспроизводит в этом стихотворении разговорную речь. Когда мы разговариваем, мы ищем. У нас же нет готовых клише, потому возникает тавтология... И вот Некрасов рискует эту тавтологию как часть разговорности ввести в стихотворение. Потому эту строчку надо читать так: «Лед неокрепший на речке студеной словно... как тающий сахар лежит». Пауза возникает, потому что человек ищет, на что это похоже. Когда я это понял, мне открылось, что в каждой детали Некра-

сов – гениальный поэт. У него эта разговорность становится стилистическим ключом всего текста. Так одно маленькое открытие меняет взгляд на все стихотворение...

А вот строка из стихотворения Лермонтова «Родина»: «Проселочным путем люблю скакать в телеге». Проселочная дорога – едва пробита, как же можно любить по ней скакать в телеге, это же кочка на кочке... Далее там упоминаются «огни печальных деревень». Печальные деревни и сегодня встречаются, за что же их любить? Сплошные загадки... Но в итоге вместе со студентами мы пришли к выводу, что любить все это нужно и можно, потому что это – твоя Родина.

– *Помимо педагогической деятельности вы многие годы занимаетесь литературной критикой. Чем, на ваш взгляд, отличается литературная критика XIX века от сегодняшней?*

– Литературные критики, особенно такие, как Белинский или Добролюбов, были в числе самых уважаемых людей в литературном процессе XIX века. Они влияли на развитие литературы.

Эту черту литературная критика XX века утратила. Сейчас характер литературы изменился: на смену классике пришла беллетристика. Она может быть занимательна, может быть интересна, там тоже встречаются талантливые произведения. Но беллетристика не ставит перед собой высоких целей, не обладает уровнем высокого искусства слова. Критика сегодня потеряла в весе, как и вся литература. Но как бы то ни было, критика всегда будет необходима писателям – без критики литература застает тиной, писатели не знают своего уровня. Потому последние годы я занимаюсь исключительно литературной критикой, анализируя произведения омских авторов.

Я всегда следовал закону, открытому когда-то для России Пушкиным: «...кто в критике руководствуется чем бы то ни было, кроме чистой любви к искусству, тот уже нисходит в толпу, рабски управляемую низкими корыстными побуждениями. Где нет любви к искусству, там нет и критики. <...> Страйтесь полюбить художника, ищите красот в его созданиях».

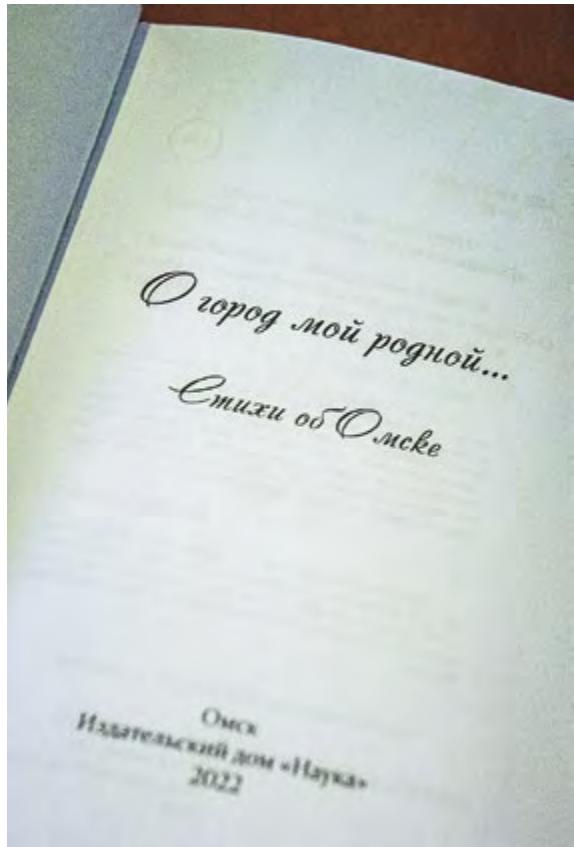
Надо писать о том, что нравится. А еще лучше – о том, что ты полюбил. Потому что ведь надо не раз и не два прочитать новую книгу. И если не любишь, если злобствуешь, какая истина тебе может открыться? А если ты любишь эти стихи, эту прозу, тогда, возможно, и откроется правда, хоть какая-то правда... Только при этом условии, отбросив соблазны самомнения, критик может приоткрыть таинство сложнейшего мира художественного творения. Да и то далеко не всегда. Иногда к этой тайне так и не удается подобрать свой ключик, и тогда отступаешь, пока бессильный...

– Вы называете настоящую поэзию тайной...

– Главный критерий настоящей поэзии – абсолютное соответствие формы и содержания. Причем всегда непонятно, как сделано, как выражено это содержание. Вспомните признание Ахматовой: «Когда бы вы знали, из какого сора // Раствут стихи, не ведая стыда...» Вроде сор, ерунда, пустяки, но получается высокое искусство...

Омская поэтесса Галина Кудрявская говорила мне: «Я не сочиняю стихи – я выхожу на свою ал-

Вадим Физиков продолжает свою просветительскую деятельность, сосредоточившись на исследовании омской литературы

лею, и ко мне слетают стихи готовыми. Их нужно только запомнить и записать». Ну это же чудо. Об этом же говорил Пастернак: «Я не сочиняю. Я записываю. Какая-то сила мне надиктовывает это». И для того, чтобы понять, как поэтический текст сделан, понять художественный прием, надо читать не раз, не два и не три, разбираться. Надо знать, что ты ищешь и что ты можешь найти. К тому же между приемами очень сложные взаимоотношения, невероятное сплетение... Ведь в поэзии столько возможностей создать образ – с помощью слова, звука, ритма, синтаксиса, композиции, жанра...

– Сейчас вы при финансовой поддержке сына издаете уникальную книжную серию «Поэзия омского Лукоморья» – фактически первую галерею омской поэзии...

– Я хотел издать книгу статей об омских писателях к 300-летию Омска. Хотел, чтобы там была и поэзия, и проза. Это мое хотение поначалу поддержали в городском Департаменте культуры, но потом оказалось, что на издание нет денег. Мой сын Михаил, такой же увлеченный книжник, знал об этой неудаче. Я ее пережил: ну, нет так нет, что делать. Я навсегда уже простился с этой идеей, но спустя несколько месяцев мне сын звонит и говорит: «Давай мы все-таки издадим твою книгу об омских литераторах. Но издадим только о поэтах. Сделаем так: мы напечатаем твою книгу, а вслед за ней – томики лучших омских поэтов, которых ты выберешь». Первым у нас вы-

шел сборник моего любимого омского автора Тимофея Белозёрова. На данный момент вышло 12 книг. Презентация очередного сборника, получившего название «О город мой родной...», в который вошли стихи разных авторов, посвященного Омску, состоялась в январе этого года.

Название серии не случайно. Лукоморье – это образ из поэзии Леонида Мартынова. Лукоморье – от слова «лук», это место впадения одной речки в другую, большую. В таких местах часто вырастают русские города, так вырос и Омск. Но благодаря Мартынову слово «Лукоморье» приобрело еще и значение Родины, малой отчизны.

Весь тираж этой книжной серии предназначен для городских и сельских библиотек, передается он туда совершенно безвозмездно.

– Вами несомненно движет любовь к литературе. Для чего же литература нужна человеку, что она ему дает?

– Русская литература – это одна из лучших литератур мира. Я однажды встретил любопытную мысль – сейчас уже не помню, где именно. На каком-то международном конгрессе один из наших писателей сказал: если наступит час апокалипсиса и нам, русским людям, придется держать ответ на последнем суде, что мы сможем предъявить? Мы сможем предъявить наш удивительный язык и нашу замечательную великую литературу, классическую литературу.

Это высокое искусство, и оно привносит в душу человека и мир вокруг него гармонию. А гармонию надо ценить. К сожалению, гармонии так мало в нашей жизни, потому что нас захлестывают суета и слабость каждого из нас в отдельности. Поэтому нам трудно без настоящей литературы, без театра, без великой живописи, без музыки. Я думаю, в нашей трудной жизни именно классическая литература помогла мне остаться человеком, верующим в жизнь...

Русский мир не только одарил человечество великим искусством русских писателей, но и показал глубину русского характера и необычайное нравственное богатство России, высокие идеалы. Особенно сейчас об этом важно задуматься, потому что идеалы на Западе рухнули – для них ничего уже не значит ни семья, ни красота, ни высокие устремления. А в русской литературе все это живет и будет жить вечно.

– Однако современную молодежь чтение классики мало привлекает. Можно ли вернуть интерес к чтению?

– Это возможно сделать только на государственном уровне. Сейчас, пока мы боремся и сопротивляемся наглости Запада, мечтать об этом рано. Нам сейчас не до этого. Задача, чтобы России не было, нам нужно победить в этой войне. Помните Евтушенко? «Если будет Россия, значит, буду и я». Важно, чтобы была Россия. ●

РУССКИЙ ВЗГЛЯД АЛЕКСАНДРА ДЮМА

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

ПРЕБЫВАНИЕ ЗНАМЕНИТОГО ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ АЛЕКСАНДРА ДЮМА В РОССИИ В 1858 ГОДУ НЕ ОГРАНИЧИЛОСЬ ПОСЕЩЕНИЕМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. В СТОЛИЦЕ ОН ПРОВЕЛ ПОЛТОРА МЕСЯЦА, ЗАТЕМ НАПРАВИЛСЯ В МОСКВУ. ДЮМА ХОТЕЛ УВИДЕТЬ НАСТОЯЩУЮ РОССИЮ, А НЕ «ПОДДЕЛКУ ПОД НЕЕ», КАКОВОЙ ОН СЧИТАЛ ПЕТЕРБУРГ. ВМЕСТО ЗАПЛАНИРОВАННЫХ ДВУХ НЕДЕЛЬ ПИСАТЕЛЬ ЗАДЕРЖАЛСЯ В МОСКВЕ НА ПОЛТОРА МЕСЯЦА, А ПОТОМ ОТПРАВИЛСЯ В ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОЛГЕ, ЗАКОНЧИВ СВОЕ ТУРНЕ ПО РОССИИ НА КАВКАЗЕ.

Продолжение. Начало см.:
«Русский мир.ru» №9 за 2023 год.

Александр
Дюма.
1850-е годы

В МОСКВУ ДЮМА ОТправился по Николаевской железной дороге, движение по которой открылось в 1851 году. В то время это была наиболее совершенная в техническом отношении и самая протяженная двухпутная железная дорога в мире. Но писателю она не понравилась: «Русские железные дороги довольно плохо организованы». Заметим, это свойственно путешественникам – делать обобщения: Дюма проехал только по одной железной дороге, но вывод делал как их глубокий знаток. Ему не понравилась «медлительность передвижения», не пришлись по душе пейзажи: «...дорога из Санкт-Петербурга в Москву тянется то степью, то бесконечными лесами; нет ни малейшей возвышенности, которая придала бы пейзажу живописность». Единственное, что его развлекло, – это вид лесного пожара. Писатель судил о русских дорогах не только по тому, что видел своими глазами, но и опираясь на сложившуюся традицию восприятия, причем как западную, так и русскую. Дюма смотрит на русские дороги, находясь под впечатлением от стихотворения

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

князя Петра Вяземского «Русский Бог»: «Князь Вяземский написал оду, в которой описывает состояние России XIX века: уже первая строфа была посвящена улицам и проселочным дорогам. Заметьте, дорогие читатели, что это говорю не я, а русский князь, генеральный секретарь Министерства внутренних дел, которому были знакомы и рывини, и проселочные дороги». Но француз решает быть менее придирчивым, чем русские, и даже находит преимущество русских железных дорог перед французскими: в поездах есть ватерклозеты.

САМАЯ БОЛЬШАЯ ДЕРЕВНЯ ЕВРОПЫ?

И вот Дюма прибыл в Москву. «На этот раз мы оказались в сердце старой России, то есть в настоящей России, а не в подделке под Россию, каковой является Санкт-Петербург». Древнюю столицу Дюма описывал так: «После Константинополя Москва – самый большой город или, вернее, самая большая деревня Европы. Ибо Москва со своими парками и лачугами, своими озерами и огородами, воронами, что кормятся рядом с курами, хищными птицами, парящими над домами, скорее

Станция железной дороги.
Литография Ж. Жакотте и Обрэна с оригинала Ж.-А. Дюрюи и И.И. Шарлеманя.
1850-е годы

огромная деревня, нежели большой город».

В Москве писатель рассчитывал провести две недели, поскольку спешил попасть в Нижний Новгород на «знаменитую ярмарку, куда посылают своих представителей Европа, и Азия», однако задержался на полтора месяца. Жил в Петровском парке, на роскошной даче Нарышкиных. В его распоряжение предоставили «очаровательный павильон, отделенный от главного здания живой изгородью из сирени и цветущим садом». В отчете Третьего отделения сообщалось: «В семействе Нарышкиных, где жил Дюма, его очень хвалят как человека уживчивого, без претензий и приятного собеседника. Он имеет страсть приготовлять сам на кухне кушанья и, говорят, мастер этого дела».

Его светский успех в древней столице был таким же оглушительным, как и в Петербурге. В саду «Эльдорадо», находившемся на окраине Москвы, в Сущеве, были устроены два праздника в честь писателя.

Дюма несколько раз побывал в Кремле. Сначала захотел увидеть его на закате. Вечерний Кремль показался ему «дворцом фей, который нельзя описать пером». «Я вернулся изумленным, восхищенным, покоренным, счастливым», – отмечал он.

Потом, после посещения Новодевичичьего монастыря, он снова заехал в Кремль – посмотреть его при свете дня. Собор Василия Блаженного произвел на Дюма, как и на многих иностранных путешественников, весьма неоднозначное впечатление: «...это плод большого воображения безумного зодчего, который его строил <...> Я нажил себе в Москве порядочно врагов, отказавшись разделить всеобщее восхищение собором Василия Блаженного». А вот Оружейная и Грановитая палаты в Кремле, по словам Дюма, «действительно заслуживают восхищения».

Москва для Дюма – это не только древняя столица, это город, связанный с именем Наполеона Бонапарта. Отец Дюма был

Общий вид Кремля и Москворецкого моста от Раушской набережной.
Литография Л.-П.-А. Бишуба.
1840-е годы

наполеоновским генералом, и сам писатель был во власти наполеоновской легенды, поэтому жаждал увидеть все места, связанные с пребыванием императора в Москве: «Москва – крайний пункт, где Франция вознесла свое знамя на севере, после того как водрузила его на юге, в Фивах. Вся наша революционная и имперская эпопея, величайшая после Александра Великого и Цезаря, заключена меж именем Бонапарта, начертанным на пилонах Фив, и именем Наполеона на стене Кремля. Поэтому не удивляйтесь, что у меня забилось сердце, когда я проезжал по городу Юрия Долгорукого».

В Кремле его неотступно преследовали мысли о московском пожаре: «Здесь, может статься, была написана величайшая, ужаснейшая страница нашей истории. Это тут император, подобно Христу, омылся кровавым потом <...> Он предусмотрел все, кроме одного – пожара!» Дюма приводит слова Наполеона: «Мы были обмануты цивилизованным Санкт-Петербургом, они так и остались скифами».

Писатель мечтал побывать на поле Бородинской битвы или битвы на Москве-реке, как ее именуют французы. Направляясь в Бородино, он сделал остановку на Поклонной горе: «Мы тоже остановились на вершине Поклонной горы; но мы из будущего возвращались в прошлое, скорбя о великом поражении, тогда как Наполеон и армия шли из прошлого в будущее, исполненные радости, надежды и гордости».

Он подробнейшим образом и весьма объективно описывает ход битвы, а также дает ее оценку: «Вероятно, мне не следовало бы подробно описывать эту ужасную битву, которая подобна лишь Гераклейской, заставившей сказать Пирра, этого эпирского Наполеона: «Еще одна такая победа, и мы погибли!» <...> Но если однажды по моим следам, с моей книгой в руке, другой паломник из Фран-

ции придет к этой бескрайней усыпальнице, он будет счастлив найти на самом поле битвы все детали того страшного дня, собранные не в сводках, газетах, описаниях историков, а прямо там, где трепетала одна из последних гордых надежд Франции».

Действительно, Бородинское сражение, по-разному трактуемое в российской и французской историографии, стало для Наполеона пирровой победой, и Дюма в этом абсолютно прав. Называя это сражение «ужасным», он повторяет слова Наполеона, подчеркивая,

что «Наполеон в течение двух дней не решался опубликовать отчет об этой грозной битве». А общий вывод писателя таков: «На поле брани мы были победителями, но не смогли закрепить эту победу». Такой взгляд на Бородинскую битву согласуется с подходами современных отечественных и французских историков.

В Москве Дюма обрел еще и переводчика: им стал студент Московского университета Александр Калино. Его рекомендовал ректор университета как одного из лучших студентов. Как потом писал Дюма, «Калино, лучший

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Л.-Ж. Жакотте.
Вид Бородин-
ского поля.
1840-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Вид Троице-
Сергиевой лавры
близ Москвы.
Литография
Л.-П.-А. Бишбуа.
1839 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Иван Александрович Анненков.
Акварель Н.А. Бестужева.
1836 год

студент Московского университета, получил настоящее университетское образование, то есть не знал абсолютно ничего из истории своей страны». К счастью, продолжает писатель, с ним была «княгиня Долгорукая, которая хоть и не получила университетского образования и не претендовала на ученость, но показала себя в такой же степени знающей, в какой наш школьный был невежественным». Из Москвы Дюма отправился в Троице-Сергиеву лавру: «Трудно представить себе что-либо более ослепительное, чем этот огромный монастырь, величиной с

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Прасковья
Егоровна
Анненкова
(урожденная
Полина Гебль).
Акварель
Н.А. Бестужева.
1836 год

целый город [...] Это живое средневековье – совсем как Эгморт (Эг-Морт – город во французском департаменте Гар. – Прим. авт.), как Авиньон». А ведь обычно европейцы писали, что у русских не было Средневековья.

По пути из Москвы Дюма задержался на восемь дней в Елпатьеве – имении Нарышкиных в Переславль-Залесском уезде Владимирской губернии, – а потом через Ярославль, где он остановился, по его словам, в одной из лучших гостиниц в России, отправился в Нижний Новгород.

Усадьба
Нарышкиных
Елпатьево.
Конец XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

«ВОЛГА – ЭТО НЕЧТО ВЕЛИЧЕСТВЕННОЕ»

Дюма спешил увидеть Волгу: «В каждой стране есть своя национальная река. В России это Волга, то есть самая большая река Европы [...] Волга – это нечто величественное. И я поторопился поклониться ее величеству Волге». Нижний Новгород поразил писателя своей многолюдностью: «Оживление, царившее на берегах реки, можно сравнить разве только с тем, чем становятся улицы Риволи вечером после фейерверка, когда почтенные французские буржуа после гуляния на площади Согласия отправляются к своим очагам, критикуя скопость парижских городских властей, которые не prodлевают фейерверк на всю ночь». Ярмарку путешественник буквально обежал, заметив, что «все сделки совершаются на честное слово, без письменных контрактов, без единого листа вексельной бумаги».

Дюма предупредили, что на приеме у нижегородского губернатора, Александра Николаевича Муравьева, его ждет сюрприз. Сюрприз превзошел все ожидания писателя: он познакомился с прототипами героев своей книги «Записки учителя фехтования» Иваном Анненковым и Полиной Анненковой (урожденной Гебль). По словам Дюма, его книга стала такой популярной в России, что «торговец тканями на ярмарке продавал платки с изображением сцены из этого романа, а именно – нападение волков на телегу, в которой ехала Полина». После трех дней, проведенных в Нижнем, путешественников ждала Казань, которая с высоты дамбы, по словам Дюма, являла собою «зрелище самое фантастическое»: «Казань – один из тех городов, что предстают перед вами в дымке истории. Ее татарские воспоминания еще столь свежи, что невозможно привыкнуть к тому, что она считается русским городом...»

Дюма посетил и Казанский университет, отметив, что он «похож на любой другой университет: там есть библиотека в двадцать

семь тысяч томов, которые никто не читает, сто двадцать четыре студента, которые стараются заниматься как можно меньше, кабинет естественной истории, посещаемый только иностранцами...».

Потом Дюма ждали Саратов и Астрахань. Через Кизляр и Баку он прибыл на Кавказ. А нам осталось вместе с писателем совершить путешествие по русской истории, познакомиться с разными слоями русского общества, их нравами и вкусами – такими, как их увидел Александр Дюма. Начнем с истории, ведь знакомство читателей с ее хитросплетениями являлось одной из главных задач Дюма.

ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ ПРАВИТЕЛИ

Географическое путешествие Дюма по России перемежалось с его путешествием по российской истории, и в каждом городе, где оказывался путешественник, он вспоминал легендарные страницы прошлого. В его описаниях российской истории привлекает внимание относительная точность многих деталей и характеристик, явно полученных от осведомленных современников. Помимо этого Дюма был знаком с трудами Вольтера и что-то позаимствовал у философа, изучая эпоху Петра Великого. Ему известны работы французских путешественников и исследователей, описывавших нашу страну, и порой Дюма приводит те же забавные истории, что и его предшественники. Опосредованно, через сочинения французских авторов, он знал «Историю государства Российского» Николая Михайловича Карамзина, читал он и «Демократические легенды Севера» французского историка Жюля Мишле.

Что касается ошибок и несответствий, встречающихся у Дюма, равно как и налета некоторой фантазийности и беллетристики, то это вовсе не главное в его повествовании. Как говорил Вольтер, хороши

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

А.П. Боголюбов.
Вид на Казань.
1861 год

все жанры, кроме скучного, и Дюма следует этому правилу. Главное, на мой взгляд, заключалось в ином. Французский читатель за предшествующие годы привык к демоническому образу России и ее правителей. Да, Дюма не был свободен от укоренившихся стереотипов, но ему удалось создать во все не пугающий и устрашающий образ русских правителей и России как таковой. В его интерпретации история России воспринимается как захватывающий роман, а ее правители – как необычайные люди.

ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИИ

Даже на Ивана Грозного Дюма попытался взглянуть с точки зрения его заслуг перед Россией. Да, Иван Грозный для Дюма – «один из самых мрачных и загадочных тиранов, когда-либо существовавших на земле <...> которого русские прозвали Грозным, а другие современные ему государи – палацом, мы же назовем его Безумным». Говоря о жестокости Ивана IV, писатель подчеркивает, что «Калигула рядом с ним – голубок. Нерон – агнец».

Н.В. Неврев.
Опричники.
1888 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

При этом Дюма отмечает, что правление Ивана Грозного было отмечено как отрицательными, так и положительными моментами: «Иоанн Грозный в России – личность легендарная. В первые четырнадцать лет своего правления он поднимается до высшей степени могущества, в течение следующих тридцати доходит до пределов ужаснейшей жестокости».

Несмотря на все эксцессы царствования Ивана IV, подчеркивает писатель, «с его именем связано известное историческое величие и народное почитание. Ведь именно в его царствование поляки были отбиты, татары побеждены, перед русскими впервые замаячила их великая судьба; и, собранные воедино его тиранической рукой, организованные его деспотизмом, они ощутили свою зарождающуюся силу».

Период Смуты Дюма характеризует как важнейший этап складывания российской государственности, в котором большую роль сыграло русское духовенство. Такой подход отличает Дюма от многих европейских авторов, которые крайне негативно относились к православию и к православному духовенству. Смута,

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

по словам Дюма, это «самая блестящая веха для русского духовенства <...> Духовенство – единственное сословие в государстве, которое сопротивлялось разъединяющим силам тирании, много лет подряд, сменяя друг друга, господствовавшей над Россией».

Будущего патриарха Филарета, отца Михаила Федоровича – первого царя из династии Романовых, Дюма характери-

К. В. Лебедев.
Иван Грозный

М. И. Скотти.
Минин
и Пожарский.
1850 год

зует так: «Он до такой степени воплощал русскую национальную идею, что вокруг него объединилось все, что оставалось тогда от России, и Россия выбрала себе царя из его семьи».

Что еще важно: Дюма говорит о формировании русского национального сознания и чувстве национального единства во времена Смуты: «В 1612 году, когда в России, казалось, повсюду царilo отчаяние, появляются три человека: Минин – из народа, Пожарский – из дворянства, Романов (имеется в виду патриарх Филарет. – Прим. авт.) – из духовенства». Но все же подлинным создателем современной России Дюма, в соответствии со сложившейся на Западе традицией, считает Петра Великого:

«С Петром Россия не продолжилась, а вновь началась». Петр для него – это гениальный политический деятель, сопоставимый с Людовиком XIV. Когда Дюма описывает выбор Петром места для строительства Петербурга, возникает полное ощущение, будто речь идет о Людовике XIV, выбиравшем место для будущего Версальского дворца и так же, как и Петр, решившем построить свою резиденцию, казалось бы, в самом неподходящем для этого месте. Поэтому, как и в случае с французским монархом, выбор Петра – «результат трезвого, глубокого анализа». Как «король-солнце» перенесет центр своей власти в Версаль, так и Петр «все перенесет в Санкт-Петербург: сокровища, торговлю, столицу, дворянство, правительство; он поселит здесь сенаторов, чтобы их обслуживали торговцы, построит корабли и снабдит их матросами». При этом, подчеркивает Дюма, Петр «прекрасно осознавал, что вначале будет долгая и кровопролитная борьба с препятствиями, что при этом погибнут сотни тысяч людей, но какое это имело значение? Разве у него в то время их не было восемнадцать миллионов?» Как видим, здесь Дюма во многом

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

следует уже сложившейся традиции: Петр превратил Россию в цивилизованное государство, но действовал зачастую варварскими методами, не считаясь с жизнями людей. Конечно, во время строительства Версала погибло немало людей, а жертвы при строительстве Петербурга были преувеличены как раз западными авторами, но будем снисходительны к французскому писателю, находившемуся во власти стереотипов. В главе, посвященной Петру Великому и шведскому Карлу XII, Дюма представил весьма интересное сравнение двух государей, описывая их накануне Полтавской битвы: «По одну сторону был Карл XII, то есть девять лет непрерывных побед; по другую – Петр I, то есть двенадцать лет казней, забот, борьбы. Первый раздавал государства, венчал и свергал королей; второй с большим трудом сделался императором и начиндал приобщать свою империю к цивилизации. Один – любитель опасности ради опасности, храбрец, сражающийся ради удовольствия, второй – осторожный политик, воюющий только в интересах народа». Главное, отмечает Дюма, «если бы Карл XII был убит, это в конце концов была бы только потеря человека; Швеция осталась бы такой, какой она была, какой должна была быть. Если бы был убит Петр I, то погиб бы не только человек, но и цивилизация, империя потерпела бы крушение». Это тоже общее место: для европейцев история России неизменно воплощалась в ее правителе, это во-первых. А во-вторых, не будь Петра – Россия так и осталась бы отсталой лапотной страной. Дюма создал блестящую портретную галерею образов российских правителей, интересную не только французским, но и отечественным читателям. А мы остановимся на портрете Николая I – современника писателя, императора, при котором Дюма не мог оказаться в России.

Л. Каравак.
Петр Великий
в Полтавской
битве. 1718 год

ГОСУДАРЬ, КОТОРЫЙ СЛИШКОМ ЧАСТО ХМУРИЛ БРОВИ

Николай I для Дюма – «личность, во всем противоположная Петру I». Далеко не все европейские авторы делали такое противопоставление, наоборот, порой подчеркивали сходство между ними и отмечали, что Николай обладал достоинствами Петра, не имея его недостатков. Дюма очень точно выделяет главное качество Николая Павловича как правителя:

это человек долга и порядка, и именно гипертрофированное чувство долга, по мнению писателя, во многом объясняет его стремление к абсолютной власти: «Прежде всего скажем, что большинство из того, в чем упрекают императора Николая, происходит из-за чрезмерного значения, которое он придавал своим правам и своему долгу. Никто больше его не верил в свое право на неограниченную власть, никто, как он, не считал себя обязанным защищать монархизм повсюду в Европе. Его тридцатилетнее царствование было беспрерывной охраной самодержавия...» Помимо чувства долга одним из главных свойств характера Николая I Дюма называет «склонность к деспотизму»: «...эту склонность он стремился реализовать любой ценой: всей Европе пришлось в течение тридцати лет покоряться его капризам».

Деспотизм при описании России – одно из слов-маркеров, и Дюма в этом отношении следует укоренившейся со времен Сигизмунда Герберштейна традиции. Что забавно, деспотизм, по утверждению Дюма, влиял не только на людей, но и на дары природы. Например, писателю не понравились астраханские фрукты, а причина проста: «...московское владычество – нечто вроде насоса,

В.П. Худояров.
Император
Петр I
за работой.
1860-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

под ним ничто не успевает созреть из-за недостатка воздуха». Еще одно общее мнение о правлении Николая I – военизированный характер царствования, и Дюма тут не оригинал: «И он провел тридцать лет, так сказать, во всеоружии, считая себя солдатом, но и на всех русских глядя, как на солдат, и создавал солдатчину в гигантских масштабах. Его царствование было военным». А вот отношение писателя к широко распространенному в Европе стереотипу о вечном русском экспансиионизме не столь однозначно. В работе «Кавказ» он отмечал: «Самое любопытное, что российскому самодержцу приписывали захватывающие планы, которые он никогда не строил, ведь вся его непреклонность имела целью лишь удовлетворение собственной спеси и чванства». В то же время в книге о путешествии по России Дюма писал, что император Николай «человек ограниченный, упрямый, жестокосердый, не понимал, что каждый народ, если только он не беспокоит соседа и не угрожает ему, свободен делать у себя все, что желает. Глядя на карту своей

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВЫМ

огромной империи, видя, что она занимает седьмую часть мира, он решил, что другие народы всего лишь колонии, находящиеся на его территории, и захотел давить на них так, как давил на немецкие колонии, просившие его гостеприимства». Возникает ощущение, что Дюма намеренно интегрирует в свое повествование пропагандистские штампы и кли-

В.Ф. Тимм. Портрет императора Николая I на коне. 1840 год

Николай I своим присутствием усмиряет холерный бунт в Санкт-Петербурге в 1831 году. 1839 год

ше, поскольку в его описаниях российских окраин и Кавказа ни о каком притеснении и угнетении речи не идет.

Безгранична вера императора Николая I в свое собственное предназначение не только имела следствием, по мнению Дюма, деспотизм власти, но и была причиной его удивительной храбрости: «Царь был более чем смел, он был отважен. Лицо у него было прекрасное, рост внушительный, взгляд пламенный, движения величественные, пред ним не возникало преград, они исчезали, стоило ему появиться. Четырнадцатого декабря, не боясь пуль, он стоял за тридцать шагов от восставшего полка. Во время холерного бунта 1831 года, когда народ, веря, что воду отравляют немцы и поляки, учинил резню на Сенной площади, царь вскочил в коляску и в сопровождении одного только графа Орлова въехал в самую гущу дралихся <...> В течение своего долгого тридцатилетнего царствования он часто бывал сердит, гневен, взбешен – но никогда не проявлял слабости», – заключает Дюма.

А общий вывод писателя таков: «Император Николай несомненно является крупной исторической фигурой. В нем было нечто от античного Юпитера; он знал, что, нахмурив брови, заставляет трепетать шестьдесят миллионов человек. Зная это, слишком часто хмурил брови, вот и все», – не без иронии сообщает Дюма читателю.

От возможности быть представленным императору Александром II, сыну Николая Павловича, Дюма отказался. «Я не увижу его, чтобы сохранить за собой право повторить все то хорошее, что слышу о нем, – отметил писатель. – Это что-то да значит – стать почитаемым и вызывать овации 60-миллионного населения за такое короткое время». ●

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Окончание следует.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОДЕРБОРНА

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

БЫЮЩУЮ ЗДЕСЬ ЧЕРЕЗ КРАЙ НЕНАВИСТЬ, ПОДОБНУЮ БЕЗУМСТВАМ АППЕТИТОВ ГАРГАНТЮА, МОЖНО БЫЛО БЫ ОТНЕСТИ К ВЫЧУРНОСТИ МАНЬЕРИЗМА – ПРЕДВЕСТНИКА ИЗЛИШЕСТВ БАРОККО. НО РАЗГОВОР НЕ О КУЛИНАРИИ ИЛИ АРХИТЕКТУРЕ. РЕЧЬ О БИОГРАФИИ ИВАНА ГРОЗНОГО, ПЕРВОМ ЖИЗНЕОПИСАНИИ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЯ, ИЗДАННОМ ЗА РУБЕЖОМ.

Иван
Грозный.
Гравюра
Христофора
Вайгеля.
Вторая
половина
XVI века

«Ж

ИЗНЬ ИВАНА
Васильевича,
великого кня-
зя Московии»

(лат. *Ioannis Basilidis magni Moscoviae Ducis vita*) – это, с одной стороны, интеллектуальный прорыв, научный памятник, жест особого внимания, а с другой – памфлет на грани пасквиля, забавляющийся игрой между достоверностью и вымыслом, уважением и презрением, моралью и этикой.

Его написал лютеранский пастор Пауль Одерборн (около 1550–1604 гг.), немец, выходец из Померании, служивший в Вильне, Ковно, Риге и Митаве, никогда не бывавший в России. Завершение своего труда он датировал в предисловии 1 октября 1584 года – когда со смерти царя минуло чуть более полугода. Итог подводился по горячим следам.

Книга была опубликована в 1585 году в далеком Виттенберге. Она стала классикой. Уже че-

рез три года появился ее перевод на немецкий, впоследствии переизданный в 1596 и 1698 годах. Вплоть до 1710 года это была единственная история русского царя на немецком языке. Любой интерес к России в те годы неизбежно заставлял обратиться к ее тексту.

Так было и с первыми отечественными историками. Данные Одерборна активно использовал Николай Михайлович Карамзин. Иногда приводил их даже без ссылки, порой называл «баснословными». Вслед за ним так вели себя и другие. Это касалось прежде всего известий о жестокости и будуарных подробностей. Например, о беременности отправленной в монастырь Соломонии Сабуровой, первой супруги Василия III, о распутстве Елены Глинской, матери Ивана Грозного, об убийстве царем своего сына и т.д. Эти версии особенно были востребованы в художественных произведениях. В среде историков нарастал скепсис.

Титульный лист первого
латинского издания «Жизнь Ивана
Васильевича» П. Одерборна. 1585 год

ПЕРЕВОД

Казалось бы, «Жизнь Ивана Васильевича, великого князя Московии» – уникальный документ, созданный современником, очевидцем эпохи, исключительно популярный, обязательный для ознакомления. Но этот труд никогда не был переведен на русский. Так произошло не случайно – это осознанное решение: никто не хотел.

Латинский оригинал книги перепечатывали в 1600 году, затем в России в 1842-м он вышел в составе сборника источников. Дореволюционные историки все без исключения должны были владеть латынью, потому острой необходимости в переводе не было. Позднее ситуация ухудшилась. Советские исследователи знали Одерборна только в пересказах. Фактически речь может идти всего об одной публикации. Это статья Ивана Ивановича Полосина, написанная в 1948-м и опубликованная посмертно в 1963 году в мемориальном сборнике. Автор не готовил ее к печати, а потому она вышла без его редактуры и не лишина неточностей. Полосин частично пересказал содержание сочинения, привел ряд цитат и расставил неутешительные акценты. Его вердикт был жестоким: «Памфлет Одерборна представляет собою настолько сырой конгломерат дипломатически-обывательских и обывательски-дипломатических сплетен, что их педантический источниковедческий анализ оказался бы не-производительным делом». Полосин фактически заявил, что этот источник «бесполезен». Несмотря на обилие уникальных известий, ученый не видел возможности вычленить из них достоверные. Однако подобный нигилизм не привел к забвению труда Одерборна. Напротив, исследователи второй половины XX века активно на него ссылались. Его сведения по конспекту Полосина использовали такие известные исследователи, как Александр Александрович Зимин, Руслан Григорьевич Скрынников и многие другие. К сожалению, к оригинальному тексту они

не обращались, усложняя и без того запутанную историографическую ситуацию.

Первой о необходимости полного перевода книги Одерборна на русский язык заявила выдающийся отечественный медиевист Анна Леонидовна Хорошкевич, которая тогда же, почти тридцать лет назад, начала прилагать усилия к реализации такого проекта. Она предложила выполнить перевод сотруднику кафедры древних языков МГУ Клавдии Андреевне Морозовой. Частично эта работа была сделана, а ее результаты были опубликованы в 2000–2005 годах. Одна-

Василий III.
Гравюра Андре
Теве. XVI век

Портрет
польского короля
Стефана Батория
работы Мартина
Кобера. XVI век

ко качество переведенного текста смущало Хорошкевич и впоследствии заставило его полностью пересмотреть. Преждевременная смерть Морозовой не позволила ей закончить начатое. В 2003 году Хорошкевич предложила историку Владимиру Владимировичу Рыбакову сделать работу заново. В силу ряда причин этот труд растянулся на два десятилетия. За эти годы Хорошкевич ушла из жизни. Проект пришлось перезапускать в 2020 году, когда я опубликовал призыв к нему в социальной сети. Сейчас книга готовится к публикации в издательстве «Наука». Скоро у нас будет возможность ознакомиться с полным текстом Одерборна в переводе Рыбакова с обстоятельными комментариями профессора Санкт-Петербургского университета Александра Ильича Филюшкина.

АМБИЦИОЗНЫЙ ПАСТОР

Провинциальный проповедник Пауль Одерборн может быть доволен: не являясь выдающимся деятелем в какой-либо области, посмертно он таки прославился. Его собственная биография не блистала изысками. Он родился в маленьком городке Барт на берегу лагуны Бодден, выходящей в Балтийское море в районе острова Рюген в Западной Померании. Впервые он упоминается в 1570 году в числе студентов магистратуры факультета теологии университета в соседнем Ростоке. В 1574-м он получил степень магистра философии, а с 1577 года служил в лютеранском приходе в Вильне. В священники его рукоположили в 1578-м. И уже в следующем году Одерборн в качестве пастора присоединился к армии Стефана Батория, направлявшейся к Полоцку. Для Батория это было удачное предприятие, в ходе которого московские войска Полоцк оставили. Успех послужил поводом для многочисленных письменных рефлексий западноевропейских интеллектуалов, морализаций на тему поверженного зла и духовного превосходства. По подсчетам Александра Ильича

Филиюшкина, «за последующие 1579–1582 годы национальных памятников пропагандистского и информационного типа, посвященных войне Речи Посполитой и России, вышло больше, чем за предыдущие двадцать лет кампаний». Это был настоящий «всплеск манифестов, летучих листков, панегириков и глаукофикационных сочинений, и даже гравюр, изображавших сюжеты из недавней истории Великого княжества Литовского». Авторы разъясняли: «мы из «христианского мира», а они схизматики; мы – прекрасная развитая цивилизация, а они – примитивные варвары; у них безумный тиран Иван Васильевич, а у нас великий король Стефан Баторий; у них страна рабов с погрязшими в коррупции вельможами, а у нас самое совершенное государство, Речь Посполитая; у них трусливые и бездарные воеводы, а у нас великие полководцы; у них дикий и жестокий сброд с примитивным оружием, а у нас прекрасная и благородная армия и т.д.».

Одерборн стал корреспондентом своего учителя Давида Хитрея, многолетнего ректора Ростокского университета, протестантского богослова, интересовавшегося событиями на востоке. С чужих слов Одерборн писал ему о религии московитов, о боевых действиях, об осаде Пскова и мирных переговорах, которыми в 1582 году завершилась Ливонская война. Некоторые его материалы Хитрей даже публиковал, чем, надо полагать, вызвал у ученика желание попробовать свои силы на литературном поприще. С 1583 года Одерборн служил пастором в Ковно, где приступил к осуществлению задуманного сразу после получения известий о смерти русского царя. Он не только метил в вечность, претендуя на литературный олимп. Но и преследовал вполне земные цели, рассчитывая на щедрость влиятельного германского князя – герцога Брауншвейгского Генриха Юлия, который в мае 1584 года объявил о помолвке с дочерью саксонско-

Герцог
Генрих Юлий
Брауншвейгский.
Гравюра
Доминика
Кустоса. 1600 год

го курфюрста Доротеей. Именно 20-летнему Генриху Юлию Одерборн посвятил свой труд, который наполнил многочисленными сопоставлениями его благородного наследия и славного правления с природной почечностью и варварским деспотизмом русского царя.

АВТОРИТЕТНЫЙ ИСТОЧНИК

На фоне высокообразованного юного герцога Брауншвейгского Одерборн старательно выводил Ивана Грозного инфернальным исчадием, а Москвию – образцом дикости. Уничтожительные эпитеты начинались с первых строк: «Никогда еще за все времена, память о которых только сохранили люди, никто из тех, кто был облечены царским саном и восходил на вершину власти, не проявлял по отношению к гражданам и чужеземцам столь великой жестокости и не чинил боль-

шего произвола, чем Иван Васильевич». Перечни оскорблений заполняли целые страницы: «был он тираном, кровопийцей, свирепым, необузданным, захватчиком чужого добра, жадным до денег, хищником, живоглотом, высокомерным, превознесшимся, недоступным для просителей, своенравным, плохо сходился с людьми, невежливым в речах, крайне вспыльчивым, раздражительным, буйным, рабом удовольствий, несдержаным, неумеренным, безрассудным, бесчеловечным, несправедливым, не слушал советов, бесчестным, законным, умалишенным, легкомысленным, непостоянным, нестроворчивым, безжалостным, преданным страстям, неисправимым, злозычным, зачинщиком войн, тягостным, надоедливым, безудержным, непереносимым». Более того, царь, «кровожаднейший и нечестивейший», «отвратительная и изнеженная натура», «унаследовал» эти качества от своих «родителей обоего пола». Еще будучи мальчиком, все его «нравы» «имели под собой нечто чудовищное и жуткое». При этом «он далеко превзошел своих предков в беззакониях, произволе и жестокости».

Дабы подтвердить свои выводы, Одерборн соответствующим образом подбирал биографический материал, который, следует признать, большей частью почерпнул из неидентифицируемых источников. Он читал некоторых предшественников – Сигизмунда Герберштейна, Матвея Меховско-

Последний
штурм и сдача
Полоцка.
Летучий листок.
Автор – Г. Мак.
Нюрнберг.
1579 год

го, Марцина Бельского, Антония Поссевино, Александра Гваньини, беседовал с дипломатами и рядовыми свидетелями, как посещавшими Москвию, так и просто слышавшими о ней что-либо. Он действительно нередко передавал слухи и анекдоты, но полностью пренебрегать этими известиями точно нельзя.

Очевидно, что сочинение Одерборна не для буквального прочтения. Изложенные в нем сведения нельзя передавать без сопроводительных пометок – они отражают иную реальность. Перед нами образец стиля ренессансной биографии на излыте жанра.

Молодой жених, Генрих Юлий, из числа «правителей дел человеческих, которые более знамениты своей высокой образованностью, тех, кого украшает и славит большая воздержность и чистота нравов, те, которые более известны умеренностью своей жизни, непорочностью, благочестием». Его оппозиция – античные деспоты, подобные Дионисию Сиракузскому или Клеарху из Гераклеи Понтийской, среди которых пребывает и образ русского царя.

Весь текст «Жизни Ивана Васильевича, великого князя Московии» представляет собой центонизацию в сочетании с пастишами и бриколажем из цитат. По наблюдению Владимира Владимировича Рыбакова, Одерборн активно использовал сочинения Цицерона, Юлия Цезаря, поэтов Луция Акция, Овидия, Пиндаря. Массово заимствовал тексты у римского историка II века Марка Юниана Юстина. Иногда Одерборн просто переписывал Юстину, чуть корректируя. Так, слова Соломонии (первой супруги Ва-

сиила III) в момент ареста – переделанный фрагмент речи римлян во время войны с сирийским царем Антиохом. Накануне введения опричнины Иван Грозный произносит речь Александра Македонского, обращавшегося к персам. Отбор в опричники – переделка сюжета о формировании все тем же Александром Македонским особого отряда из персов и македонян. Рассказ о гонениях Василия III на своих братьев создан на основе повествования Юстина о гонениях Дионисия Сиракузского на своих родственников. В основе описания преступлений юного Ивана Васильевича – история того же тирана.

Другим кладезем для заимствований стала для Одерборна книга папского библиотекаря Паоло Джовио «Жизнь Льва X». Джованни Медичи был римским папой

Русское посольство к императору Священной Римской империи Максимилиану II в Регенсбурге. Ксилография. 1576 год

Львом X в 1513–1521 годах. Он известен своим противостоянием с Мартином Лютером. Именно этому понтифику были адресованы «95 тезисов», которые отец протестантизма прибил к деревям Замковой церкви в Виттенберге 31 октября 1517 года. Именно с этого началась Реформация и лютеранство, чьим профессиональным служителем был Одерборн. Именно цитации из «Жизни Льва X», легко узнаваемые современниками, выбраны для описания преступлений Ивана Грозного.

У Джовио был заимствован текст, легший в основу описания взятия Смоленска князем Михаилом Глинским в 1514 году, а также многое про опричнину. Повесть об Астраханском походе 1556 года является почти дословным фрагментом из Джовио, причем итальянский город Брешиа там просто заменен на Астрахань.

Здесь нужно отметить, что итальянское Возрождение заново открыло жанр биографии, которых в первой половине XVI века было написано, кажется, больше, чем за всю предыдущую историю. Их героями стали многие современники. Эти тексты довольно быстро обросли литературными традициями и предполагали не только изложение фактического материала. Жизнеописания обычно предполагали комплекс риторико-стилистических и морально-педагогических целей, не считая чисто эстетических. Тенденциозность была тогда их обязательной характеристикой.

Продвигая свои политические концепции, Никколо Макиавелли создал совершенно фальси-

фицированный образ кондотье-ра Каструччо Кастракани. В свою очередь, Бартоломео Платина написал про папу Павла II настоящую «биографию-карикатуру». Паоло Джовио слыл классиком жанра. Пастор из Ковно Пауль Одерборн не претендовал на славу «бича государей» Пьетро Аретино, но определенно хотел оказаться в рядах знатоков. Уже в предисловии он заявил свою этическую цель: показать, «насколько велико несходство между отцами отечества и тиранами», чистыми и нечистыми, верными и нет. В силу близости к материалу предметом экзекуции стал русский царь.

Иван Грозный.
Реконструкция
М.М. Герасимова.
1963 год

полке – среди хорроров, готики и невиданных чудес. При этом нельзя отбрасывать значимость ее известий для истории. Одерборн был современником, заинтересованным современником, и вращался среди таковых. Иногда он определенно передавал что-то достоверное и важное. Например, он был знаком с каким-то английским послом, который возвращался на родину через Ливонию – возможно, это был Джером Горсей. Также он много расспрашивал Льва Сапегу, который был послом Речи Посполитой в Москве весной 1584 года, во время смерти царя, и докладывал об этом своему королю. Одерборн – единственный, кто дает резонное объяснение

загадочному «восстанию Бельского», о котором в русских летописях говорится исключительно неопределенно: после смерти Ивана Грозного он затеял бунт, якобы чтобы восстановить опричнину или самому воцариться, но быстро отказался от задуманного. Одерборн же передает версию, возможно, услышанную от Сапеги: Богдан Бельский, последний из фаворитов царя, пытался возвести на трон вместо недееспособного Федора царевича Дмитрия, опекуном которого являлся. Переворот не удался, сторонники Федора и Бориса Годунова победили, а Бельский отправился в ссылку. Это слух и почти наверняка фантазия, но контекст эпохи он передает, позволяя задуматься об обстоятельствах утверждения наследников на московском троне. Не исключено, что перед нами независимая информация о закулисных беседах, общественном мнении или скрытых мотивах. Это тоже история... Ученые пытались оценить Одерборна в качестве коллеги и вынесли суровый, неутешительный приговор. Литераторы вообще его проигнорировали, и не зря: стилист из него никудышный. Обилие суффиксов, вычурность, имитации и скрытые цитаты – все это далеко от высокого искусства. Выискивая этические ориентиры, Одерборн заигрывал с ненавистью. Некому на него оби-

ХОРРОР И ГОТИКА

После 1585 года мы обнаруживаем Одерборна в Вильне и Гродно. С 1589-го он в Риге. Потом Курляндия. С 1593 года – в Митаве, при дворе герцога Фридриха Курляндского. Там он наконец добивается благосклонности правителей и в 1597-м получает доходную синекуру – становится суперинтендантам всех лютеранских церквей в Курляндии. В этой должности он умер в 1604 году. Одерборн не знал русского языка, никогда не был близко знаком ни с одним московитом и никогда не пересекал восточной границы своей страны. Он не был историком, он был проповедником.

Ничего не известно о прижизненном успехе Одерборна. Надо полагать, он смог подзаработать на своем сочинении. Характерно, что когда в 1588 году вышел его немецкий перевод, то вместо академически нейтрального «Жизнь Ивана Васильевича, великого князя Московии» название зазвучало беллетризовано: «Чудесное, страшное, неслыханное повествование и правдивая история...» (Wunderbare, Erschreckliche, Unerhörte Geschichte und wahrraffte Historien...). Рынок требовал броских заголовков, а текст явно позволял привлечь массового читателя. Так воспринимали книгу немецкие коммерсанты, таково ее место на

План Москвы из «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна. Издание 1556 года

жаться за поношения Дионисия Сиракузского, а вот с русским царем все оказалось не так безобидно. Возможно, автор и не испытывал стыда за свои литературные потуги, а московиты были нужны ему в качестве риторических фигур. Ясно, что для своего времени Одерборн не написал ничего постыдного. Он пытался угодить запросам читателей, привыкших считать восточного соседа варварским государством. Нам воспринимать текст Одерборна сложнее. Но отказываться от усилий никак нельзя. Не так много у нас источников по истории XVI века.

ВРАГА НАДО ИЗУЧАТЬ

В 1854 году во Франции 22-летний начинающий художник Гюстав Доре попытал себя в жанре сатирического комикса, к которому помимо рисунков написал также текст. «Живописная, драматическая и карикатурная история Святой Руси» была первой такой книгой Доре. Тогда началась Крымская война, и художник захотел заработать на патриотических чувствах. В целом он создал клеветнический грофеск. Успеха не добился. Война быстро закончилась. Заключив выгодный мир, французский император Наполеон III постарался избавиться от подобных агиток на злобу дня и не раздражать рус-

ских – тираж книги Доре выкупили и уничтожили. Впоследствии ее переиздавали только в связи с обострением внешнеполитических отношений с Россией – в Германии на немецком в 1917, 1937 и 1970 годах, в США на английском в 1971–1972 годах, в Польше на польском в 2004 году. Переиздавали практически без комментариев. В 2010-м вышел перевод на русском, выполненный бегло и неряшливо и, к сожалению, тоже без комментариев. Либо издатели надеются, что книга сама доказывает свою ангажированность, и это видно невооруженным глазом, либо они постеснялись вложиться в сопровождающий аппарат. А жаль. Такие вещи надо издавать обязательно, но только вместе с соответствующими разъяснениями. Не просто «посмотрите, что они нагородили», но именно «посмотрите, что, почему, когда, кто и зачем».

Именно так сейчас готовится издание перевода книги Одерборна. Именно так в 2016 году Мюнхенский институт современной истории представил историко-критическое издание запрещенной в нашей стране книги Адольфа Гитлера «Моя борьба». Его готовили три года. Это два тома, где текст сопровождают более чем 3 с половиной тысячи примечаний. Книги весят

Гравюра с титульного листа книги Георга ван Гоффа «Страшная, ужасная и возмутительная тирания Ивана Васильевича» (1582), где русский царь изображен в виде восточного деспота

почти 6 килограммов. Оригинальное издание 1943 года признано в Германии «вредным для несовершеннолетних». А современное – доступно и стало бестселлером. К 2022 году его допечатывали 13 раз!

Мой опыт поездок по зарубежным странам позволяет утверждать, что «Моя борьба» Гитлера присутствует в большинстве книжных магазинов мира, ориентированных на массового читателя, прежде всего в аэропортах – от Канарских островов, Кипра и Мальты до Турции, ЮАР, Таиланда и Пакистана. Везде, к сожалению, представлено переиздание английского перевода 1939 года со скучными пояснениями и таким же предисловием. Его активно раскупают. Ничего лучше нет ни на английском, ни на русском. Желающие читают эту книгу как она есть, и это плохо. Академическая лень может сыграть с читателем злую шутку. Запретный плод, как известно, сладок.

Гитлер ориентировался не на русского читателя, а на своих соотечественников, с которыми собирался поработить соседей. Русских он ненавидел. И не только русских. Зачем же это скрывать от нас сейчас, запрещая к прочтению? Скорее, наоборот, стоит предъявить его «сочинения» в полный рост, чтобы все могли рассмотреть, осознать и прощувствовать. Чтобы подобное больше никогда не повторилось. Законодателям, запретившим такие издания, стоит задуматься. То же самое относится к любому другому паскивилюту, клеветнику или разжигателю розни. Предъявите его читателю, идентифицируйте его прежде, чем признать вредным. Чтобы бороться с врагом, его надо изучить. Ведь в случае Доре за желторотым злобником скрывался желторотый ёрник и хохотун, а в случае Одерборна – религиозный моралист и старательный литературный стилизатор. Читайте и делайте выводы. Страх провокации не должен мешать созданию вакцины. Без яда не бывает антидота.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

К.-Ж. Верне.
Кораблекрушение
в штормовом море.
1773 год

КРОВАВЫЙ БАРОН

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

ПОЕЗД ПРИБЫВАЛ В ТАЛЛИН РАННИМ ЯНВАРСКИМ УТРОМ. ПОСЛЕДНИЙ ЧАС ПУТИ Я ПРОСТОЯЛ ВОЗЛЕ ОКНА, НАБЛЮДАЯ, КАК В ПРЕДРАССВЕТНОЙ ДЫМКЕ МЕЛЬКАЮТ ОКРЕСТНОСТИ САМОГО ЗАПАДНОГО ГОРОДА СССР. С ТЕХ ПОР МИНОУЛО БОЛЕЕ ПОЛУВЕКА, НО ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ПЕРВОЙ ВСТРЕЧИ С ДРЕВНИМ ГОРОДОМ ЖИВЫ И СЕЙЧАС.

НЕЗНАКОМЫЙ РЕВЕЛЬ очаровывал с первого взгляда, появилось чувство, словно ты на съемках фильма о Средневековье: по-скандинавски рациональный и сдержаненный город покорял узенькими улочками, крепостными башнями, старинными домами с черепичными крышами. Великолепен был занесенный снегом изящный и безмолвный Кадриорг, в уютных кафе подавали редкие для Ленинграда взбитые

сливки, а сосновый лес уводил вглубь приморской буржуазной Пириты с двухэтажными виллами. В местном книжном магазине сбылась мечта юного шахматиста: весь обратный путь я разбирал партии из сборника «Таллин-1973» – знаменитого международного турнира с партиями блистательного эстонского маэстро Пауля Кереса. Прошли годы, и поездки в Таллин стали привычными. Оказалось, что впечатления юно-

го ленинградского неофита вполне банальны: многие из приезжавших на протяжении веков в Ливонию, Эстляндию или Эстонию – как кому удобнее – испытывали сходные чувства. А русские, кого ни возьми – ученые, моряки, туристы, артисты, художники, писатели, – часто и охотно наведывались на берега Балтийского моря, словно переносясь в иной мир – манящий, привлекательный и незнакомый.

Небо огромно, и тучи волнисты и сложны,
Море шумит, и не счастье белопенных валов.
Ветер метет шелестящий песок бездорожный,
Мерно за дюнами пенье сосновых стволов.

Эти строки язвительный Саша Черный написал на взморье Гунгербурга (Нарва-Йыэсуу), излюбленного курорта состоятельных петербуржцев и москвичей, застроенного красивыми дачами, пансионатами и санаториями. Тем же созерцательным настроем наполнены строки надолго поселившегося здесь Игоря Северянина. Никогда на острове я не был,
Ничего о нем я не слыхал.
Вероятно: скалы, сосны, небо,
Да рыбачьи хижины меж скал.

Ревель.
Общий вид.
Конец XIX века

РЕВЕЛЬСКАЯ СТАРИНА

Однако поэтическая и задумчивая Эстляндия – фон запоминающийся, но совсем не единственный в воспоминаниях приезжавших сюда. Страна балтийских немцев оставляла у каждого в душе свой отпечаток, свои декорации. Вот, к примеру, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, любивший отдыхать в том же Гунгербурге. Откроем его путевые записки «Русская граница»: «Поезд тронулся, и мы очутились на территории древней Ливонии, политой из края в край русской кровью. Но и сейчас все здесь остается для нас чужим, что чувствуется на каждом шагу. Одним словом, мы переехали русскую границу... Характер местности мало изменился, но совершенно другие лица, другой тип построек и даже как будто другой воздух. Чувствовалась близость моря, близость холодного северного моря, моря древних скандинавских саг, викингов и смелых конунгов».

Расцвеченные пером писателей и журналистов прибалтийские

реалии приобретали новые черты, особенно во времена обостренного звучания национальной темы в литературе русского романтизма XIX века. Чуждые привычным русским пейзажам немецкоговорящие губернии Балтийского моря с их старинными мызами и поместьями остзейских рыцарей неожиданно добавляли красок русской старине, дополняли ее средневековые страницы ливонским колоритом. И на ниве поэтически прочитываемой истории Лифляндии и Эстляндии появлялись произведения братьев Александра и Николая Бестужевых, Вильгельма Кюхельбекера, Павла Свиньина, Фаддея Булгарины и Якова де Санглена. «Если нам так полюбилось все готическое; если мы с таким жадным любопытством рассматриваем памятники феодальных времен и, прислушиваясь к преданиям, для нас вовсе не чуждым, забываем свою русскую старину, то неужели надоально для этого выезжать из пределов нашего отечества? – вопрошал долгое

время проживший в Ревеле литератор Алексей Бочков. – Все это мы найдем от себя невдалеке: поезжайте в Ливонию, Эстонию – там почитатель шотландского барда вздрогнет от удовольствия, вида, какой роскошный пир предстанет его взору и воображению». Атмосфера прибалтийской жизни резко контрастировала с общей тональностью привычной русской повседневности. «Лабиринт улиц и закоулков, кривых, узких, на подобие коридора, в котором иногда буквально невозможно разъехаться двум повозкам, мрачных по причине этой узкости и темно-серого цвета домов, строенных из местного камня, – этот лабиринт сбивает с толка даже человека, привычного к матушке Москве, с ее бесчисленными извилистыми, кривыми и тупыми переулками, – описывал свои впечатления наблюдатель. – Прибавьте сюда древние каменные стены, остатки уцелевших от времени старых крепостных ворот с их башнями, поросшими мхом, красную черепицу на крышах, стремящиеся вверх готические колокольни с боем часов, здания ратуши с готическими же узкими окнами, там и сям дома, носящие на фронтоне надпись с годом их построения на латинском языке «Anno Domini», вслед за чем следует из XVI в., – да, это что-то новое, невиданное для русского человека».

Сходными впечатлениями поделился и Иван Лажечников, в романе «Последний Новик» воспевший страницы средневековых прибалтийских хроник: «На замки Лифляндии смотришь еще, как на представителей феодального ее быта, дикого и романтического. Это ветераны некогда знаменитого и более не существующего войска, ветераны, изувеченные, отдающие уже дань времени и засыпающие сном вечным на изломанных трофеях своих. <...> Разбудите их, вопросите с терпением и уважением, должностным их сединам и заслугам, – и они, в красноречием лепете младенческой старо-

Гунгербург.
Берег Финского
залива. Начало
XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Остров Эзель. Эзельский
уезд Российской империи.
Карта 1798 года

сти, расскажут вам чудеса о давно былом; и гигантские тени их полководцев, прислушавшись из праха к словам чести и красоты, встанут перед вами, грозные, залитые с ног до головы железом, готовые, при малейшем сомнении о величии их, бросить вам гремящую рукавицу, на коей видны еще брызги запекшейся крови их врагов».

ОРЛИНЫЕ ГНЕЗДА

Пронизывающий ветер, забытые острова, суровые «труженики моря» – еще одна ливонская декорация, над созданием которой потрудился классик русской литературы Николай Семенович Лесков, каждое лето проводивший в Аренсбурге (эст. Курессааре) на острове Эзель (эст. Сааремаа) и в окрестностях Нарвы. Его сложные отношения с миром остзейских немцев, неприязнь к местным хитрым политическим элитам с их национализмом, непрошибаемой самоувренностью и педантичностью в достижении целей – одна сторона медали. Но дело имело и другую сторону. Готовя очерки о простых эстонцах с грязевых курортов Эзеля, внезапно заболевших проказой, Лесков не раз посещал один из них – Ротсикюль (эст. Rootsiküla) – «самое ужасное отделение ада на земле... собрание прокаженных, соединенных в самом тесном сближении с непроказенными, бедными людьми, не понимающими опасности, в которой они находятся». Здесь, «в прекрасном свежем лесу на берегу залива», писатель столкнулся с новой для

Иллюстрация
из книги
И.И. Лажечникова
«Последний
Новик, или
Завоевание
Лифляндии
в царствование
Петра Великого».
1833 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

него ипостасью Прибалтики – миром морских разбойников. Он запечатлел их в очерке «Темнеющий берег»: «Береговое пиратство, которым славились в старину Эзель и Даго (эст. Хийумаа. – Прим. авт.), несмотря на нынешние преследования его законом, все-таки еще не совсем исчезло и составляет по преимуществу промысел береговых незадачников, и чем необразованнее и малоисведущее шкипер, тем он легче примет разведененный на берегу фальшфейер (нем. Falschfeuer – фальшивый огонь. – Прим. авт.) за маяк, точно положения которого он не умеет высчитывать, стоя на палубе своей шхуны. Он может отлично крепить паруса, отдавать шкоты, но хронометр, цифры и морские карты будут с ним не в ладах, и пират Фильзанда или Дагерпорта начнет ловить на огонь морских угрей и, как пить даст, – «посадит его на гряду», а потом придет его спасать и... грабить (что иногда почти одно и то же). Пустынныe побережья Остзейского края оказались настоящим кладом для поклонников готических романов Анны Рад-

Насва, деревня
на острове Эзель

клиф и романтических героев лорда Байрона и Вальтера Скотта. В их роли часто выступали ставшие символом Остзейского края «злые» немецкие бароны, наследники завоевателей-крестоносцев – подлинные хозяева здешних побережий. «Рыцари крылись в своих замках, как хищные орлы на утесах неприступных скал, и высматривали добычу для удовлетворения своим прихотям. <...> Вся жизнь проходила в пиршествах, которые обыкновенно кончались дракою, а часто и фамильною враждою, от которой страдали подданные рыцарей», – писал Фаддей Булгарин. Ему вторил Николай Бестужев. Герой его повести «Гуго фон Брахт» владеет замком Зонденбург, настоящим вертепом разбойников на берегу острова Вердер, который лежит при выходе из Моонзунда в Рижский залив. Гроза суши и моря, Гуго фон Брахт – господин замка; и хотя никакой закон не утвердил его владений, но они простираются так далеко, как только глаза видеть могут с подзорной башни замка. <...> Зоркие глаза стражей его – и ни один корабль не проходит безопасно. <...> Эзель, притон разбойников, протягивает к югу мыс Свалферорт и ловит плавателей, идущих с моря. С севера Гуго фон Брахт владеет Моон Зундом; но ежели счастливец ускользнет сих опасностей, остров Руно среди залива днем расставляет сети несчастным, ночью зажигает ложные маяки, и обманутый пловец, вверяясь свету огней, сам идет на погибель».

БАРОН С ОСТРОВА ДАГО

Об одном из «наследников» славы вымышленного Гуго фон Брахта рассказал в 1818 году в своих «Воспоминаниях на флоте» литератор и путешественник Павел Свинин. Бывший моряк, а затем издатель «Отечественных записок», он прожил удивительную бурную жизнь и умел талантливо преподнести читателям подхваченные во время плаваний и путешествий истории. В одной из них он поведал о лифляндском «собрате» сэра Хьюго Баскервиля, который, впрочем, свою репутацию «великого преступника» приобрел на пустынных островах Финского залива: «Сердце обливается кровью, человечество содрогается при воспоминании об ужасных злодеяниях барона ***, владельца острова Даго, открытых в 1802 году одной женщиной, спасшейся чудесным образом из погребов его замка. В продолжение десяти лет злодей сей в осенние бурные ночи переставлял маяки с одного места на другое, дабы корабли, обманувшись ложным светом, разбивались у берегов острова. Тогда он с шайкою своею нападал на них, расхищал груз, а спасшихся людей убивал. Чтоб успешнее обмануть мореплавателей, он провоживал ночью по берегу хромоногих лошадей с фонарями, кои казались мореходцам другими кораблями, идущими по однаковому с ними направлению». В рассказе Свинина, как, впрочем, и во всех повествованиях, касающихся морского разбоя, трудно найти «золотую середину»

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Павел Петрович Свинин.
Гравюра Д. Коха
по оригиналу
В.А. Тропинина.
1839 год

и отделаться от мысли, что перед тобой – тексты, создатели которых в угоду читательскому интересу не стремятся к правдивому изложению событий, предпочитая создавать свою авторскую версию, дабы снискать успех у публики. А уж обстоятельства дела, описанного Свининым, обещали беспрогрышный результат. Тем более что сами «декорации» выглядели вполне правдоподобными, благо старинное «право кораблекрушения» никто не подвергал сомнению.

«Право кораблекрушения» (фр. droit de naufrage) – традиционный промысел, базировавшийся на праве феодалов и приморских жителей забирать товары и собственность с разбитых у близлежащих побережий кораблей, – господствовало не только на всем протяжении Средних веков, но и в Новое время, составляя немалую часть доходов жителей приморья, а также государственной казны. Арсенал использовавшихся при этом средств – расстанов-

ка обманных сигнальных огней, договоренности с лоцманами и буксировщиками, уничтожение собак и петухов, способных лаем и криком выдать близость берега, и прочее – был в ходу вдоль всех европейских побережий. Попытки справиться с этим правом предпринимались не раз, но заканчивались неудачами, хотя наказания выглядели очень суровыми. Еще во французских сводах юридических морских судебных решений XI века, получивших название «Олеронские роли», было, например, записано: «Кто... возьмет что-либо из имущества бедных жертв кораблекрушения, несчастных и обездоленных, помимо их желания и воли, будет отлучен от Церкви и должен понести наказание как вор, если он не вернет все в короткие сроки, и нет никаких установлений и законов, которые могут избавить его от этого наказания». Виновных следовало привязать к столбу внутри дома и сжечь вместе с жилищем, а на месте дома устроить свиной рынок. Однако время шло, а «право кораблекрушения» продолжало жить, в том числе и на Балтике. Но здесь были свои особенности. В соответствии с российскими законами за спасение тонущего судна полагалось вознаграждение, и в зависимости от расстояния до места крушения спасатели могли рассчитывать на четверть или одну шестую часть от стоимости груза. Разумеется, вознаграждение получали в первую очередь помеци, рядом с владениями которых произошло кораблекрушение. Расчет на премиальные выплаты подогревали страсти, и владельцы остзейских поместий, располагавшие небольшими «флотилиями» мелких судов и рабочей силой в лице крепостных, пытались отсечь государственные органы власти от участия в спасательных работах и монополизировать в своих руках «спасение» тонущих судов. Хитростей в их мошеннических схемах было предостаточно: вынудить принять «помощь», с помощью лоцмана вывести корабль на мель, вымогать вознаграждение за спасение ценного

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

П.П. Свинин.
Крестьины
у лифляндских
поселян.
Рисунок
из альбома
«Путешествия
по России
П.П. Свинина».
1820-е годы

груза, скрыть часть груза под видом его гибели или перекупить намокшие товары за минимальную цену, требовать вознаграждения путем передачи части груза, с тем чтобы затем официально перепродасть его в Ревеле, Риге либо Стокгольме или, наконец, сослаться на то, что размеры груза изначально были завышены с целью получения в случае крушения страховых выплат.

В таких реалиях немудрено родиться фантазиям, тем более у тех любопытных, кто склонен отдавать предпочтение криминальному жанру. К числу его приверженцев относился и знаменитый маркиз Астольф де Кюстин, который во время плавания по Финскому заливу собрал настоящий кладезь историй. Он рассматривал безлюдный Остзейский край и суровое Балтийское море как ворота в необъятные просторы «дикой Московии» и, разумеется, рассчитывал, что здесь его ожидают великие открытия и яркие примеры отсталости и варварства. Красоты местных пейзажей, пасторальные образы, навеянные старинными преданиями и легендами, поэтическая атмосфера тянувшихся вдоль побережья сосновых лесов и бесконечных дюн вдохновляли его на создание ярких романтических описаний. Но каждая деталь, увиденная им, навевала мрачные и печальные мысли: здесь, полагал де Кюстин, легко обмануться видимостью цивилизации. За живописным занавесом он вскрывал суровую действительность с ожесточенной тиерией «просвещенных» баронов-деспотов, нищим населением и телесными наказаниями. В июле 1839 года, направляясь в Петербург, маркиз проплыval мимо острова Даго на пароходе «Николай I». «Край этот печален, холоден и безлюден; природа здесь выглядит не столько могучей и дикой, сколько голой и бесплодной», – записал он. В закатных сумерках пассажиры любовались морскими видами, и, когда перед ними предстала башня, высившаяся над островом, некий князь К. поведал историю о хозяине здешних мест, бароне

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

В. Нуйен.
Кораблекрушение у скалистого берега. 1837 год

фон Унгерн-Штернберге. Был он человеком острого ума, объездил всю Европу, и «характер его сложился под влиянием этих путешествий, обогативших его познаниями и опытом. Возвратившись в Санкт-Петербург при императоре Павле, он неведомо почему впал в немилость и решил удалиться от двора. Он поселился в диком kraю, на принадлежавшем ему безраздельно острове Даго, и, оскорбленный императором, человеком, который казался ему воплощением человечества, возненавидел весь род людской. Происходило это во времена нашего детства. Затворившись на острове, барон внезапно начал выражать необыкновенную страсть к науке и, дабы предаться в спокойствии ученым занятиям, пристроил к замку очень высокую башню, стены которой вы можете теперь разглядеть в бинокль».

«Кровавый барон», как впоследствии называли фон Унгерн-Штернберга, устроил в ней библиотеку, а на вершине завел обсерваторию, служившую одновременно маяком. «Зловещая башня, возведенная на скале посреди страшного своим коварством моря, казалась неопытным судоводителям путеводной звездой; понадеявшись на лжемаяк, несчастные встречали смерть там, где надеялись найти защиту от бури, из чего вы можете сделать вывод, что в ту пору морская полиция в России бездействовала. Стоило какому-нибудь кораблю налететь на скалы, как барон спускался на берег и тайком садился в лодку вместе с несколькими ловкими и смелыми слугами, которых держал нарочно для подобных вылазок; они подбирали чужеземных моряков, барахтавшихся в воде, но не для того, чтобы спасти, а для того, чтобы прикончить под сенью ночи, а затем грабили корабль; все это барон творил не столько из алчности, сколько из чистой любви к злу, из бескорыстной тяги к разрушению».

История закончилась печально. Однажды молодой губернатор сына барона стал свидетелем убийства голландского торговца, донес об увиденном властям, вскрылись и другие совершенные им преступления. «Преступника века» арестовали и отправили в Тобольск, где он через десять лет скончался. История о бароне-разбойнике, рассказанная де Кюстином, получила известность, а остров Даго, где располагались мызы фон Унгерн-Штернберга, приобрел славу разбойниччьего логова.

Герб рода
фон Унгерн-
Штернберг

ЗНАТНЫЙ ПИРАТ

Будем справедливы: далеко не все в рассказе де Кюстина о «кровавом бароне» оказалось вымыслом. Барон Отто Рейнгольд Людвиг фон Унгерн-Штернберг родился 5 августа 1744 года в Лифляндии, окончил курс наук в Лейпцигском университете, совершил плавание в Индийский океан и служил последнему польскому королю, Станиславу Понятовскому. После раздела Речи Посполитой он вернулся в Лифляндию и женился на сестре будущего генерал-губернатора Санкт-Петербурга Магдалене Шарлотте фон дер Пален. Барон Унгерн-Штернберг, один из самых богатых людей Даго, стал фактически полновластным хозяином северной части острова, вдоль которого пролегали оживленные торговые маршруты, связывавшие Европу и Петербург. Изрезанное мелкими бухтами, рифами и отмелями побережье было опасным для мореходства. Настоящими жемчужинами в морских владениях барона были поместья Гогенгольм (эст. Кыргессааре) и Гроссенхоф (эст. Суремыйза), выкупленные у шведского рода Делагарди. Сначала, в 1781-м, был приобретен Гогенгольм с пресловутым маяком, о котором писал де Кюстин. Разумеется, никакой библиотеки с обсерваторией на этом маяке, одном из самых старых на Балтике, известном как Дагерорт (эст. Кыпру), не было. Содержание его требовало огромных затрат: на поддержание огня ежегодно уходило около 2 тысяч кубических саженей дров, лесов же вокруг маяка за три века, минувших с его возведения, фактически не осталось. Дрова приходилось доставлять издалека. Барон добился было финансирования на содержание маяка от казны, но субсидии были невелики, выплачивались нерегулярно, так что основные затраты пришлось нести крепостным крестьянам. Вторая усадьба, знаменитый Гроссенхоф, в XVII веке принадлежал шведскому военачальнику графу Якубу Понтусу

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Барон Отто
Рейнгольд
Людвиг
фон Унгерн-
Штернберг

Делагарди, печально известному по Смутному времени. Его потомки владели большей частью Даго, но после Северной войны их влияние пошатнулось. В середине XVIII века реконструкцию Гроссенхоф провела правнучка Якова Делагарди, графиня Эбба Маргарета Делагарди, в замужестве Стенбок, которая и поселилась здесь со своим многочисленным семейством. Но после ее смерти наследники не очень успешно вели дела, и в 1796 году имение в уплату долга перешло к Унгерн-Штернбергу. Был он кротким и скор на расправу. Когда в Государственном архиве Эстонии в Тарту передо мной положили пять пух-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Жена барона
Магдалена
Шарлотта,
урожденная
фон дер Пален

лых судебных дел на немецком языке о деяниях барона на Даго, истории Свиныни и де Кюстина начали обретать реальные очертания. Вот, например, о чем поведало дело «О насильственном нападении на острове Дагделя между крестьянами графа Стенбока и барона Унгерн-Штернберга». Оно было заведено 24 декабря 1799 года и хранится в одной из папок Канцелярии Эстляндского губернатора. Открыть дело побудила жалоба отставного полковника графа Вильгельма Стенбока, помещика мызы Валливала, Лоии и Пардаса, на его соседа, фон Унгерн-Штернберга. Граф сообщал, что обидчик с «шайкой крестьян до двухсот человек с ружьями» напал на его работников, которые рубили лес в графских угодьях. Если верить Стенбоку, барон, вооруженный пистолетами, словно разбойник с большой дороги, велел его работникам убираться. В ответ на попытку оказать сопротивление их разоружили и жестоко поколотили. Теперь, жаловался граф, «опасным сделалось для меня жилище». Осенью 1802 года в канцелярии Эстляндского губернатора князя Лопухина на барона завели новое дело. Касалось оно исчезновения торгового судна, галиота «Святой Николай», принадлежавшего рижскому купцу Трифону Ветошникову. С различными товарами и грузом железа – собственностью тайного советника Николая Никитича Демидова – оно направлялось из Петербурга в Ригу. Но 27 октября шторм и «противные ветры» загнали судно в Гогенгольмскую гавань – владение фон Унгерн-Штернберга. Простояв здесь до 2 ноября, «Святой Николай» поднял паруса и в четыре утра вышел в открытое море. Удалившись от берега на 26 верст, галиот сел на мель Бизгрунд. Команда галиота, руководимая шкипером Нестором Федоровым, не найдя на судне повреждений, решила оставить его и, бросив два якоря, отправилась на берег за подмогой. Когда же, спустя сутки, команда

вернулась, то обнаружила, что «тот гальет с мели прибылою водою и ветром снесло и со всем грузом унесло в открытое море». Куда «оное девалось», было никому не известно.

Следственная комиссия, назначенная для расследования дела, была крайне озадачена странными обстоятельствами исчезновения судна. Начать с того, что из-за непонятного промедления о пропаже судна стало известно спустя довольно продолжительное время, хотя законы торгового мореплавания строго предписывали немедленно объявлять о крушении или гибели судна в ближайших селениях, уведомлять о месте происшествия уездного земского исправника, губернскоеправление, городской магистрат и таможню. Последним в таком случае предписывалось немедленно обнародовать «о том прибитием листа к дверям родового и губернского магистрата, на бирже, или гостином дворе, или на рынке». Ничего подобного сделано не было. После крушения участники событий оставались на острове и только спустя полторы недели заявили о катастрофе в Ревельское губернскоеправление. Следователи были настроены скептически, ибо «немало прошедшем временем естили и были какия следы, то уже должны сокрытица».

Допросы путавшихся в показаниях свидетелей еще больше осложнили дело. Необъяснимая медлительность фон Унгерн-Штернберга и местных жителей заставила следователей предполагать преступный умысел и тешиться в догадках, куда же делось «затонувшее» судно. Подозрение вызывало и поведение шкипера. Вместо того чтобы оставаться на зимовку в безопасной Гогенгольмской гавани, он словно дождался наступления ноябрьского ненастя и, когда «около берегов моря был уже лед», вышел в море. Матросы пытались отговорить его, но шкипер «не послушался их, сказал, что может еще пройти до назначенного места, то есть до Риги, а в противном

Маяк Кыпу
на острове
Хийумаа (Даго).
Автор –
художник-
маринист
Г.Д. Челак

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

случае хотя дойти и оставаться на зимовку на мызе, называемой Вердер». Выйдя же в открытое море «при способной и благополучной погоде», он пренебрег указанием помощника относительно мели, «на которую после сего судно село». Матросы показали, что «пополудни часе во 2-м» шкипер отправил команду обедать, а сам остался на палубе с рулевым. Матрос предупредил Федорова об опасности, но тот заявил, «что он не первой раз тут ходит». «И лишь только сие выговорил, показанное судно село на мель глубиною на 4,5 фута». Во время допроса шкипер с матросами дали следующие показания: «Когда судно на мель село, то повреждения никакова ему не заметили, равно сему итого не выводят, чтоб тому гальету во время нашествия ево на мель какая и от чего тогда была опасность. Но при всем том, тот гальет оставя на мели, шкипор

Вид с маяка
на полуострове
Сырве – южной
части острова
Сааремаа

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

с рабочими людми по общему между собою согласию к берегу на боте съехали, к сысканию тому судну помощи». Команда сошла на берег, но не предпринимала никаких мер для спасения судна, хотя «3-го числа стояло оное на том же месте». Но шкипер весь день, «не прося ничьей помощи, смотрел на судно издали». Вместе со своими людьми он встал на постой «в деревню у одного чухны» и рассказал ему, что собирается отправиться за помощью к местному смотрителю. По словам «того чухны», смотритель никакой помощи оказать им не сможет, «а нада о том просить мызника, которой жительство имеет от оной деревни верст 17-ть». Узнав об этом, Федоров поутру, «оставя своих рабочих, поехал один с тем чухной» к барону Унгерн-Штернбергу. Барон «на прозбу ево 3-го числа отозвался от помощи по случаю бутто познаго времени», но пообещал явиться с подмогой на следующий день, «еъстили будет погода тихая». Тем временем оставшиеся на берегу «пытались покамест пробиться к судну», но «по случаю великаго льда» сделать этого не смогли. А ночью разразилась «великая погода». Как вскоре выяснилось, показания Федорова противоречили сведениям, полученным от фон Унгерн-Штернберга. В письме купцу Ветошникову барон утверждал, что немедля отреа-

гировал на просьбу шкипера и «тот час велел привести суда открытым от льда местом». Более того, намекнул на немалые издержки в «борьбе за спасение судна» и представил счет на сумму 140 рублей, утверждая, что «отправлял десять больших судов с 80-ю людьми и 40-ю лошадьми». Ни Федоров, ни пассажиры судна слова его не подтвердили. Обнаружилась и неразбериха с датировкой доносений, которые барон отправлял в губернскоеправление. Первый рапорт, от 1 ноября, сообщал о том, что «Святой Николай» встал на зимовку в Гогенгольмской гавани. Второй, от 6 ноября, информировал, что судно исчезло. Следователь таможни был озадачен: оба рапорта поступили в контору 11 ноября, на них был поставлен соответствующий штамп. «А посему, — доносил он, — видно, что те рапорты присланы в одно время». Какая же «барону... была нужда такая брать предупредительные меры, так как бы в предосторожность на случай какова либо в том сумнения? Выходило, что подготовленные бароном бумаги — подложные, они должны были обеспечить ему алиби на случай обвинения.

Расследование позволило восстановить обстоятельства исчезновения судна, дав «поворот мыслить, что они то кораблю причинение и гибель грузу учил-

нили умышленно». Игра, впрочем, стоила свеч! Когда «Святой Николай» вышел из Петербурга, была проведена опись груза и выплачена таможенная пошлина. Как выяснилось, на судне находилось несметное количество всякого добра, опись которого также удалось обнаружить среди архивных документов: «207 полос железа сортового весом 200 пуд, 565 кож подшвенных весу 500 пуд, 50 ящиков свеч сальных весу 170 пуд, 40 кульков дроби весу 200 пуд, 1 бочка гвоздей железных весу 10 пуд, 6 ящиков макаронов весу 12 пуд, 1 ящик пудри весу 1 пуд 20, 1 корзина, в ней сыр пармазан весу 6 пуд, 25 ящиков стали весом 150 пуд, 10 ящиков жестя белой весу 40 пуд, 1 бочка посуды палевой, 11 конопей и 100 пар стульев простого дерева, 6 столов и 1 конторка красного дерева, 28 ящиков с мебелями, да по объявлению тайного совет-

Море.
Картина датского живописца
К.-В. Эккерсберга.
1831 год

Панорама
Финского
залива.
Гравюра
из английского
издания

ника действительного камергера Николая Никитича Демидова 2375-ть полос железа обыкновенного полосного весом 4000 пуд». Кроме того, на судне везли в 29 ящиках книги, шелк, одежду, фарфор, посуду и ценную мебель, которую Демидов занес в специальный реестр.

Следов груза со «Святого Николая» полиции найти так и не удалось. Однако в 1803 году при обысках в усадьбах Унгерн-Штернберга были обнаружены вещи, пропавшие после других столь же странных исчезновений кораблей. Среди них, например, оказались товары с потерпевшего крушение в водах Гогенгольма в октябре 1797-го судна «Луиза Каролина», идущего из Любека, которые, как полагало следствие, сподручные барона рассчитывали сбыть в шведском Экенесе (фин. Таммисаари). Суд признал, что собранные улики свидетельствуют, что барон Отто Рейнгольд фон Унгерн-Штернберг занимался морским разбоем. В 1804 году он был признан виновным за обман при спасении кораблей и убийство шведского капитана Карла Йохана Мальма, командовавшего одним из кораблей барона. Барона отправили в ссылку в Тобольск, где он служил чиновником и даже выстроил лютеранскую церковь для эстонских поселенцев. Здесь же, в далекой Сибири, он скончался 3 августа 1811 года...

Его правнук, знаменитый «самодержец пустыни», барон Унгерн, пытавшийся в годы Гражданской войны восстановить империю Чингисхана и протянуть ее границы от Дальнего Востока до Каспия, по словам его биографа Леонида Юзефовича, «с явной охотой говаривал, что ощущает в душе голос пиратов-предков». Гордец, возводящий свой род к самому Аттиле, Роман Федорович Унгерн с дрожью в голосе упоминал о своих воинственных предках и, вспоминая героя нашей истории, приговаривал, что история остзейского барона-пирата помогает ему осмысливать аномалии собственной души.

МОДНЫЕ ПОТРЯСЕНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«УВИДЕТЬ ОКОЛО 200 ПРЕДМЕТОВ ГАРДЕРОБА ПЕТРА ВЕЛИКОГО НА МАНЕКЕНАХ, СОБРАННЫХ В ОДНОМ МЕСТЕ, ЭТО САМЫЙ БОЛЬШОЙ ШОК, КОТОРЫЙ Я ИСПЫТАЛА В СВОЕЙ ЖИЗНИ КАК ХРАНИТЕЛЬ КОСТЮМОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА. ЛУЧШАЯ В МИРЕ КОЛЛЕКЦИЯ МУЖСКОГО КОСТЮМА КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА. НИЧЕГО ПОДОБНОГО НЕТ НИГДЕ В МИРЕ» – ТАК НАЧАЛАСЬ НАША БЕСЕДА С ЗАВЕДУЮЩЕЙ СЕКТОРОМ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ОТДЕЛА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА, ХРАНИТЕЛЕМ И КУРАТОРОМ УНИКАЛЬНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ «ГАРДЕРОБ ИМПЕРАТОРА. К 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО» НИНОЙ ИВАНОВНОЙ ТАРАСОВОЙ. ЭТА ЭКСПОЗИЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНА В ГАЛЕРЕЕ КОСТЮМА РЕСТАВРАЦИОННО-ХРАНИТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «СТАРАЯ ДЕРЕВНЯ».

К

РЕСТИЛЬНАЯ РУБАШЕЧКА будущего государя; его прижизненная ростовая мера – деревянная палочка с насечками; мундир, который был на Петре I во время Полтавской битвы; парадные и рабочие костюмы и даже домашние халаты. Все это сохранилось до наших дней. Практически все предметы одежды отличает хороший вкус, которому, по определению XVIII века, присущи «разборчивость, тонкость, понимание прекрасного». Нельзя не заметить дорогие материалы и декор, причем использованные даже в повседневном платье. Сохранился этот гардероб благодаря усилиям не-

Уникальная экспозиция демонстрирует все многообразие костюмных предпочтений императора Петра Великого

Экспозиция «Гардероб императора. К 350-летию со дня рождения Петра Великого» в Галерее костюма РХЦ «Старая деревня» Государственного Эрмитажа

скольких поколений музейных работников.

Все это как-то не вяжется с привычным образом Петра I: распахнутые ветром безыскусные одеяды и пушкинское «То мореплаватель, то плотник, // Он всеобъемлющей душой // На троне вечный был работник».

«Костюмы императора – это разрушение мифологизированного образа Петра, которого почему-то до сих пор обряжают только в одеяды плотника либо воина, – заметила Нина Ивановна. – И отказывают ему в праве быть человеком модным, подающим пример хорошего вкуса, умеющим оценить красоту ткани и декоративной отделки, качество изготовления и удобство костюма... Мифы устойчивы. Задача нашей экспозиции если не развенчать, то хотя бы поколебать подобные представления о Петре».

ПЕРВАЯ МЕМОРИЯ

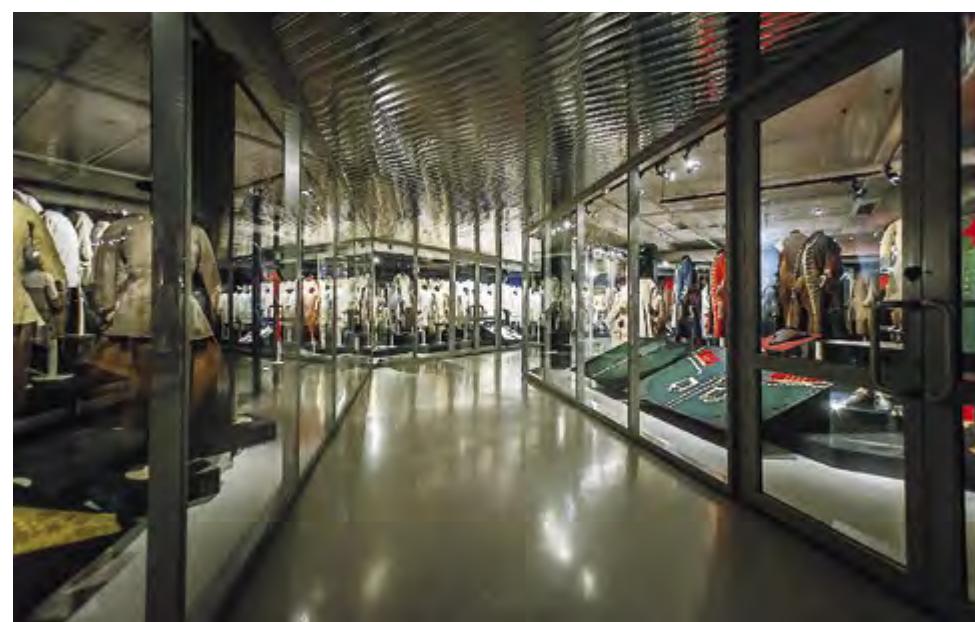
Младенец, ставший впоследствии великим преобразователем России, появился на свет 30 мая 1672 года в Москве. Его материю была вторая жена царя Алексея Михайловича – Наталья Кирилловна (Нарышкина).

Царевич, нареченный Петром, по описанию «трудолюбивого бытописателя» Петра Крёкшина, родился «возрастен и красен и крепок телом», хотя росту среднего – 11 вершков, то есть 49 сантиметров.

С первых дней, как отмечал историк Иван Забелин, его «детская колыбель и детская одежда отличались царским богатством <...> Пятимесячный, он носил уже золотные кафтаны; <...> зипун (коротенький кафтанец) из белого атласа на собольих пупках, с пятью золотыми пуговками. <...> В апреле 1673 г. скроена ему фе-

Нина Ивановна Тарасова, кандидат исторических наук, – хранитель коллекции «Гардероб Петра I»

резея – обвязь ала струя серебряна, на тафтяной желтой подкладке, обшитая кружевом немецким плетеным – золото с серебром, и украшенная двумя гнездами аламов или запан, низаных жемчугом, и двумя завязками с серебряными кистьми, также низаными жемчугом». В переводе на современный язык – маленькому Петру сшили парадную одежду из алои шелковой ткани с переливом на подкладке из желтой тафты, украшенную драгоценным кружевом и металлическими нашивками с жемчугом. В подобных одеждах «Благословенного царевича и великого князя Петра Алексеевича» можно увидеть на первой в его жизни парсуне для «Царского титулярника».

Однако эти роскошные наряды ранних лет, увы, не сохранились. «Возможно, детские одежды Петра Алексеевича были кому-то подарены, перешиты, а какие-то проданы и по этой причине до нас не дошли», – предполагает Нина Ивановна. Из детских ве-щих царевича известны только два предмета. Первый – это детское платно 10-летнего Петра, хранящееся в Оружейной палате. Обладатель другого – Государственный Эрмитаж. Это самая ранняя мемория в коллекции «Гардероб Петра I». «Детская рубашечка из тончайшего китайского шелка, украшенная полосочной аграмантой – узкого кружева, сплетенного из посеребренной нити. Ткань ее когда-то была ярко-красной, со временем цвет ушел, – поведала хранитель. – Сшили ее в Мастерской палате Московского Кремля. Архивные документы императорского двора рубашечку определили как ту, «в которой был крещен Петр Великий». Крестины состоялись в Чудовом монастыре через месяц после рождения царевича – 29 июня 1672 года, в День святых апостолов Петра и Павла. Этим уникальным предметом открывается экспозиция Галереи костюма.

Рядом – впервые представленная публике рубаха отца будущего императора – царя Алексея Ми-

Костюм
русского покроя
из красного
сукна сшил
в Мастерской
палате
Московского
Кремля.
Конец XVII века.
Головные
уборы русской
формы – колпак
и кораблик

Рубашечка
детская, которую,
по документам
императорского
двора, опреде-
ляют как ту,
«в которой был
крещен Петр
Великий»

хайловича. Она хорошо сохранилась, несмотря на то, что сшила из почти прозрачного льняного полотна, декорированного ручной вышивкой посеребренными и шелковыми нитями. Государю довелось совсем мало времени провести вместе с любимым сыном – всего лишь неполных четыре года. Алексей Михайлович скончался в начале 1676-го. На выставке трогательно обыгрывается момент единения семьи: рубахи отца и сына размещены в экспозиции бок о бок.

В какой костюмной атмосфере протекали детство и юность Пе-

тра, можно представить по двум его ранним костюмам, относящимся к концу XVII века – русскому и польскому. По словам Нины Ивановны, «первый демонстрирует приверженность традициям. Распашная куртка и штаны русского покроя сшили из красного сукна. Верх отделан черным шелковым шнуром и очень мелкими пуговками. Штаны на высокой кулиске из желтого атласа, куда должен вдеваться поясок-гашник. Смотрится очень современно».

Польский кафтан из сукна «крапивного» цвета с отделкой золоченым шнуром тоже поражает своей какой-то вневременной элегантностью. Он подтверждает ношение иноземного платья при российском дворе задолго до реформ самого Петра. «Как известно, еще царь Алексей Михайлович любил носить немецкое платье, – заметила Нина Ивановна. – Но мало кто знает про реформу сводного брата Петра – царя Федора Алексеевича, который недолго правил, со-

всем немного пожил. В октябре 1680 года он предписал служилому дворянству на торжественные мероприятия в Кремль приходить не в русском платье, а в платье, которое практически один в один напоминает польский костюм». Будущему императору Петру Алексеевичу было всего 8 лет, когда «старобытные» одежды – охабни и однорядки – сменило «служилое платье фрезеи и кафтаны долгополые». В юности он и сам примерил эти одежды. Правда, по словам хранителя, «Петра польский костюм не устраивал, он для него все равно был длинноват, и разрезные рукава длинные и неудобные, с которыми, как известно, то в похлебку попадешь, то стекло разобьешь».

Кожаные башмаки ручной работы. Менее всего сохранилась обувь императора – в эрмитажной коллекции только две пары

«ВСТРЕЧА С МОДОЙ»

Из младенца среднего роста царевич Петр постепенно вымахал в великана по меркам XVII столетия. Его рост составлял 2 метра и 3 с половиной сантиметра. Такая точность не случайна. В Галерее костюма выставлен потрясающий экспонат – скромного вида деревянная палочка с зарубками. Это прижизненная портновская мера роста Петра I. Нина Тарасова рассказала, что, «когда реставраторы дерева посмотрели на эту палочку и остатки ниточек на ней, они восхитились смекалкой предков, которые догадались хранить столь ценный предмет, подвешенным на гвоздик. Ведь если бы палочку хранили, прислонив к стене, она бы со временем согнулась».

Несмотря на высокий рост, государь, вопреки расхожему мнению, сложившемуся по живописным картинам и затем кинематографическим клише, был вовсе не богатырского телосложения. Во-первых, это подтверждает его Восковая персона, которая «представляет не только истое Петра Великого изображение лица, <...> но и подлинный его Вели-

Модные костюмы конца XVII века с отделкой драгоценным плетеным кружевом и золоченым галуном

чества рост и точную соразмерность во всех членах», – отмечал унтер-библиотекарь Кунсткамеры в XVIII веке Осип Беляев. Персона изначально выставлялась там. Затем, после череды перемещений, она обрела постоянную прописку в Эрмитаже. Во-вторых, по описаниям очевидцев, «Петр был мужчина очень высокого роста, весьма строен, довольно худощав, <...> прекрасные черные глаза, большие, живые, проницательные <...> Вся наружность его <...> не лишена была прелести». Так описывал монарха герцог Сен-Симон во время пребывания Петра в Париже. Кроме того, «одежда говорит сама по себе, – поясняет Нина Ивановна. – Антропометрия Петра очень четко ложится на размерный ряд его костюмов. Обхват груди 100 сантиметров, что соответствует 50-му размеру одежды. Длинные руки и ноги. Худощавый и долговязый. Сегодня мы бы сказали, что он обладал модельной фигурой».

На такой фигуре прекрасно смотрятся вещи от-кутюр. Как выяснилось, Петр был к ним неравнодушен. «Его первая встреча с модой произошла, конечно, в Немецкой слободе, – замечает Нина Тарасова. – Когда Петру исполни-

Маскарадный плащ Петра I с трехслойной пелериной. Первая четверть XVIII века

лось 18 лет, ему сшили первый костюм европейского кроя. Консультантами и проводниками в мир моды были Франц Лефорт и семья Монс. У последних был личный портной, которого на русский манер называли Андрей Иванович Фланк. Возможно, он и сшил тот костюм».

В записях царской Мастерской палаты говорится, что 1 апреля 1690 года великому государю царю Петру Алексеевичу было сделано «немецкое платье»: кафтан, камзол, штаны, чулки, башмаки, «перевязь, золотом шитая», а также «накладные волосы», то есть парик. Часть товаров «к тому делу взято <...> у генерала у Франца Лафорта», как-то: «две цевки золота», то есть примерно 120 нитей пряденого золота, 13 дюжин пуговиц, шелк и полотно. Было уплачено «за работу портному мастеру два рубли».

В начале 90-х годов XVII столетия молодой государь только присматривался к роскошным иноземным модам, не решаясь еще надевать подобные костюмы вне Немецкой слободы, и тем более в Кремле. Они пока выполняли роль «потешных». Однако пройдет совсем немного времени, и уже 30 сентября 1696 года Петр в черном немецком платье с белым пером на шляпе триумфально вернется с войском в Москву, осененный Азовской победой.

Роскошный образец мужского кафтаны конца XVII века. Возможно, принадлежал Францу Лефорту

Эффектные ансамбли Петра I, сшитые по европейской моде

«АБСОЛЮТНЫЙ ОТ-КУТЮР»

Мало кто из посетителей Галереи костюма ожидает увидеть на выставке буйство цвета и контрастные цветовые сочетания, причудливые узоры на тканях с обилием флоральных мотивов и внезапными маленькими амурчиками, изящнейшую вышивку с горящими золотыми и мерцающими серебряными нитями, изысканную вышивку белым по белому, искусной работы пуговицы. Роскошные кафтаны и камзолы по западноевропейской моде, сибиритские на восточный манер халаты, домашние стеганые душегрейки по-русски – все это подлинная одежда Петра Великого, которую он сам выбирал и носил. Большая часть коллекции, как заметила хранитель, это «абсолютный от-кутюр», то есть «высокое портновское шитье».

После Великого посольства в Европу (1697–1698) и последовавшей череды первых модных потрясений уже к 1705 году в гардероб Петра I, согласно описи, входили «кафтаны французские, шведские, саксонские, венгерские». Некоторые из них красуются на выставке. Это кафтаны малинового, изумрудного, фиолетового цветов, голубого и светло-желтого, сшитые в Западной Европе из шелкового муара, парчи, репса, бархата, сукна и декорированные невероятно утонченной вышивкой, плетеным кружевом, бахромой. Настоящим сюрпризом в некоторых кафтанах является подкладка из яркой шелковой ткани с узором «бизар» – фантастичным, цветочным, восточным. Элегантные кафтаны, или по-французски «жюстокоры», что значит «точно по телу», камзолы-весты из контрастной или тон в тон ткани, короткие, чуть ниже колена, кюлоты составляют выразительные ансамбли. Дополнением к ним могли быть «эффектные аксессуары: шарф-кроат (крават), кружевные манжеты, кожаные башмаки с пряжками или бантиками из репса, шелковые чулки с подвязками, треуголка с перьями, трость». Нина Ивановна поделилась небольшим секретом: если открутить набалдашник у

Нарядные камзолы императора – парадные, дорогие, непрактичные

«ТО МОРЕПЛАВАТЕЛЬ, ТО ПЛОТНИК»

Однако для великих преобразований государю-реформатору требовалась не только парадная, но прежде всего удобная, теплая, защищающая одежда. Как, например, демонстрируемый на выставке длинный редингот английского сукна. «Вот таким можно было видеть Петра I в нашем промозглом сыром Петербурге, – говорит куратор. – Иногда рединготы пропитывали воском ради получения водоотталкивающих свойств. У него двойной воротник: верхний поднимается и застегивается на уровне носа и губ. Дополняет редингот шапка-картуз с опускными лопастями, которая превращается в ушанку. Если ее тоже застегнуть спереди, то остается только щель для глаз. Под редингот для тепла, конечно же, надевается несколько одежд. Руки защищали вареги с одним или двумя пальцами. Плюс еще сапоги ботфорты».

«Саардамский» камзол, вышитый в трудоемкой объемной технике «трапунто»

носились поверх камзола и штанов. В таком «парадном неглиже» легко представить Петра Алексеевича в домашней обстановке за игрой в шахматы или шашки, ведущим неспешную беседу с гостями или домочадцами.

Зимний шлафор из шелковой ткани с узором «бизар» (от фр. *bizarre* – «причудливый, диковинный»)

представленной в экспозиции трофеи, то внутри можно обнаружить складной зонтик на семи спицах.

Судя по гардеробу, Петр Великий любил и умел красиво одеваться. Однако не в законодательнице моды, Франции, а в Голландии, по словам Нины Тарасовой, «Петр встретил то, во что влюбился на всю жизнь. В Саардаме, где русский царь под именем Петра Михайлова обучался плотнику-му делу, он впервые увидел белоснежные нарядные камзолы, которые делали голландские мастерицы. Они так и называются – «саардамские». Их главная особенность в декоре – невероятно трудоемкой объемной вышивке в технике «трапунто», когда между двумя слоями ткани причудливым узором прокладывается шнур, который затем еще и простегивается. Исключительные вещи исключительной красоты». «Саардамские» камзолы из льняной ткани были хороши для летних прогулок, например в любимом царем Петергофе. Эрмитаж счастливый обладатель 11 таких костюмных шедевров, большая часть которых блестит на выставке.

Для неформальной обстановки государь предпочитал вещи не менее роскошные. В собрании Эрмитажа сохранились 13 нарядных халатов-шлафоров Петра I «из драгоценных французских, итальянских или китайских тканей». Не только красивые, но еще и удобные и теплые шлафоры с широкими рукавами покроя «кимоно»

женных вариантов национальных костюмов разных племен и народов Петр I выбрал наряд «фрисландского крестьянина, который напоминал собой в достаточной степени моряка».

В центре экспозиции Галереи костюма выставлен повседневный демисезонный кафтан из коричневого сукна. Не слишком примечательный на первый взгляд наряд стал, по выражению куратора, «героем всех таблоидов». Кафтан подбит чем-то красивым и необычным, похожим на мех. «На самом деле – это длинноворсовый шелковый плюш, – поясняет Нина Ивановна. – Или, как его еще называют, косматый бархат. Его очень здорово делали итальянцы. Удовольствие дорогое, но весьма теплое для межсезонья».

До того как попасть на выставку, кафтан представлял собой печальное зрелище: весь был изъеден молью и мышами. Реставраторы Эрмитажа долго и трудоемко подбирали кусочки подходящей по фактуре и толщине ткани, окрашивали ее в нужный цвет, состаривали, а затем заполняли лакуны. У этого процесса есть красивое название – «инкрустация». «И вот когда все уже было готово, – рассказывает Нина Ивановна, – и оставалось только лишь специальной щеточкой расчесать тот самый косматый бархат, в нем обнаружились семена. Мы отдали их на экспертизу во Всероссийский институт генетических ресурсов растений имени Н.И. Вавилова, и там определили, что это люцерна малая и цепкоплодник пупырчатый. Растения, которые Петр мог подцепить полой кафтана, скорее всего, в Персидском походе 1722 года, где-то между Астраханью, Дербентом и Царицыном. Таким образом семена помогли нам приблизиться к датировке костюма». Это радостное для всех событие, так как, кроме крестильной рубашки и костюмного комплекса на Восковой персоне, датировка остальных предметов собрания достаточно условна.

Два образа
Петра I –
парадный
и повседневный.
Плащ-редингот
и шапка-картуз.
Справа –
деревянная
палочка –
прижизненная
ростовая мера
императора

«СИИ ВЕЩИ СУТЬ ДЛЯ РОССИЯНИНА ДРАГОЦЕННЫ»

Вся коллекция «Гардероб Петра I» представляет неоспоримую мемориальную и материальную ценность, но и в ней есть вещи совершенно особенные. Они неразрывно связаны с эпохальными событиями в жизни как самого императора, так и всей страны. По словам Нины Ивановны, это костюмные комплексы, «имеющие важнейшее значение для русской истории».

«Полтавский комплекс» и Восковая персона Петра Первого».

В Галерее костюма из «Полтавского комплекса» выставлен, пожалуй, самый эмоционально окрашенный предмет, принадлежавший императору, – «шляпа на сражении Полтавском пулею пробитая». Обладая живым воображением и вспоминая строки пушкинской «Полтавы», легко представить, как 27 июня 1709 года «И грязнул бой, Полтавский бой! <...> Швед, русский – колет, рубит, режет. // Бой барабанный, клики, скрежет, // Гром пушек, топот, ржанье, стон, <...> Но близок, близок миг победы. // Ура! мы ломим; гнутся шведы! // О славный час! о славный вид! // Еще напор – и враг бежит. <...> Пирут Петр. И горд, и ясен, // И славы полон взор его».

В конце XVIII века, когда полтавский мундир Петра Великого выставлялся в Кунсткамере, некоторым высоким гостям разрешалось подержать шляпу в руках. По воспоминаниям Осипа Беляева, в 1780 году император Священной Римской империи Иосиф II, «взяв в монарши свои руки, озирал ее отовсюду, и отдавая сказал предстоящим своим офицерам: «се памятник примерный неустрешимости!» Сегодня допустить столь воль-

Слева на фото
демисезонный
суконный
кафтан,
в подкладке
которого
были найдены
семена

ное обращение с «национальной реликвией» невозможно.

На долю другого, пожалуй, самого известного костюмного комплекса Петра Великого выпало также немало испытаний. «Костюм, надетый после смерти императора на его восковую фигуру, – рассказывает Нина Ивановна, – экспонировался с небольшими перерывами более 260 лет (1732–1995), пережил пожар, наводнения, две полномасштабные эвакуации». Его состояние перед глобальной современной реставрацией можно было описать двумя словами: «еле дышал». Но чуткие руки уникальных специалистов Государственного Эрмитажа вернули его к жизни.

Этот элегантный костюм из небесно-голубого гродетура (плотной шелковой ткани). – Прим. авт.) с искусственной вышивкой серебряной нитью император Петр I надел всего один раз: во время церемонии коронации своей супруги Екатерины Алексеевны, 7 мая 1724 года, в Успенском соборе Московского Кремля. В истории России это была первая императорская коронация, поэтому великолепию и роскоши костюмов главных действую-

Вышитые раскрои-заготовки обычно заказывались в Европе, а затем местные портные подгоняли детали по фигуре государя

щих лиц придавалось большое значение. Как отметила хранитель, парадный ансамбль Петра, состоящий из кафтаны и камзола, штанов и пояса с портупеей, вероятнее всего, «был исполнен в Берлине. В Россию из Пруссии были поставлены уже готовые детали костюма с вышивкой, которые «собирали» по фигуре заказчика местные портные».

Во время реставрации этот «выдающийся памятник декоративно-прикладного искусства начала XVIII века» раскрыл тайну, которую хранил почти триста лет. Под подкладкой камзола была обнаружена вышитая цветными нитками маленькая корона, трогательно украшенная ромашками. Нина Ивановна пояснила, что «только очень близкий царю че-

Летний кафтан из парадного ансамбля долгое время экспонировался на восковой фигуре Петра I

Шляпа к лейб-гвардии преображенскому, или полтавскому, мундиру Петра I

ловек мог внутри его костюма, причем внутри камзола, надеваемого под кафтан, а значит, ближе к телу Петра, оставить подобный «тайный» знак. Вероятность того, что Екатерина Алексеевна вышила корону в процессе «сборки» камзола Петра Алексеевича, очень велика». После этого открытия устойчивая легенда о том, что весь парадный костюм императора, декорированный вышивкой высочайшего мастерства, полностью расшивала к торжествам будущая императрица, по словам специалистов, может быть подвергнута сомнению.

Почти год спустя после коронации Екатерины I Петра Великого не стало. Еще через восемь лет костюм на долгие столетия

поселился на Восковой персоне. Теперь же он во всем блеске и великолепии представлен в Галерее костюма. «Понимая значимость перемен, происходивших в России в конце XVII – начале XVIII века,

Петр Алексеевич стал первым среди российских самодержцев собирать памятные предметы эпохи, – подчеркнула куратор. – Эту работу продолжили потомки, благодаря чему гардеробу российского монарха в числе других мемориалов была уготована долгая жизнь. В настоящее время коллекция хранится в Реставрационно-хранительском центре Государственного Эрмитажа «Старая деревня» в особых, специально созданных для нее условиях, с учетом самых высоких требований, предъявляемых к хранению такого рода памятников, как костюмы и ткани».

У уникальной во всех смыслах коллекции «Гардероб Петра I» есть еще одна особенность. «Мне очень радостно, – отметила Нина Тарасова, – что в одном гардеробе, просто с помощью костюмов, можно проследить за жизнью одного человека – от рождения до кончины». И Петр Великий предстает перед потомками не только императором и великим преобразователем, но и просто человеком.

СТРАНА У КРОМКИ ПРИЛИВА

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ИСТОРИЯ ЭТОЙ СТРАНЫ ПОДОБНА БИЕНИЮ ВОЛН ОКРУЖАЮЩЕГО ЕЕ ОКЕАНА. ЧУЖАЯ КУЛЬТУРА ТО ОМЫВАЛА ОСТРОВА, КАК ПРИБОЙ – СУШУ, ТО ОТСТУПАЛА. ВРЕМЕНА МАСШТАБНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ С МАТЕРИКА СМЕНЯЛИСЬ ПЕРИОДАМИ ИЗОЛЯЦИИ, И ТОГДА СТРАНА ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА ПЕРЕВАРИВАЛА И УСВАИВАЛА НОВШЕСТВА: ЧУЖОЕ АДАПТИРОВАЛОСЬ И СТАНОВИЛОСЬ НАЦИОНАЛЬНЫМ.

Заведующая
отделом
искусства
народов
Дальнего
Востока,
Юго-Восточной
Азии и Океании
Музея Востока
Анна Егорова

могущественных придворных
кланов победил род Сога, и буддизм
получил в Японии официальное
признание.

Однако современные японисты
больше склоняются к мысли, что это известие в «Нихон сёки» – вставка времен составления
летописи (VII в.), и больше доверяют китайским хроникам. А последние настаивают на том, что буддизм в Японию
завезли пять монахов из индийской Гандхары. В 467 году миссионеры отправились за море в Фусан – Страну Крайнего Востока. Предполагается, что это
была Восточная Япония. Команда джонки расправила на бамбуковых реях красные паруса из кокосового волокна, а монахи загрузили в трюмы буддийские статуэтки. И хотя деревянные статуи, которые хранит Музей Востока, датируются куда более поздним, XII веком, они не менее уникальны. Это – древнейшие артефакты японского буддизма на территории нашей страны.

В витринах на возвышениях, обитых голубовато-жемчужной тканью, напоминающей туманы над озером Яманака, стоят отсвечивающие позолотой темные фигуры. Облачения их ниспадают мягкими складками. Здесь, среди деревянных скульптур Будд, караулит вечность великий бодхисаттва Фугэн. Бодхисаттвы – люди, достигшие просветления, но отказавшиеся от нирваны ради спасения и защиты других существ. Поэтому Фугэн всегда в пути, и буддийская иконография наделяет его надежным помощником – в витрине Фугэн сидит на спине мощного слона. Этот слон, покорно склонивший ушастую голову, плод фантазии японского скульптора. Как и китайцы, японцы никогда не видели живых слонов. Так что, создавая скульптуру, японский мастер XII века пытался представить невиданное животное по буддийским текстам и пришедшим с континента сказаниям. Стоит ли удивляться, что у его слона львиные лапы и шесть бивней?

КИТАЙ – ИСТОЧНИК
веры и многих знаний – веками был для Японии великим учителем. И буддизм, и иероглифическую письменность, и систему государственности Япония заимствовала с материка. О том, как шло становление искусства этой страны, рассказывает Анна Егорова – заведующая отделом искусства народов Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании Государственного музея Востока.

ЧУЖКОЙ БОДХИСАТВА

В витринах разместились произведения искусства от XII до XXI века, от изящной скульптуры до лаконичной керамики, от воздушной графики до ироничных фигурок нэцкэ. Здесь выставлена только часть из почти 9 тысяч экспонатов, составляющих коллекцию японского искусства Государственного музея Востока. Маршрут музейных залов повторяет дорогу, которую прошла Япония, прежде чем стать собой. Ключ, открывающий дверь для этого незримого пути, хранит первая витрина. Имя ей – буддизм. Жители Страны восходящего солнца считают, что на землю острова Хонсю зерно буддизма

было занесено из Кореи. Об этом рассказывают 30 свитков «Нихон сёки» («Записи о династии Нихон») – одного из древнейших письменных памятников Японии. В 552 году, по весту «Нихон сёки», в Ямато (древнее название Японии. – Прим. ред.) явилось посольство корейского королевства Пэкче. Послы привезли сутры, статуэтки Будды и послание, прославляющее его учение. Правивший тогда в Ямато император Киммэй собрал на совет своих приближенных. Буддизм нельзя отвергать, раз все соседние страны на западе почитают его, сказал главный советник – о-оми Сога-но Инамэ. Однако сановники Мононобэ и Накатоми

выступили против, заявив, что страна должна сохранить приверженность синтоизму.

В итоге в борьбе

Бодхисаттва
Фугэн. Япония.
Конец XII века.
Дерево, лак,
позолота,
металл

Будда Амиды. Япония.
XIII век. Дерево, резьба, лак,
позолота

Буддизм значительно потеснил традиционную политеистическую религию Японии – синтоизму. Приверженцы синто («путь богов») поклоняются множеству божеств, душам усопших и природным объектам. Все они обладают своим особым духом – ками. И в залах японского искусства обожествленного персонажа, ками, можно увидеть и своими глазами. Невозмутимый старик в черном кимоно замер в позе лотоса в одной из витрин. Глаза его прикрыты, лицо бесстрастно, он погружен в медитацию. Деревянная скульптура «Сановник в черном» (XV–XVII вв.) прибыла в Музей Востока с Сахалина и представляет, по мнению искусствоведа Галины Ивановны Шишкной, обожествленного чиновника. Черное одеяние – знак его высокого положения. Исследователи полагают, что перед нами прославленный политический деятель, ученый и поэт IX века Сугавара-но Митидзанэ. Благодаря своим способностям он сделал

Сановник в черном. Япония.
XV–XVII века. Дерево, лак, позолота,
краски

блестящую карьеру при дворе императора в Киото, получив должность «правого министра». Однако его авторитет и влияние на правителя обеспокоили могущественный аристократический род Фудзивара. В результате дворцовых интриг Сугавары-но Митидзанэ впал в немилость и был сослан на остров Кюсю. Через два года он скончался в изгнании. Вскоре после его смерти на Киото обрушились смертоносная чума и тайфуны. Народ воспринял несчастья как месть духа умершего Сугавары. Чтобы умилостивить его, Сугавару объявили божеством–покровителем наук и учебы Тэндзином и построили в честь него несколько храмов. Поклоняются Тэндзину в Японии и сегодня, особенно в случае пожаров, эпидемий и тайфунов: японцы молятся человеку, ставшему синтоистским божеством, прося его сменить гнев на милость...

ОБЕЗЬЯНЫ И ЛУНА

В XV–XVI веках под мощным влиянием Китая в Японии оформляются главные национальные живописные школы. В том числе школа Кано, чья живопись пользовалась особой популярностью у сёгунов и аристократов, а также в буддийских монастырях. В Музее Востока хранится ее редкий образец – двусторчатая ширма «Обезьяны, ловящие отражение луны в воде».

Это удивительная по красоте монохромная работа, филигранно выполненная художником по имени Кано Тосюн. Фон – размытая в дымку тушь, оливково-серая, как шерстка обезьян, создает ощущение ясной лунной ночи. Фигуры животных набросаны уверенными разма-

шистыми мазками кисти. Прихотливо изогнутые ветви старого дерева нависают над водной гладью. Длинные лапки ловких обезьян тянутся к воде, где едва заметно проступает бледное отражение лунного диска. Стоит вспомнить, что для приверженцев дзен-буддизма красота лунного света – олицетворение просветленного состояния самого Будды, сияние его космического тела. Кстати, сюжет о глупых обезьянах, основанный на буддийской притче о бренности мира, породил японскую пословицу: «ловить счастье на земле так же глупо и бессмысленно, как ловить отражение луны в воде». Иными словами, стремясь достичь счастья в бренном мире, человек уподобляется обезья-

Двусторчатая ширма
«Обезьяны, ловящие отражение луны в воде».
Япония. Кано Тосюн (?–1723).
Конец XVII века.
Бумага, тушь

Пейзаж. Школа Ункоку в стиле Сэссю. Япония.
Конец XVII – начало XVIII века.
Бумага, тушь

нам, пытающимся поймать отражение луны и не замечающим настоящее светило в небе. Он забывает заповедь, предписывающую помнить о пределах своих знаний и сил.

Как и некоторые предметы китайской коллекции (см.: «Русский мир.ru» №11 за 2022 год, статья «Частный Китай»), ширма с обезьянами попала в музей из собрания купца-мецената Щукина. Сергей Иванович испытывал интерес не только к французскому, но и к дальневосточному искусству. Где именно известный коллекционер приобрел эту ширму, неизвестно. Он покупал произведения искусства во Франции, на него работали несколько влиятельных европейских маршанов. Среди них был и знаменитый арт-дилер Зигфрид Бинг, который обеспечивал японскими гравюрами, ширмами и предметами декоративно-прикладного искусства многих коллекционеров – от братьев Ван Гог и Эмиля Золя до барона Штиглица.

ПЕЙЗАЖ С ГОРАМИ

А вот живописный свиток школы Ункоку (конец XVII – начало XVIII в.). Пепельное небо, пепельная земля, пепельная вода, пепельные горы, тонко прорисованные искривленные стволы старых ив, крыши домов, прикалившая джонка и свечами застывшие на высоких скалах темные сосны.

Основателем школы был художник Ункоку Тоган, творивший в начале XVII столетия. Мастера школы Ункоку считали себя наследниками великого живописца Сэссю, жившего в XV веке. Как и биография Сугавара-но Митидзанэ, жизнь Сэссю обросла мифическими подробностями. Говорили, что родился он в самурайской семье и с детства был искусен в рисовании. Даже когда мальчика отдали в дзенский монастырь, он вместо чтения сутр непрестанно рисовал. В конце концов настоятель обители решил проучить юного послушника и привязал его к столбу. Но это не остановило художника: пальцем ноги Сэссю нарисовал на земле мышь. Есть

две версии дальнейшего развития событий. По одной, настоятель испугался нарисованной мыши – так она была похожа на настоящую. После чего, осознав наконец степень дарования Сэссю, освободил его. По другой версии, мышь была так правдоподобно нарисована, что ожила и перегрызла веревки, которыми был связан Сэссю. Как бы то ни было, в XV веке с творчеством Сэссю, который обучался и у художников Поднебесной, в японскую живопись привносятся мощная волна китайского влияния.

Знаменитые японские монохромные пейзажи называются «сансуй», что в переводе означает «горы и воды». Только не нужно воспринимать их как картины, созданные исключительно с натуры. Художник, говорит Анна Алексеевна, стремился создать образ идеального космического порядка. Неприступные горы и струящиеся воды – это символы мужского и женского начал, движущие, согласно даосизму, Вселенную. Незыблемое и теплое мужское ян и мягкое и изменчивое женское инь формируют гармонию мироздания, а художник должен уловить ее и суметь отразить на шелке или бумаге.

Чайный домик тясицу наглядно демонстрирует, как проходит чайная церемония

Детали интерьера чайной комнаты.
«Ветер раздувает огонь, огонь доводит воду до кипения, вода настигает чай»

ЧАЙНАЯ МЕДИТАЦИЯ

Из Китая в Японию приходит еще один вид искусства – чайная церемония. Как внешне неброская японская живопись тушью оказывается окном в глубины философии, так и бытовое для европейцев действие оборачивается в Китае и Японии продуманным ритуалом. Недаром тонизирующий чай пьют в китайских чань-буддистских монастырях для сохранения энергии во время длительных медитаций.

Развитие чайной традиции в Японии начинается в VIII веке, позже из монастырей она перекочевывает в светское общество, сплавляя изысканность аристократических традиций с философским содержанием.

В коллекции Музея Востока представлена классическая чайная комната, она же чайный домик – тясицу. Создана комната была японскими мастерами. В 1984 году в Москве проходила выставка «Японский дизайн: традиции и современность». А после ее завершения было решено, что инсталляции, представляющие традиционную культуру, не увезут обратно в Японию, а передадут музеям.

Так в Музее Востока появилась настоящая тясицу, которая позволяет рассказать, как проходит чайное действие. Перед чайным домиком разбит небольшой сад с мозаичной дорожкой, ведущей сквозь бамбуковую рощу. Шествуя по ней, участники церемонии шаг за шагом отрываются от суеты мира и своего социального статуса. В Японии говорили, что «самурай оставляет меч на пороге чайной комнаты», в которой все равны.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ГЛИНЫ

В XVI веке в японской чайной церемонии почитание пышной утвари, своеобразное китайскому вкусу, сменит любовь к простым вещам. Незамысловатые чаши, похожий на древесный обрубок сосуд для чистой воды, грубые циновки, деревянные опоры церемониального зала, не выстругиваемые начисто, чтобы схранить следы бывшейся в них когда-то жизни... Все это создает ритуальное пространство, насыщенное оттенками смыслов, ра-

зобраться в которых может лишь посвященный.

Музей Востока хранит прекрасную и по международным меркам коллекцию японской чайной утвари.

Вот изящная коробочка для благовоний, в которой хранили смесь из ароматических веществ и просеянной золы. Еесыпали на уголь в очаге, и, пока горел огонь и тлели угли под котелком с водой, по комнате распространялись изысканные ароматы.

Керамика в стиле Сацума (1880-е гг.).

Обилие позолоты и цветовая гамма эмалей контрастируют с неглазурованной тонированной поверхностью

А вот чаша для чая. Она называется «тяван» и обычно, завернутая в шелк, хранится в специальном ларце. Японцы считали, что тяван воплощает гармонию пользы и особого типа красоты – красоты простой крестьянской утвари с присущими ей несовершенством, асимметрией, безыскусностью. «Пластичная глина, мастер, тонко чувствующий природные свойства материала, и огонь в печи для обжига, оставляющий свои следы на глине, признавались тремя равноправными участниками процесса создания тявана», – объясняет Анна Егорова. К тявану относились как к человеку, давали имя, навеянное ее видом или узором. Случайные изъяны, возникшие при обжиге чаши – растрескавшаяся глазурь, пятна, запекшаяся на глине зола, – становились ее украшением. Даже поврежденные при употреблении тяваны не теряли своего очарования. Их склеивали лаком, а трещинки и щербинки на тяванах ценили как «драгоценные оттиски времени». Сколы по краям чаши латали пломбами из золотого лака, которые называли «ирэба» – вставной зуб. Золотистые швы превращались в морщины мудреца и шрамы воина, у чаши, как у человека, появлялась своя судьба.

Один из самых распространенных типов керамики, использовавшийся в японской чайной церемонии – предметы в стиле раку. Хотя в этом стиле делали и курильницы коро, и коробочки для благовоний кобо, и сосуды для холодной воды мидзусаси, но именно чаши-тяваны стали его визитной карточкой. Посуду раку лепили руками, не используя гончарный круг – как скульптуру. Массивные, покрытые толстым слоем матовой черной, красной или белой глазури и обожженные при низкой температуре, такие тяваны были удобны для чайной церемонии. Отпечатки, оставшиеся от прикосновений керамиста, совпадали с ложбинками и бугорками руки гостя, и казалось,

Реликварий сари-дзуси. Япония. XVIII век.

Дерево, золотой лак, стекло, полудрагоценные камни

будто драгоценный напиток участник церемонии пьет прямо из своих ладоней – тонкий и красивый образ.

Чаши раку появились в XVI веке благодаря чайному мастеру Сэнно Рикю и керамисту Тёдзиро. По легенде, восхищенный тяваном, изготовленным Тёдзиро, полководец и объединитель Японии Тоётоми Хидэёси пожаловал великому керамику именную печать с иероглифом «раку». «Раку» значит «наслаждение, радость», но его смысл не исчерпывается этим словом. Иероглиф отсылал зрителя к названию не сохранившегося до наших дней дворца Тоётоми Хидэёси (Дзюранкадай), в котором служил Сэнно Рикю. То есть это в первую очередь указание «принадлежности» мастерской землям Хидэёси. Сперва название стало наследственным именем мастеров только одной мастерской (Тёдзиро), а позднее словом «раку» стали называть тип обжига и изделия, которые производились в других мастерских.

В Музее Востока коллекция фарфора и керамики значительно пополнилась благодаря усилиям купца Попова. Константин Семенович был одним из самых известных чаеторговцев России. Он много путешествовал по Китаю и Японии, изучал чайное дело, а затем заложил в Грузии собственные плантации чая. Грузинские чаи Попова славились своим качеством, их делали на основе лучших китайских сортов.

Самым интригующим моментом для специалистов является вопрос: как Попову и другим русским коллекционерам удавалось приобретать японские предметы большой художественной ценности? Кто в Китае и Японии помогал им безошибочно находить настоящие жемчужины, подобные, например, черной чаше с мотыльком (XVII в.)? Хотя эта вещь не из коллекции Попова, но она свидетельствует об уровне, с которым успешно конкурировали артефакты из собраний русских коллекционеров. Внутренняя по-

Стиль Имари.
Конец XIX века.
Мастерские
Арита. Фарфор,
подглазурная
роспись
кобальтом,
надглазурная
роспись эмалями

верхность тяvana с мотыльком гладкая, внешняя – пористая. На неровном слое черной глазури нарисован белый мотылек и написан иероглиф «сон». Этот рисунок напоминает о притче китайского философа Чжуан-цзы (Чжуан Чжоу), жившего в IV–III веках до н.э. «Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой, счастливой бабочкой, которая порхала среди цветов в свое удовольствие и вовсе не знала, что она – Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я – Чжуан Чжоу. И я не мог понять, то ли я – Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она – Чжуан Чжоу»...

БРЕЛОК ДЛЯ ГОРОЖАНИНА

К XVII–XVIII векам многие родовые японские дома оказываются на грани разорения, зато набирает силу «третье сословие» – торговцы и ремесленники. И экспонаты Зала Японии отдают дань новой городской культуре. Витрина с нэцке напоминает городской квартал, на улицах которого жизнь бьет ключом. Десятки маленьких фигурок замерли в причудливых позах, будто внезапно остановившееся время застало их врасплох. Они общались, работали, шли по делам и вдруг – на мгновение застыли. «Нэцке – прекрасная иллюстрация того, как горожане присваивали и адаптировали

Чаша
с изображением
черепахи.
Япония.
XVII–XVIII века.
Керамика,
глазурь,
скульптурное
моделирование

Витрина с нэцке неизменно привлекает посетителей музея

культуру японских элит», – отмечает Анна Егорова. В мужском и женском кимоно нет карманов. И чтобы носить мелкие вещи – например, письменные принадлежности, – японцы использовали широкие рукава кимоно. Но для купца или ремесленника такая привычка была неудобна: руки у них должны оставаться свободными. Поэтому «третье сословие» все необходимое носило на поясе с помощью шелкового шнурка. С одной стороны к нему крепилась коробочка, в которой можно хранить лекарства, ароматические пастилки, маленькую печать, кисть с тушечницей... Другой конец шнурка продевали под пояс, а чтобы он не выскальзывал, прикрепляли небольшую фигурку – нэцке. И с конца XVII века такие брелоки для шнурка превращаются в самостоятельные произведения декоративно-прикладного искусства.

Нэцке иллюстрируют множество фольклорных, мифологических, литературных, театральных сюжетов. Вот мужчина взбивает в чаше порошок зеленого чая матча – говорят, это портрет самого основателя классической чайной церемонии, мастера Сэн-но Рикю. Рядом утирает лоб демон с рожками – в нэцке легко ужи-

Демон-они с кисетом и маской Окамэ. Мастер Тэйсэн (школа Эдо). Япония. Вторая половина XIX века. Кость

ваются люди и духи. Вот маленькая танцовщица с барабанчиком, а там – дамы с веерами и дамы с детьми. На соседней полке мальчик тащит на спине огромную куклу-даруму, которая при ближайшем рассмотрении оказывается патриархом дзэн-буддизма Бодхидхармой. Неподалеку все тот же Бодхидхарма завернулся в плащ так, что видно только его лицо: по легенде, во время девятилетней медитации у патриарха отсохли ноги, и озорной брелок-нэцке откликается на этот сюжет. Удивляют и большие, выпущенные глаза Бодхидхармы. Но и по этому поводу сложена легенда: во время все той же девятилетней медитации патриарха начало клонить в сон. Разозлившись на себя за слабость, Бодхидхарма вырвал верхние веки и бросил их на землю. И из них выросли кусты чая. Кстати, именно поэтому чай приобрел популярность у чань-буддистов, ведь Бодхидхарма пожертвовал веками, чтобы создать напиток для медитации...

ОРЕЛ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

К середине XIX века политика самоизоляции привела к отставанию Японии в военной, научной и социально-экономической сферах. Попытки европейских государств и США заставить японское правительство открыть страну фактически привели к вооруженной интервенции. В 1853 году к столице Японии Эдо подошла американская эскадра, властям было вручено письмо от президента США. Японцы начали долгие переговоры и тянули с ответом. В феврале 1854-го у берегов Японии вновь появилась усиленная американская эскадра, пушки которой были красноречиво направлены на столицу. И уже в марте был подписан японо-американский договор, открывший для иностранной торговли порты Симода и Хакодате. Окончательное же открытие

Скульптурная композиция «Орел на сосне». Мастер Канэда Кэндзиро. Киото. Конец XIX века. Дерево, слоновая кость, рог, резьба

Улитка на листе. XIX век. Слоновая кость

Японии внешнему миру произошло в 1868 году, когда трон страны занял император Муцухито, взявший курс на кардинальное реформирование внешней и внутренней политики страны. Эта эпоха получила название «Мэйдзи» – «просвещенное правление», по официальному посмертному имени императора Муцухито.

Так что если китайские коллекции российских собирателей и музеев формировались с XVII века, то японские – только с конца XIX столетия, причем в сильной конкуренции с американскими и европейскими коллекционерами. И, несмотря на это, в Музее Востока хранятся по-настоящему уникальные вещи. Вот пример: в витрине в центре зала на огромном пне замер белый орел. Посетителю музея трудно оценить значимость этой скульптуры, если он не познакомится с историей экспоната. Перед нами – императорский подарок.

В 1890–1891 годах император Александр III отправил своего наследника, цесаревича Николая, в большое Восточное путешествие, во время которого тот посетил Египет, Йемен, Индию, Цейлон, Сингапур, Яву, Таиланд, Китай. Путешествие

Утиакэ (верхнее парадное кимоно)
«Красная и белая слива».

Япония. 2011 год.
Шелк, парча,
вышивка,
ткачество.
Дар госпожи
Фудзиока Ацуко
и господина
Фуки Масаёси,
директора
Международной
молодежной
палаты

«Лист 4,
Сиратама»,
из серии
«Превосходный
выбор
тридцати шести
замечательных
кутизанок».
Утагава Кунисада
(Тоёкуни III).
Япония. 1861 год.
Цветная
кистография

цесаревич завершил в Японии, где в том числе посетил одну из южных провинций – Сацуруму, славившуюся производством керамики. Тонкостенные чаши и вазы из Сацурумы цвета слоновой кости покрывали позолоченными многоцветными надглазурными эмелями. На японский вкус такой декор был избыточен, зато он восхищал европейцев.

В Сацуруме, куда Николай Александрович прибыл в 1891 году, его встречал нарядившийся в самурайский доспех местный правитель Симадзу и его приближенные. В честь визита цесаревича были открыты ярмарки сацурумской керамики и устроена охота на собак – традиционное развлечение южных японских провинций. Симадзу подарил гостю и сопровождающему его кузену, греческому принцу Георгу, огромные расписные вазы.

А в 1896 году император Муцухито присыпает на коронацию Николая II подарки: роскошную вышитую шелковую ширму и шедевр косторезного искусства – скульптуру орла. Именно этот целостный уникальный ансамбль и выставлен в Музее Востока. Скульптура орла была выполнена токийским мастером Канэдой Кэндзиро. После коронации Николая II подарок был передан в собрание Оружейной палаты Кремля. Но во второй половине XX века орел и ширма перекочевали в Музей Востока. А в 1986 году специалисты приступили к реставрации скульптуры.

Фигура орла наборная: туловище и крылья изготовлены из подогнанных друг к другу деревянных деталей. Это – основа, на которую маленькими гвоздиками крепится более полутора тысяч перьев из слоновой кости. Голова птицы вырезана из цельного куска бивня, когти – из черного рога. Изготовление каждой детали скульптуры требовало виртуозного владения различными приемами резьбы по кости. А на одном из перьев хвоста мастер оставил гравировку: «Великая Япония. Токио. Произведение Канэды Кэндзиро».

Во время реставрации эти полуторы тысячи пластин из слоновой кости были сняты и приведены в порядок. Разбирая скульптуру, реставраторы музея понимали, насколько сложно будет собрать это множество мелких деталей вновь. Однако внутри орла обнаружилась деревянная основа, на которой были отмечены и пронумерованы все места креплений перьев. Такая же маркировка стояла и на каждом пере. В итоге орел снова был собран и занял место в экспозиции. Японские реставраторы были восхищены работой своих российских коллег. Как выяснилось, за пределами Японии хранятся всего лишь несколько произведений Канэды Кэндзиро, и наилучшей сохранностью из них отличается орел в Музее Востока.

БЕССМЕРТНАЯ РОТА ИЗ КРАСНОЙ ЗОРЬКИ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

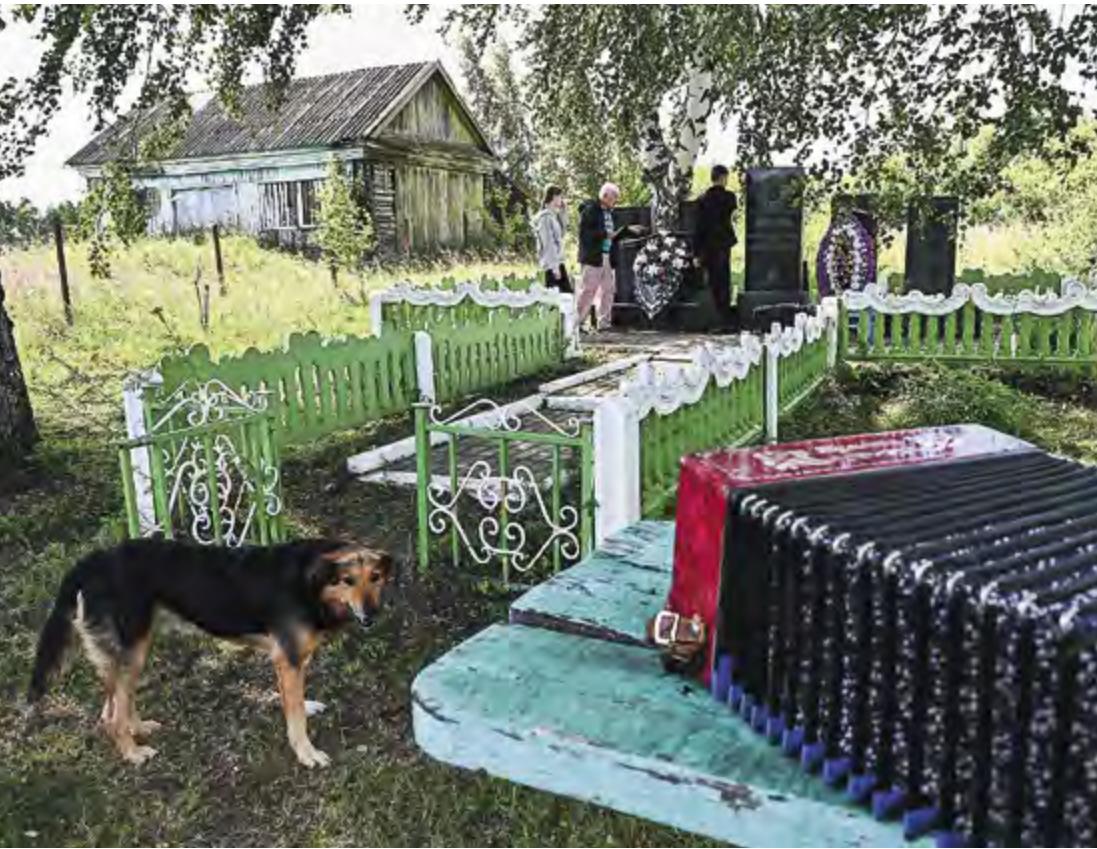
ТРЕСК МОТОРОВ СТИХАЕТ:
ПАРНИ И ДЕВУШКИ НА МОПЕДАХ
И МОТОЦИКЛАХ ТОРМОЗЯТ И ВСЕ
КАК ОДИН СМОТРЯТ В СТОРОНУ.
ТУДА, ГДЕ ПОД ЖЕЛТЕЮЩИМИ
БЕРЕЗАМИ СИДЯТ СЕДОЙ ЧЕЛОВЕК
И ЧЕРНО-РЫЖИЙ ПЕС. «ДЯДЯ КОЛЯ!
ПОМОЩЬ НУЖНА?» – КРИЧАТ РЕБЯТА.
ЧЕЛОВЕК ОТРИЦАТЕЛЬНО КАЧАЕТ
ГОЛОВОЙ. НО МОЛОДЕЖЬ УЕЗЖАТЬ
НЕ СПЕШИТ: ВСЕ ЗНАЮТ, ЧТО РАЗ
НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ СУЛЬДЯЙКИН
ПРИШЕЛ К МЕМОРИАЛУ ПАМЯТИ
ФРОНТОВИКОВ – УРОЖЕНЦЕВ КРАСНОЙ
ЗОРЬКИ, ЗНАЧИТ, ЗДЕСЬ НУЖНО
СДЕЛАТЬ КАКУЮ-ТО РАБОТУ.

3

А ДЕНЬ ОПАВШАЯ
ЛИСТВА СНОВА ПОКРЫЛА
ПЛИТЫ. А ВЕДЬ НИКОЛАЙ
ФЕДОРОВИЧ ТОЛЬКО ВЧЕ-
РА ПРИВЕЛ ВСЕ В ПОРЯДОК. ОН
ОТКРЫВАЕТ КАЛИТКУ ОГРАДЫ И
ГИДАРУТ, ЧТО У НЕГО МНОГО ПО-
МОЩНИКОВ – ВОТ, НАПРИМЕР, СТАР-
ШЕКЛАССНИКИ РАЙОННОЙ ШКОЛЫ
ИЗ КОЧКУРОВА. В ЭТОМ МОЖНО НЕ
СОМНЕВАТЬСЯ: ВИДНО, ЧТО ЗА ТЕР-
РИТОРИЕЙ ТЩАТЕЛЬНО СЛЕДЯТ. Но
76-ЛЕТНИЙ ПЕНСИОНЕР ВСЕ РАВНО
ЧАСТО ПРИХОДИТ СЮДА: ОН ЕЩЕ МО-
ЖЕТ САМОСТОЯТЕЛЬНО УПРАВЛЯТЬСЯ
С УБОРКОЙ. ДО НЕДАВНЕГО ВРЕМЕ-
НИ ПО ЛЕСТНИЦЕ НА БЕРЕЗЫ ВЗБИ-
РАЛСЯ, ЧТОБЫ СУЧЬЯ ОБРЕЗАТЬ.
О ДРУГОМ БОЛИТ ДУША НИКОЛАЯ
ФЕДОРОВИЧА: СЛИШКОМ ПОЗДНО
ПОЯВИЛСЯ ЭТЫЙ МЕМОРИАЛ.

МЕСТО ПАМЯТИ

Мы подходим к пяти гранит-
ным стелам, спрятанным в
тени деревьев. С момента от-
крытия мемориала в 2005 году
здесь побывало множество лю-
дей: школьники, студенты,
чиновники приезжают сюда
убраться и постоять под сенью
берез-часовых. Чем-то при-
влекает людей этот скромный
мемориал...
Вот и молодежь на мотоциклах
ждет, не уезжает. Ведь Николай
Федорович для них – герой.
Благодаря усилиям этого че-
ловека и появился мемориал в
маленькой мордовской дерев-
не у заросшей лесом горы.
Фамилия Сульдяйкин трижды
встречается в списках на сте-

Без Сульдяйкина не было бы этого мемориала

лах: на них упомянуты отец Николая Федоровича – Федор Сергеевич, а также братья – Дмитрий и Андрей. Здесь выбито и имя его деда – Романа Петровича Лачина. Всего же на гранитных стелах – сотня фамилий фронтовиков – уроженцев деревни Красная Зорька. О каждом из них подробно рассказывается в книге «Бессмертная рота из Красной Зорьки», подготовленной и изданной Николаем Федоровичем.

Сегодня Николай Федорович доволен. На мемориале прибрано. А листья и веточки с плит он и сам сметет. Сульдяйкин оглядывается вокруг и улыбается: «Догадались, сами выкосили траву!»

Но так было не всегда. Траву рядом с памятником вовремя не косили. Обещанную ограду долго не ставили. А однажды какая-то организация свалила огромную кучу мусора около мемориала. Сельчане позвонили Николаю Федоровичу, который тогда был в Саранске. Сульдяйкин приехал,

понял, что самому не управляться, и обратился за помощью к бывшему тогда главой района Дмитрию Позднякову. Тот привез чиновников с ведрами, кистями и краской. Мусор убрали, изгородь соорудили и покрасили. Он же, став председателем правительства Республики Мордовия, помог с изданием объемного тома «Книга Памяти Кочкуровского муниципального района», посвященного фронтовикам.

Многие ошибочно думают, что мемориал отмечает захоронение участников Великой Отечественной войны. Но это не так. Это место памяти.

Уже трижды Сульдяйкин организовывал шествие Бессмертного полка: 9 Мая люди шли от мемориала по центральной улице Красной Зорьки. Впереди вышагивал Николай Федорович с гармонью. «В молодости я был деревенским гармонистом. У меня три гармони! Я бы вам сыграл. Но руки гармонь не берут – жена в больнице. Нет настроения», – признается он.

КЛЯТВА

Николай Федорович Сульдяйкин родился в большой многодетной семье через два года после Победы. В 16 лет подался в город, работал слесарем на заводе «Резинотехника» в Саранске, отслужил три года в пограничных войсках. Вернулся в Саранск. В выходные дни ездил в родную деревню.

В один из таких визитов родители сообщили Николаю, что в соседнем селе Мурань, где тогда находилось правление колхоза, открывают памятник павшим на войне. Дед Николая Федоровича погиб на фронте. Отец был участником двух войн – советско-финской и Великой Отечественной. Так что на открытие памятника отправились всей семьей вместе с соседями – около полусятни человек шли в Мурань как на праздник, песни пели. На обратном пути брели молча, многие хмурились. «Как беженцы!» – говорит Николай Федорович, вспоминая тот день 1975 года. То, что они увидели в Мурани, памятником назвать было нельзя. Николай Федорович до сих пор не знает, из какого материала его тогда слепили. Как говорится, до первого дождя. Фамилии воинов были написаны от руки – криво и косо. Имени своего погибшего деда Сульдяйкин на этом памятнике не нашел. Да еще жители Красной Зорьки почему-то подходили к нему и говорили с укором: «Коля, моего нет!», «Коля, а наши где?» Николай Федорович сначала не понимал, почему ему задают эти вопросы. Позже выяснилось: бывший одноклассник рассказал, что Николая выбрали секретарем комитета комсомола завода «Резинотехника», и в деревне пошли разговоры, что Сульдяйкин в городе каким-то начальником стал.

Николай Федорович не выдержал. Не мог он равнодушно смотреть на расстроенные лица родителей и односельчан. Именно тогда Николай Федорович и поклялся перед всеми: чего бы это ни стоило, а памятник фронтовикам Красной Зорьки он в деревне поставит. И книгу о них напишет. «Я дал тогда слово: найду всех!» – вспоминает Сульдяйкин.

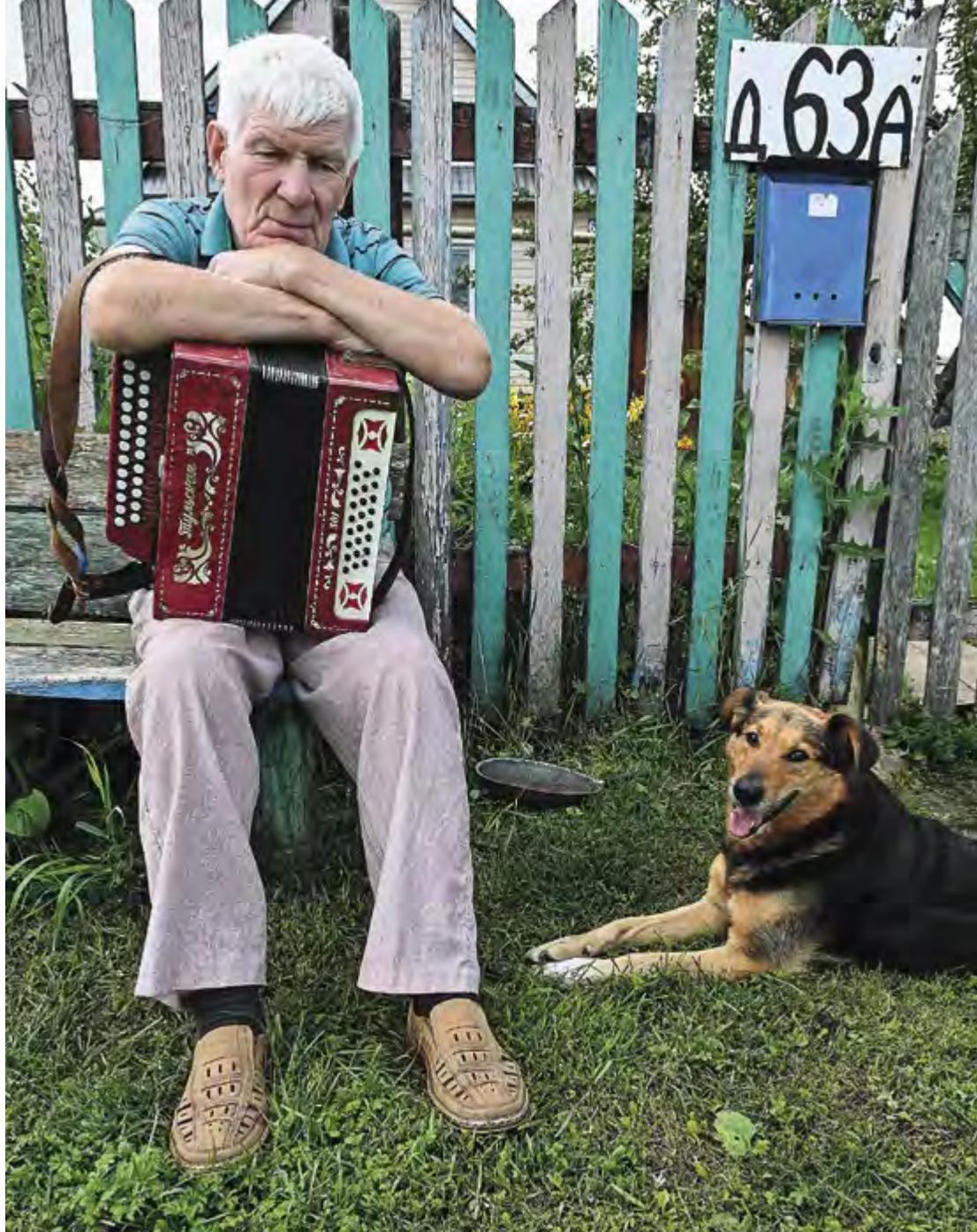
ВСПОМНИТЬ ВСЕХ ПОИМЕННО

Николай еще мальчиком запомнил, как мать перед иконами оплакивала своего отца. Артиллерист Роман Петрович Лачин погиб в Белоруссии в возрасте 46 лет.

Бабушка Николая часто брала внука с собой, когда отправлялась в лес за земляникой или грибами. Шли они обычно к железнодорожной станции Качелай, где мужчин провожали на фронт. Николай долго не понимал, почему бабушка посыпала его нарвать черемухи, а сама подолгу смотрела на убегавшие вдаль рельсы. Только став старше, он догадался, что она приходила на место прощания с мужем как на свидание с ним...

Когда в Мордовии вышла многостенная «Книга Памяти», Николай Федорович обнаружил в ней запись о том, что Роман Лачин отправился на фронт в феврале 1942 года. Боевой путь начал в составе конноартиллерийского дивизиона. Был награжден медалью «За боевые заслуги». 29 октября 1943 года в бою у белорусской деревни Ястребка Лоевского района Гомельской области он погиб. Николай Федорович бросился находить справки. И спустя шестьдесят лет внуку удалось найти место захоронения деда. Сульдайкины собрались в дорогу. 9 мая 2004 года восемь внуков, правнуков и праправнуров Романа Лачина приехали на мемориальное кладбище в селе Уборок Лоевского района Белоруссии, где покоятся их дед. Потомков фронтовика встречало все село. Сульдайкины посадили на кладбище березку, привезенную из Красной Зорьки. Полили ее водой, взятой из колодца родной деревни. На могилу положили горсть мордовской земли. Обо всем этом Николай Федорович подробно рассказывал жителям Красной Зорьки. Рассказывать-то рассказывал, а в ответ только и слышал: «А у нас памятника-то и нет...»

Начал Николай Федорович с того, что провел опрос всех жителей села. В каждом доме он выспрашивал у хозяев все, что им из-

вестно о предках. Когда те отнекивались и говорили, что ничего не знают, отвечал: сами же потом плакать будете, если про ваших отцов и дедов в книге ничего не будет и на памятнике фамилий не окажется. Подействовало.

Николай Федорович поставил задачу установить имена всех земляков-фронтовиков. В деревне говорили, что из Красной Зорьки на фронт ушли 90 человек, 45 – погибли, остальные вернулись. В итоге выяснилось, что на самом деле их было больше: в деревне не учитывали тех, кто до войны уехал в другие регионы страны. География поисков оказалась огромной: от Калининградской области до Сахалина и Хабаровска.

Проект мемориала Николай Федорович нарисовал сам. Нашлись люди, пообещавшие помочь с

деньгами. Правда, от первого варианта пришлось отказаться: Сульдайкину хотелось поставить памятник в виде солдата. Но оказалось, это слишком дорого. Тогда и возникла идея со стелами. С проектом Николай Федорович пришел в саранскую контору ритуальных услуг. Директор, Василий Храмов, пообещал сделать гранитный памятник. И предложил расплатиться за него тогда, когда появятся деньги.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Николай Федорович погла- живает длинный деревянный стол, установленный рядом с мемориалом. Каждый год в День Победы стол этот накрывают для поминальной трапе- зы. Место тут тихое. Заброшен- ных домов вокруг немало. Был рядом магазин, но его закрыли

Почтовый ящик у Николая Федоровича принимал ответы из архивов страны

Когда-нибудь
дело сохранения
мемориала
перейдет
в руки молодых
жителей Красной
Зорьки

из-за недостатка покупателей. Школы в Красной Зорьке нет. И в соседней Мурани – тоже. Единственную школыницу из Красной Зорьки возят в райцентр на автобусе. Но назвать деревню умирающей нельзя, жителей в ней хватает. Еще бы вот дорогу на центральной улице отремонтировали, о чем Николай Федорович регулярно просит администрацию... Выбоины на ней Сульдяйкин знает наизусть, ведь по ней он и ходит к мемориалу. В этих прогулках его обычно сопровождает пес Томас, когда-то найденный с перебитой лапой.

Спрашиваю у Николая Федоровича, почему он решил поставить памятник и издать книгу о своих земляках-фронтовиках. Он смотрит в сторону, аккуратно снимает со стола одинокий березовый лист, а потом твердо отвечает: «Я свою деревню просвещаю и воспитываю. Хочу, чтобы о нас и наших героях знали!»

А ведь сумел Сульдяйкин достучаться до человеческих сердец. Когда ставили бетонную основу для памятника, то пришел на помощь глава администра-

ции поселения (тогда Красная Зорька относилась к Муранскому сельскому поселению. – Прим. авт.). Вместе с Николаем Федоровичем он поехал на завод. Загрузили бетоном цементный миксер автобетоносмесителя. Причем безвозмездно. Накануне Николай Федорович собрал деревенских ребят, те натаскали куски металла для опалубки, даже старые велосипеды приволокли. Специалисты из конторы ритуальных услуг установили стелы. В организации открытия мемориала Николаю Федоровичу помогала вся его семья. Стелы обернули белой тканью и перевязали красными ленточками. Открытие назначили на полдень. Пришло более 60 человек – рекорд для маленькой деревни. Последний в Красной Зорьке ветеран войны, деревенский учитель Артем Леонтьевич Горбунов, выступил с речью. Минут пятнадцать он клеймил власти Германии, будто до сих пор не мог простить им преступления военных лет. И только потом перешел к подвигам земляков. Затем выступил Николай Федорович,

а после – глава поселения и все желающие.

Наконец ленточки разрезали, полотно стянули. Сначала все молча рассматривали мемориал из трех стел – одна центральная и две по бокам. А потом собравшиеся бросились искать фамилии родных на памятнике. Люди падали на колени, целовали гранит, многие плакали. Николай Федорович такого не ожидал. Запомнилось ему, как одна из женщин подбежала, обняла стелу, разрыдалась. Пробежала глазами списки фамилий и закричала: «Николай Федорович, а почему имени моего отца нет?! Светкина Лукьяна Филипповича почему нет?!» «Да тут только погибшие!» – ответил Сульдяйкин и тут же понял: права землячка, нужно еще две стелы добавить с именами тех, кто вернулся живым. Мемориал открыли, а вот с деньгами для его оплаты случилась неприятность. Те, кто обещал помочь, слово выполнить не торопились. Целый год Николай Федорович искал возможность расплатиться с долгами, переживал, ночами не спал. Немало порогов ему пришлось обить, да все без толку. Много раз возвращался он в деревню поздним вечером и жаловался жене на очередной отказ. Но вопрос с деньгами все-таки решился, нашлись добрые люди, помог и глава администрации Муранского сельского поселения Анатолий Баюшкин. Сначала памятник установили возле бывшего здания правления, где в годы войны располагался пункт сбора для отправки на фронт. В обветшавшем доме в то время ютились клуб и школа, а площадка рядом с ним считалась центром деревни. Но затем памятник решили перенести на нынешнее место. Тут уж администрации района и поселения усилия энтузиастов поддержали. Место облагородили. Установили новые, дополнительные стелы по бокам с фамилиями вернувшихся с войны уроженцев Красной Зорьки...

Еще до открытия памятника Николай Федорович предполагал, что могут неожиданно новые фамилии героев обнаружиться, и потому оставил на стелах незаполненные строчки. Словно чувствовал, что на памятнике не все фамилии ветеранов Красной Зорьки указаны. Так и вышло.

Соседом Сульдяйкиных был Алексей Байгушкин, отец которого, согласно «Книге Памяти Кочкуровского муниципального района», погиб в Карелии. И вдруг родственница Байгушкиных говорит Николаю Федоровичу, что не в Карелии он погиб, а в Белоруссии. Сульдяйкин навел справки в архивах. Права оказалась соседка. Слово за слово, разговорились, и тут она сообщает, что в их семье воевали еще двое – ее дяди Борис и Сергей. «А что ж ты раньше молчала?» – рассердился Николай Федорович. «Да неудобно было!» – «Как так – неудобно? Мне каждая фамилия – бальзам на душу!» Николай Федорович снова отправился в архивы и за голову схватился: Борис и Сергей Байгушкины героями оказались! Первый служил заместителем начальника штаба разведподразделения, второй получил медаль «За отвагу». Оба призывались из Красной Зорьки, но в деревню после войны не вернулись, потому их и не вспомнили. Местная предпринимательница Валентина Егоровна Бирюкова, помогавшая Николаю Федоровичу с памятником, тоже только спустя время призналась, что ее дядя Иван – фронтовик. На вопрос, почему раньше об этом не сказала, Сульдяйкин услышал все тот же ответ: «Стеснялась». Это слово Николай Федорович слышал еще не раз. И всегда удивлялся: почему люди не спешили рассказывать о своих родственниках, воевавших в Великую Отечественную? Чтобы уместить все новые фамилии на памятнике, пришлось уменьшить буквы на 2 миллиметра...

ГЕРОИ БЫЛИ РЯДОМ

Мы идем по центральной улице деревни. Николай Федорович тяжело вздыхает и вдруг говорит о том, что знал многих из тех, чьи имена выбиты на черном граните мемориала. И мучает его вот что: он с ними с седьмого класса в колхозной бригаде траву косил. На току вместе работали. Стогвали. И он, как и все остальные мальчишки, не думал о том, что рядом с ним работают герои войны. Те самые, о которых снимали прекрасные советские фильмы. А ведь Николай засматривался ими в деревенском клубе... Когда на заводе «Резинотехника» Сульдяйкина избрали секретарем комитета партии, он узнал, что среди заводчан насчитывается около 500 участников войны. Николай Федорович придумал специальную программу работы с ветеранами. Перенимать этот опыт к нему с других предприятий приезжали. Директор комбината Владимир Конев денег на празднование 9 Мая не жалел. При обсуждении сметы говорил только одно: «Добавить столько же». А в деревне Красная Зорька, куда он приезжал навестить родите-

лей, такой заботы о ветеранах Николай Федорович не замечал. В деревенском клубе их не собирали и не чествовали. Даже двух-трех теплых слов, сказанных об их боевом пути в присутствии детей и внуков, никто не дождался. И этот контраст между тем, как чествуют ветеранов на заводе, и тем, как забывают о них в деревне, Сульдяйкина поражал и заставлял чувствовать себя виноватым. Вот почему он решил взвалить на себя такую задачу – поставить памятник и написать книгу. Чтобы хоть как-то возместить то, что ветераны не получили при жизни. Он и перед своим отцом чувствует вину. «Майские праздники на заводе проведу и – в деревню. Отец грустный сидит у окна. Ну поставит мать бутылочку. Ну помянут. И все», – с грустью вспоминает Николай Федорович. Его отец, участник битвы на Курской дуге, после войны работал председателем, потом, после объединения колхозов, бригадиром, а затем простым деревенским пастухом. Умер в 62 года. Николай Федорович говорит, что когда в Красной Зорьке умирали фронтовики, об их воен-

Возвращение
фамилий героев
из небытия
далось, что
называется,
кровью...

Вот так,
с гармонью
под мышкой,
идет Николай
Федорович
ссыпать народ...

ных заслугах не принято было говорить на похоронах. Пожалуй, единственным исключением стали похороны ветерана войны Степана Петровича Данилкина: орден Красной Звезды на подушечке его внук нес.

Последний ветеран Великой Отечественной войны из Красной Зорьки умер 1 марта 2015 года – тот самый Артем Леонтьевич Горбунов, выступавший на открытии памятника. Год был юбилейный. Артем Леонтьевич умирал, а все ждал юбилейную медаль. Машина проезжает по деревне, а он голову поднимает и с разочарованием отворачивается: «Нет. Не ко мне». Медаль утром привезли. А он ночью умер. Политруком в войну был. Через плен прошел. Сумел спасти нескольких людей от газовой камеры, в том числе земляков из соседней Мурани.

Горбунов просил об этом не говорить, пребывание в плену по зором считалось, но они все равно не удержались, рассказали о его подвиге.

После того как в Красной Зорьке памятник установили, в Мурани через пять лет тоже новый мемориал поставили. И в соседнем Татарском Умисе памятник открыли. И не было бы «Книги Памяти Кочкуровского муниципального района», если бы не тонкая книжечка Сульдайкина «Бессмертная рота из Красной Зорьки».

Собирая информацию о земляках, Николай Федорович выяснил, что в Красную Зорьку инвалидами с войны вернулись 11 человек. Десятки были ранены. Двое не прожили и месяца после возвращения. Три жителя деревни награждены орденами Красной Звезды. Шестеро – орденами Славы 3-й сте-

пени. Двое удостоены орденов Отечественной войны 2-й степени. 11 человек получили медали «За отвагу», причем двое награждены ею дважды. 12 уроженцев Красной Зорьки отмечены медалями «За боевые заслуги». 20 были удостоены медалями «За победу над Германией», более десяти – медалями «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За оборону Стalingрада», «За освобождение Праги», «За взятие Будапешта», «За освобождение Варшавы», «За освобождение Кёнигсберга», «За взятие Берлина». Шестеро – медалями «За победу над Японией». Это, а также то, что шесть односельчан служили офицерами и командовали на войне ротами и взводами, но лишь один из них вернулся домой, жители деревни узнали только благодаря Сульдайкину. Через страшное испытание – плен – прошли 12 жителей деревни. Двое в плену погибли. А еще жил в Красной Зорьке Иван Антонович, слыл он большим специалистом по работе с маховыми пилами. Но когда мужики садились подымить козьими ножками и заговаривали о войне, то его прогоняли. Иван Антонович до 1943 года в лесу прятался, дезертиром был. Но Николай Федорович выяснил, что когда его поймали и отправили на фронт, то он подвигами загладил свое прошлое. С войны вернулся с двумя медалями «За отвагу». Когда Николай Федорович рассказал об этом его внукам и показал им архивные документы, они были очень благодарны Сульдайкину: «Теперь мы знаем, что он вину искупил. Спасибо!» А ведь раньше, когда речь о деде заходила, им глаза прятать приходилось...

Нынешним летом Николай Федорович получил звание почетного гражданина Кочкуровского района. Казалось бы, все, что мог, он сделал ради сохранения памяти о своих воевавших земляках. А вот он так почему-то не думает. Не считает, что сделал достаточно. Что наш общий долг перед ними выплачен... ●

САМЫЙ ЮЖНЫЙ, САМЫЙ ДРЕВНИЙ

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

ПРИ ВЪЕЗДЕ В ДЕРБЕНТ ИСПЫТЫВАЕШЬ СТРАННОЕ ВОЛНЕНИЕ. ОЧЕНЬ БОИШЬСЯ РАЗОЧАРОВАНИЯ. ОБ ЭТОМ МОРСКОМ ГОРОДЕ СТОЛЬКО РАЗГОВОРОВ! ОН УДОСТАИВАЕТСЯ СТОЛЬКИХ ЭПИТЕТОВ! САМЫЙ ДРЕВНИЙ ГОРОД В РОССИИ. О НЕМ ПИСАЛ ЕЩЕ ГЕРОДОТ. А ЧТО, ЕСЛИ ЕГО ПРЕВРАТИЛИ В ПОШЛЫЙ ТУРИСТИЧЕСКИЙ АТТРАКЦИОН? ИЛИ В БАНАЛЬНЫЙ МОРСКОЙ КУРОРТ – КАК-НИКАК ЭТО НЕ ТОЛЬКО САМЫЙ ДРЕВНИЙ, НО И САМЫЙ ЮЖНЫЙ ГОРОД В НАШЕЙ СТРАНЕ, МОРЕ ТУТ ДОЛЖНО БЫТЬ ТЕПЛЫМ И ЛАСКОВЫМ.

Вид на западные ворота цитадели Нарын-кала.
Х век

Д

ЕРБЕНТ, ОДНАКО, быстро рассеивает все опасения встревоженного путешественника. Здесь понимаешь: история города не в камне, не в музеях, не в преданиях и легендах, она разлита в воздухе.

ВЕКА И КАМНИ

Впрочем, о камне стоит тоже замолвить слово. Ведь именно он делает атмосферу города такой неповторимой. Причем с первых минут. Сразу за вокзалом город расплетается маленькими узкими улочками, на какой из них вы ни окажетесь, вас окружат невысокие желтые дома, очень похожие один на другой. Если вы специально не готовились, вы не сможете определить их возраст: то ли им двадцать лет, то ли двести, а может быть, чем черт не шутит, – 2 тысячи. Везде веет стариной. Это магия дербентского камня. Почти все в Дербенте построено из добываемого только здесь натурального ракушечника. Камень этот отличается сразу несколькими замечательными свойствами. Во-первых, он удивительно прочен: построенные из него здания действительно могут простоять не одно тысячелетие. Во-вторых, он очень красив: пористый, с уникальным природным рисунком, теплого желтоватого цвета, он даже самой простой постройке придает благородные черты.

В-третьих, в нем нет недостатка, и это естественным образом делает городское пространство невероятно гармоничным. Особенно после Махачкалы. Если столица Дагестана город хаотичный, пестрый, криклиwyй, стремительный, город, где все смешано со всем, то Дербент тих и преисполнен достоинства.

И в этой тишине, в этой охристой, золотистой и светло-розовой палитре город по-настоящему похож на те восточные города, о которых мы читали в арабских сказках. Это словно город-фантазия, чья-то вылепленная из песка мечта. Только это не мираж, явившийся вдруг в знойной пустыне, в Дербенте кипит жизнь. Только что шли по пустой из-за жары улице – и вдруг откуда ни возьмись под навесами, перекинутыми между домами, образовался базар, где вместе с арбузами, дынями и персиками идет бойкая торговля медными кувшинами и коврами. Или забрели вроде бы в тихий дворик, а он развернулся в огромную площадь с фонтанами, качелями, электрокарами, уличными музыкантами. Или уже стемнело, и город, и без того тягуче-сонный, погрузившись во тьму, опустел, но вот вы прошли еще буквально 50 метров и вдруг – огни, шум. Это вы оказались на оживленном пешеходном проспекте, где вокруг кафе, рестораны, беседки.

Такова и история Дербента. Она так же, как архитектура, выдержанная в одной цветовой гамме, представляется монолитной, внушительной, но стоит лишь чуть-чуть углубиться, биография города поражает противоречиями и сюрпризами. Да вот взять хотя бы возраст. Повсюду, в том числе на стенах дербентских строений, можно прочитать, что Дербенту 5 тысяч лет, однако, в 2015 году отпраздновали все же 2000-летие. И до сих пор идут споры, какую же дату основания города считать верной и стоит ли демонтировать надписи о более древней датировке.

Впрочем, пока исследователи сошлись на том, что 5 тысяч лет прошло со времени возникновения первого поселения в этих местах, однако оно не было стабильным и не разрасталось в заметный центр какой-либо цивилизации. Если же говорить об упоминании Дербента в исторических источниках, то первое из них, довольно неопределенное, относится к VI веку до н.э. Затем, через столетие, небольшое описание «дербентских ворот» дал Геродот. Вскоре упоминание закрытого прохода и крепости на Каспии стало мелькать в исторической хронике гораздо чаще. Дербент благодаря своему выгодному географическому положению на пересечении важных торговых путей не раз становил

ся эпицентром сражений сначала античных, а потом и средневековых завоевателей.

Стройно описать всю эту военную хронику былых веков неспециалисту не представляется возможным, настолько эта история насыщенная и запутанная. Римляне, персы, албанцы, гуны – кого тут только не носило! Крепость разрушалась и вновь отстраивалась. В VII веке страсти не то чтобы поутихли, но появился какой-то, что ли, внятный контур: в городе прочно обосновались арабы, началась усиленная исламизация региона. В VIII веке в Дербенте была построена Джума-мечеть. Она и сейчас стоит в Старом городе, хотя ее, как и крепость, много раз перестраивали и реставировали. Когда в середине IX века в Арабском халифате, под властью которого находился Дербент, вспыхнули мятежи, местные жители объявили о независимости, провозгласив эмиром Хашима ибн Сурака. Он же стал основателем династии Хашимидов – правителей Дербентского эмирата. Около двух столетий свободные дербентцы как-то отбивались то от хазар, то от сельджуков. Потом последние взяли верх, но ненадолго. Вскоре пришли монголы – установилась власть Золотой Орды. В конце XIV века Дербент ожесточенно делили между собой бывшие союзники – Тохтамыш и Тамерлан. Последствия борьбы привели к разорению города, этот упадок зафиксировал в своих записках купец Афанасий Никитин, проезжавший вдоль Каспия. Стоило только Дербенту немного окрепнуть, как за него вновь развернулась ожесточенная битва – на этот раз между персидскими и турецкими властителями. И первые преуспели. В XVII веке дербентская история все теснее стала сплетаться с российской. В 1668 году крепость на Каспии взял штурмом Степан Разин. А в 1722 году известный Персидский поход совершил Петр I. И эта история куда как интереснее всех остальных перипетий многострадального Дербента.

ФРЕД ГРИНБЕРГ/РИА НОВОСТИ

Полуразрушенные стены крепости Нарын-кала

Сдача Дербента. Наиб города подносит ключи от города Петру I 23 августа 1722 года. Рисунок XIX века

БЕЛЫЙ ПАДИШАХ

Петр I – личность в Дербенте, да и во всем Дагестане, глубоко почитаемая. И в столице республики, и в ее самом южном городе русскому императору установлены памятники. В Национальном музее Дагестана Петру Великому посвящен отдельный зал, в Дербенте открыт для посещения культурно-исторический комплекс на месте бывшей землянки Петра I, в которой он провел несколько ночей во время своего похода. К Каспийскому морю Петр Алексеевич отправился после победы в Северной войне. В его планах было развитие активной торговли с восточными странами, Дер-

бент все еще, как и много столетий назад, оставался важной остановкой на пути купеческих караванов. К городу-крепости русская флотилия прибыла 15 августа 1722 года, через неделю армия заняла весь город. Обошлось без боев. Дербентцы во главе с наибом Имамом Кули-беком встречали русского царя или, как его называли здесь, белого падишаха с воодушевлением. Жители города к тому времени порядком устали как от иранских и турецких притеснений, так и от раздоров между ближайшими соседями. Русский император благодаря своим достижениям и распространившейся славе о них виделся местному люду правителем, который не просто коллекционирует земли, но и умеет ими распоряжаться всем на благо. Другим важным аргументом стало то, что сопротивление было попросту невозможно. Ресурсов для отпора у дербентских властей не было, а пример неудачной атаки на Русскую армию со стороны кумыков и чеченцев подсказывал, что лучше договориться миром.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ВАЛЕРИЙ ШУСТОВ/РИА НОВОСТИ

В общем, приняли Петра I со всеми почестями. Имам Кулибек, торжественно вручив гостю ключи от города, предложил ему и свой дом. Известный своей непрятательностью в быту император заверил принимающую сторону, что не хотел бы доставлять излишних неудобств хозяевам, и квартировать остался в землянке у моря. Может, опасался восточного коварства. Зато от обзора крепости Нарын-кала он, конечно же, отказался не стал – цитадель переходила под управление русских военачальников и требовала отдельного изучения. С интересом осмотрел царь-реформатор и жилую часть города. Особое внимание уделил он историческим памятникам, дав поручение князю Дмитрию Кантемиру, географу Иоганну Герберу и астраханскому губернатору Леонтию Соймонову описать как следует все достопримечательности и положить начало научному изучению истории и культуры Дербента. Город было приказано не только изучать, но и всячески bla-

гоустраивать. Петр I распорядился построить здесь гавань, лазареты, склады, купеческие фактории, развить виноградарство и шелкопрядство, обеспечить безопасность всем жителям города, какого бы роду-племени они ни были, и приезжающим в него торговцам и ремесленникам. Оставив такой наказ и часть армии для поддержания порядка, а также обрив полностью голову «от великих жаров», император двинулся дальше – в Баку. Вот только в пути флотилию настигла буря, потерпели крушение суда с провиантом, а также начался падеж лошадей. Было решено повернуть назад.

Цитадель Нарын-кала. Водохранилище XVII века использовалось для нужд хана и его семьи

В.Ф. Тимм.
Землянка
Петра Великого
в Дербенте.
1722 год.
Литография
1851 года

Вторая персидская кампания случилась уже весной 1723 года. Петр Алексеевич управлял ею дистанционно, но не безуспешно. Уже в сентябре с Персией был заключен мир, и согласно мирному договору Дербент и Баку отошли России. Удержать эти захваченные, однако, не получилось. После смерти императора страну, как известно, захлестнули дворцовые перевороты – не до Кавказа было. В 1735 году русские войска покинули территорию Дагестана, где вновь обострилась междоусобица среди отдельных ханств. Усмирять этот раздор опять принял Иран. Следующее недолгое сближение России с Дербентом произошло в 1796 году. Причем развернулось оно практически по петровским лекалам. Крепость была быстро занята Русской армией, правда, на этот раз все же после штурма. В городе восстановилось спокойствие, наметилось какое-то развитие территории, но снова в империи поменялась власть, взошедший на престол Павел I отозвал войска из Дагестана.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

В ЛАВИНЕ СТРАСТЕЙ

Новая страница российской истории Дербента открылась в 1813 году. Вопрос налаживания отношений и установления порядка в регионе вновь стал актуальным после присоединения к России сначала Картли-Кахетинского царства, попросившего защиты от иранских набегов еще у Екатерины II, а позже Мегрелии и Имеретии. Для обеспечения безопасности новых территорий и их дальнейшего развития нужно было вновь установить контроль на Каспий. Разразилась девяностолетняя Русско-персидская война. Несмотря на то, что Россия в это время вела также войну с Францией, Турцией, Швецией и Англией, очередная восточная кампания оказалась удачной. В 1813 году с Персией был подписан мирный договор, по которому за Россией признавались земли Дагестана, раздробленной Грузии, Восточной Армении, большей части современного Азербайджана. И главное – Россия получила право держать военный флот на Каспийском море.

Дербент, как морской и торговый город, от этого вновь только выиграл. С 20-х годов XIX века Дербент активно застраивался: появлялись русские храмы, армянская церковь, новые мечети, повсюду открывались новые торговые лавки, ремесленные мастерские, больницы, бани. Скоро в Старом городе, огороженном двумя опускающимися к самому морю крепостными стенами, уже попросту не осталось места. К тому же новый план города, разработанный генералом Ермоловым, предполагал расширение улиц и площадей, сохранение ханского сада и появление новых зеленых парков. Все это было, конечно, трудно реализовать в тесном азиатском городе. Кривые улочки расходились от центра крепости, повинуясь рельефу, оплетая серпантинами пологий спуск к морю. Потому город стал разрастаться вширь, обрасти

ИВАН ДЕНИСЕНКО/РУССКАЯ НОВОСТИ

Ханский
мавзолей
в цитадели
Нарын-кала

Александр
Александрович
Бестужев-
Марлинский.
Акварель
Н.А. Бестужева.
1839 год

предместьями. В старом же центре появились только две по-настоящему широкие прямые улицы – Ермоловская и Базарная. С высшей точки крепости и сейчас можно видеть, как они крест-накрест рассекают хаотичное нагромождение жмуущихся одна к другой красно-зеленых крыш, иногда вспыхивающее минаретами или крестами церквей. Впрочем, хотя топографическая история Дербента и любопытна, но куда любопытнее, какая в изменяющемся пространстве города протекала

жизнь. А она кипела. В многонациональном и мультикультурном городе не могло быть иначе. Жизнь эта, однако, по-прежнему нуждалась в защите. Вокруг было неспокойно. Если дербентцы были лояльны к русскому царю, вполне понимая выгоду мирной жизни, то аварцы, кумыки, чеченцы, ингуши, жившие выше в горах, не хотели мириться с новым подданством. А если мирились порой, то потому, что между собой не могли договориться. Большого русского медведя, случалось, погружали в битвы кланов, привлекая, по сути, для кровной мести. Даже и непонятно, что было хуже: открытое сопротивление или внезапные бунты, вспыхивающие из-за интриг местных князей. Интриги эти вполне живописно описаны, как мы знаем, Львом Толстым в повести «Хаджи-Мурат». Но еще раньше вулкан кавказских страстей описал Александр Бестужев-Марлинский. А наблюдал он их непосредственно из Дербента. Как поэт и писатель оказался на Кавказе? Отправили в ссылку. Александра Бестужева, как и его брата Михаила, должны были казнить за участие в декабристском восстании. Казнь, однако, заменили двадцатилетней каторгой в Сибири. А уже из Сибири литератора отпра-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

вили на Кавказ простым рядовым. Здесь, в перерывах между сражениями, он писал романтические повести в байроническом духе. Пожалуй, самым известным его произведением стала повесть-быль «Аммалат-бек» о трагической любви тарковского шамхала и дочери аварского хана Султан-Ахмета. Тут переплелось все, конфликт между долгом и чувством проявился в предательстве и привел к ужасной развязке.

Позже за эту историю ухватился и путешествующий по Кавказу Александр Дюма. При подъезде к Дербенту сопровождающий француза князь Иван Багратион (племянник знаменитого полководца Петра Багратиона. – Прим. ред.) указал на могилу возлюбленной Аммалат-бека и пересказал эту

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

невероятную историю, запечатленную декабристом Бестужевым. Дюма воскликнул, что и сам хотел бы написать об этом книгу. А когда князь усомнился в том, что парижских читателей заинтересует любовь аварской ханши и татарского бека, писатель объяснил, что сердце везде сердце. «Да, но страсти проявляются разно», – уточнил

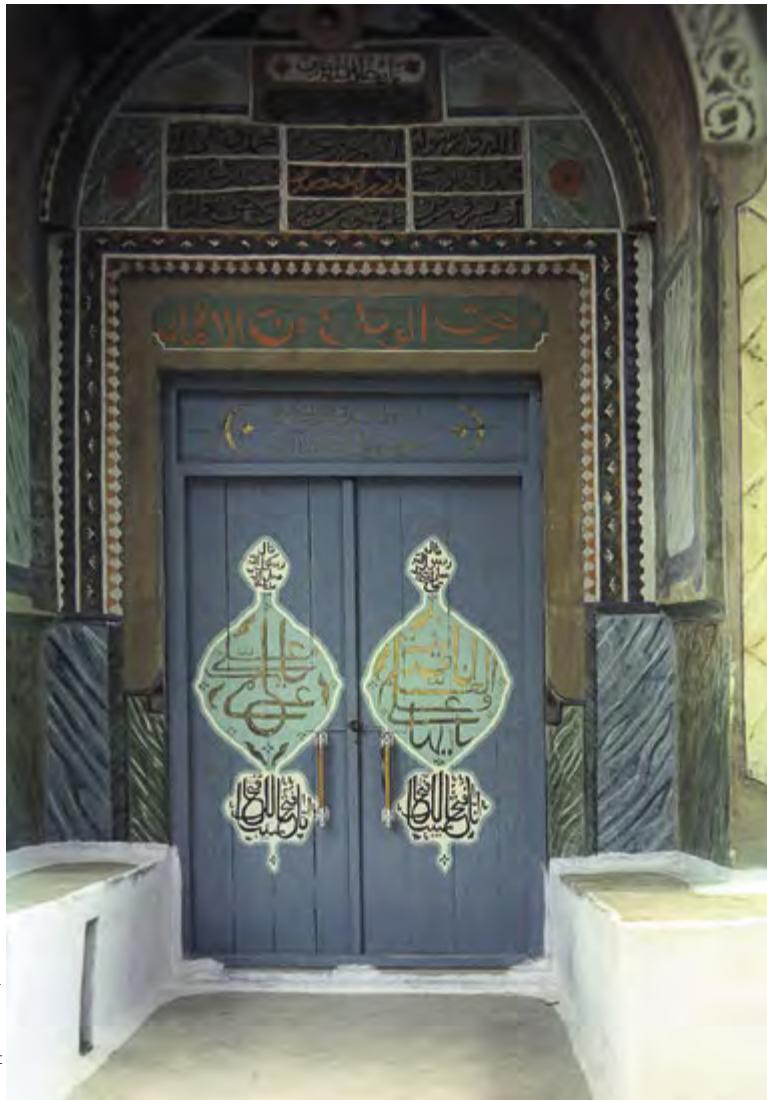
Аммалат-бек, стреляющий в Верховского. Иллюстрация к повести А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек». Из юнкерской тетради М.Ю. Лермонтова. 1832–1834 годы

Багратион. – Аммалат-бек – любовник Селтанеты, – убивший полковника Верховского, который спас его от виселицы, вырвавший труп Верховского из земли, чтобы отрубить голову, и принесший эту голову Ахмет-Хану, своему тестю, который лишь за такую цену отдал ему руку дочери – вряд ли все это будет понято граfinями Сен-Жерменского предместья, банкирами Монбланской улицы и княгинями улицы Бреда». Дюма ответил, что это будет как минимум ново.

Впрочем, еще больше парижского путешественника захватила личная драма самого Бестужева-Марлинского. Он посвятил ей несколько глав в своей книге о Кавказе. История и правда печальная.

В Дербенте Александр Бестужев влюбился в молодую белошвейку Ольгу Нестерцову. Девушка отвечала взаимностью. Счастливая история оборвалась выстрелом. И выстрел этот раздался за закрытыми дверями, когда Ольга была в гостях у поэта. Версии случившегося были разные. По одной из них, всему виной ревность. Якобы девушку скомпрометировали гарнизонные товарищи литератора и он не справился с чувствами. По другой – Бестужев хотел убить себя, а возлюбленная пыталась вырвать из его рук оружие. Как бы то ни было, все подозрения от писателя отвела сама Нестерцова: умирая, она смогла уверить священника, что произошедшее – роковая случайность. Александр Бестужев пережил Ольгу на четыре года, в 1837-м он погиб в одном из сражений с горцами...

Сегодня в Дербенте работает Музей Бестужева-Марлинского – это дом, где писатель прожил четыре года. Помимо предметов быта здесь экспонируется надгробная плита с могилы Ольги Нестерцовой. Хотя это и довольно странно – все же для иных предметов привязка к месту и времени в нашем сознании остается довольно определенной.

Вход в дербентскую Джума-мечеть. Самая древняя мечеть на Кавказе. Построена в 733–734 годах арабским полководцем Масламой ибн Абд-ал-Маликом (Абу-Муслимом), завоевавшим Дербент

ЭДУАРД ГЕСОВ/РИА НОВОСТИ

ДРЕВНОСТЬ ИСХОДИТ ИЗ НАСТОЯЩЕГО

Но мы забежали вперед вместе со стремительным и неутомимым Александром Дюма. Итак, он прибыл в Дербент в 1858 году. И это уже следующая глава из биографии города. И глава весьма увлекательная. Дербент конца 50-х годов XIX века – это уже не тот объятый любовными и политическими страстями город. Это снова котел, в котором разность всех элементов органично соединилась, хотя ничто себя не потеряло. Здесь, в этом месте наслаждения культур и цивилизаций, снова можно было жить простой земной жизнью.

Вот как описал свои впечатления знаменитый француз: «Это был поистине пограничный город, выстроенный между Европой и Азией, одновременно полуевропейский и полуазиатский. В верхней его части находятся мечети, базары, дома с плоскими кровлями, крутые лестницы, ведущие в крепость. Внизу же

Вид на Дербент

располагались дома с зелеными кровлями, казармы, дрожки, телеги. Толпа на улицах представляла смесь персидских, татарских, черкесских, армянских, грузинских костюмов. И посреди всего этого ленивая, отрешенная от всех, ледяная, белая, как привидение в саване, армянка под длинным покрывалом, словно древняя весталка. И как же это было восхитительно!»

Можно заметить, что Дербент и сейчас таков. И, наверное, он таков всегда в спокойные времена, когда вокруг него не бушуют бури, неизбежные, впрочем, при его положении. Дербент и сегодня многолик, многонационален, многоголос, но все это странным образом приглушается какой-то сонной неторопливостью, умиротворенностью, странной гармонией.

Но вернемся к Дюма. Город он описывал не только поэтически, восхищаясь «весталками» и «древним морем Иркании», но и с присущей ему ironией, фиксируя разные забавные случаи. Вот один из них. Когда Дюма и Багратион находились в мечети, их вдруг окружили двадцать человек. Оказалось, это почитатели таланта писателя. Правда, большинство из них ознакомились с произведениями француза непосредственно перед его приездом и в кратком устном пересказе. Этого оказалось достаточно, чтобы прийти к зна-

Александр Дюма
в кавказском
национальном
костюме

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ИВАНДЕНИСЕНКО/РИА НОВОСТИ

менитому путешественнику и выразить благодарность от всего дербентского населения. Дюма был в замешательстве. Чем ответить на такое пышное приветствие? Багратион подсказал пригласить главного оратора на обед. А дальше развернулся удивительный диалог.

«— Куда же мне пригласить его на обед? В парижскую кофейню?

— Нет, в свой дом.

— Но я не у себя дома, я в доме генерала Асеева, дербентского губернатора.

— Нет. Вы у себя дома. Слушайте и не забывайте того, что я скажу: знайте, всюду на Кавказе вы можете войти в любой дом

и сказать: «Я иностранец и прошу гостеприимства». Тот, кого вы осчастливите, уступит вам свой дом, а сам со всем семейством удалится в самую маленькую из комнат. Он будет заботиться не престанно, чтоб у вас ни в чем не было недостатка. И когда через неделю, две недели, через месяц, вы будете покидать его дом, хозяин станет у порога и скажет: «Продлите еще хотя бы на день оказанную мне честь, поезжайте завтра».

Главы Дюма о Дербенте почти полностью состоят из описания таких эпизодов и ироничных пересказов древних легенд. А как же почтение к истинной древ-

Развалины ханского дворца в цитадели Нарын-кала. Построен в 1768 году феодальным владельцем Восточного Кавказа Фатали-ханом

ности, серьезное и внимательное отношение к свидетельствам былых времен? Но что, если понастоящему великую историю может обеспечить себе только город, полно и ярко живущий настоящим? Собственно, история – это и есть растянутое во времени настоящее. И, кажется, люди, цепляющиеся за те самые камни (да, мы опять вернулись к камням) – аутентичные, обтесанные строителями, жившими 2 тысячи лет назад, – люди, которых разочаровывает любая реконструкция, потому что все становится сразу «уже не тем», эти люди, кажется, упускают что-то важное. Саму жизнь. Жизнь, которая на самом деле только и имеет смысл. Дюма этот смысл и пытается ухватить. И если он выражает скепсис по поводу возраста крепостных стен Дербента (кстати, вслед за Бестужевым, писавшим, что «достоверного про Кавказскую стену можно сказать одно: она существовала»), то лишь потому, что понимает: камень – ничего, самые впечатляющие творения из него, даже «призванные презирать века», могут быть разрушены сотни раз. Истинное величие не в камне, а в человеке, творящем историю, вновь и вновь восстанавливая руины.

Крепость Нарын-кала сегодня вновь сверкает после реконструкции. И внутри нее – жизнь. С развалинами древних ханских бань, со средневековыми водонапорными сооружениями соседствуют легкие кафе, павильоны с выставками современных художников. Жизнь кипит и снаружи. Вдоль северной стены по обе стороны раскинулись два современных парка с велодорожками, мультимедийным фонтаном, детскими площадками. Еще дальше – городской пляж. Тоже со всей современной инфраструктурой. Исторический город пытается все же пробовать себя и в роли курорта. И это прекрасно. Это вызывает человеческий интерес. А он всему продлевает жизнь. Что же до вечности, так за нее отвечает тут все то же, что и раньше: море, горы, солнце и сама земля.

Реставрация бани в крепости Нарын-кала. Это подземные сооружения сводчато-купольной конструкции XVII века с несколькими помещениями для холодного и горячего отделений и раздевания, с резервуарами для холодной и горячей воды

ИВАН ДА МАРЬЯ: ЖИЗНЬ В ТАНЦЕ

ТАТЬЯНА ПРОХОРОВА

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ЛЮБИ ПОКОРНЫ ВСЕ ВОЗРАСТЫ, А ТАНЦУ – ЛЮБЫЕ СОСТОЯНИЯ. ТАНЦОВЩИЦА МАРИЯ НОВОСЕЛЬЦЕВА ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД ОРГАНИЗОВАЛА В ЧЕРЕПОВЦЕ КОЛЛЕКТИВ «СТУПЕНИ» ДЛЯ ЛЮДЕЙ НА КОЛЯСКАХ И ТАНЦОРОВ БЕЗ ИНВАЛИДНОСТИ, КОТОРЫХ В АНСАМБЛЕ НАЗЫВАЮТ «ХОДЯЧИМИ». КОЛЛЕКТИВ СОЗДАВАЛСЯ КАК РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ, А СТАЛ САМОБЫТНЫМ ТВОРЧЕСКИМ ЯВЛЕНИЕМ С ПРЕМЬЕРАМИ, НАГРАДАМИ И ГАСТРОЛЯМИ ПО РОССИИ И МИРУ.

В «СТУПЕНЯХ» МАРИЯ НАШЛА СВОЮ ЛЮБОВЬ. ЕЕ БУДУЩИЙ МУЖ, ИВАН, ОКАЗАЛСЯ В КОЛЛЕКТИВЕ ПОСЛЕ ТЯЖЕЛОЙ ТРАВМЫ ПОЗВОНОЧНИКА – НЕУДАЧНО НЫРНУЛ. СЕЙЧАС ОН РАЗВИВАЕТСЯ ОДНОВРЕМЕННО В СПОРТИВНЫХ ТАНЦАХ (НЕДАВНО ВЫПОЛНИЛ НОРМАТИВ МАСТЕРА СПОРТА РОССИИ) И В ТВОРЧЕСТВЕ, ПЕРЕМЕЩАЯСЬ С ТЕАТРАЛЬНЫХ РЕПЕТИЦИЙ НА ТРЕНИРОВКИ. АКТИВИСТКА-ОРГАНИЗАТОР МАРИЯ И СПОРТСМЕН-АРТИСТ ИВАН ЗА ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ СУМЕЛИ ИЗМЕНИТЬ ЖИЗНЬ К ЛУЧШЕМУ ДЛЯ ДЕСЯТКОВ ИНВАЛИДОВ-КОЛЯСОЧНИКОВ ЧЕРЕПОВЦА. ТЕПЕРЬ ЭТИ ЛЮДИ НЕ СИДЯТ ДОМА, А ТАНЦУЮТ, ПУТЕШЕСТВУЮТ, РАБОТАЮТ И ГОТОВЯТ ГРАНТОВЫЕ ПРОЕКТЫ ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ЖИЗНИ ТАКИХ ЖЕ, КАК ОНИ.

ЛЮБОВЬ БЕЗ ГРАНИЦ

Несчастный случай произошел с Иваном Новосельцевым в 16 лет: он неудачно сгруппировался при прыжке в воду и сломал шею. До травмы его жизнь была связана со спортом. Чего он только не перепробовал! Катался на лыжах, гонял на велосипеде, даже фигурным катанием занимался. А главное, всегда был подвижным, рвался соревноваться. Видный парень, рослый и сильный, с тонким чувством юмора и неугасимым оптимизмом.

Именно юмор и оптимизм, по признанию самого Ивана, помогли ему после травмы принять страшную новость о том, что ходить он больше не будет. Участие в коллективе «Ступени», в котором совмещаются творчество и спорт, помогло справиться с жизненными неурядицами, найти занятие по душе и любимую супругу. Мария также является и тренером своего мужа.

Первая встреча с будущей женой решила судьбу Ивана. Он вспоминает, что они познакомились во время праздника бега «Кросс нации». Мария сама подошла к Ивану и, перекрикивая громкую музыку, предложила: «Будешь танцевать?» А ведь танцы в тот момент были последним, о чем он помышлял. Девушка объяснила: мол, создается совместный коллектив людей на колясках и танцующих «ходячих» ребят. И с таким жаром его убеждала, что Иван не смог отказатьсь. «Маша заразила меня своей энергией и верой в лучшее», – вспоминает он. А Иван приглянулся Марии оптимизмом, остроумием и легкостью на подъем.

Через несколько лет они поженились. Сейчас их 10-летняя дочь Вероника не пропускает репетиций, она всегда готова прийти на помощь родителям и разросшемуся коллективу, полный состав которого уже не помещается на сцене.

Можно сказать, с Ивана и начались «Ступени». Набрали первый состав. Со временем хореография постановок, поначалу напоминавших шествие под музыку, усложнялась. Вслед за от-

дельными номерами появились концертные программы и костюмированные спектакли. Спустя годы Иван решил попробовать себя в спортивных танцах. При поддержке супруги он быстро добился успеха. Главным его достижением стало получение звания мастера спорта России среди лиц с поражением опорно-двигательного аппарата. Норматив Иван выполнил за три чемпионата страны и несколько крупных соревнований. Спортивными бальными танцами он занимается три года, а танцами на коляске – с 2010-го. Череповчанин признается, что в большей степени ощущает себя артистом, нежели спортсменом.

«Для меня нет особенной разницы между спортом и творчеством, – рассказывает Иван. – Но подход, конечно, различается. Творчество – для настроения, а бальные танцы – это спорт». И тому, и другому увлечению он отдается целиком, тренируется трижды в неделю по два часа, а в остальное время старается много двигаться. «Нужно упорно заниматься, чтобы уметь больше, – объясняет Иван. – Что мне дают танцы? Не знаю, как насчет настоящей самореализации, но что-то в этом смысле определенно есть».

Мария рассказывает, что муж, как говорится, долго запрягает, но лихо едет. Чувство ответственности заставляет его рабо-

ИЗ АРХИВА АНСАМБЛЯ «СТУПЕНИ»

тать через не могу и добиваться впечатляющих результатов. В том числе и в быту. Супруги с горящими глазами рассказывают, как впервые отправились в Санкт-Петербург с маленькой дочкой. Как выбирали самолет со специальным креслом, гостилину, в которую можно въехать на коляске, и соответствующий транспорт для путешествий по городу. Как просили у друзей различные специальные приспособления для передвижения в непривычных условиях. Все получилось, по их мнению, путешествие прошло прекрасно.

Иван Новосельцев и его жена-хореограф Мария (в центре) проявляют себя в творчестве и спорте

Уникальность коллектива «Ступени» в совместных постановках артистов на колясках и на ногах

Иван и Мария объездили со «Ступенями» половину России и Европы, постановкам череповецкого коллектива рукоплескали Москва, Лондон, Братислава. «Мы только-только «засветились» на международном уровне, в Лондоне было столько интересных предложений, казалось, можно будет увидеть весь мир, а тут разразилась пандемия, – с легкой грустью вздыхает Мария. – Зато вся Россия сейчас открылась перед нами. Зовут, приглашают, просят. Востребованность коллектива очень большая».

«ВСЕ ВОЗМОЖНО. ГЛАВНОЕ – ЗАХОТЕТЬ»

За тридцать лет «Ступени» поставили семь спектаклей и более 25 концертных программ. Сейчас в коллективе занимаются 20 человек с инвалидностью в возрасте от 8 до 55 лет и примерно столько же «ходячих» танцовщиков.

«Мы стараемся ставить динамичные танцы, чтобы молодежи было интересно у нас, они сами предлагают танцы поживее, – говорит Мария. – Хип-хоп, народные, индийские, корейские танцы – самые разные. Стараемся, чтобы наши программы были разноплановыми, так легче привлечь публику. Она у нас привередливая, приходится держать планку. К счастью, сейчас уже не нужно бегать с билетами и предлагать их, зрители сами приходят на наши выступления».

Коллектив задумывался для того, чтобы дать возможность молодым людям с инвалидностью разнообразить свой досуг: отвлечься, пообщаться, найти друзей. А получилось добиться творческого признания, собирать полные залы и раскрепостить подопечных.

«А мне было интересно попробовать себя в качестве режиссера, – вспоминает Мария. – Я сама танцевала, но я не хореограф, я по специальности педагог начальных классов. Когда набирали первый состав, кого-то пришлось уговаривать, убеждать. А спустя годы, когда мы стали давать концерты и вышли на хороший уровень, пошел прирост желающих

АНАСТАСИЯ ТАЦЕВА

ПАВЕЛ ЧУЕНОВ

танцевать. Занятия очень меняют ребят, многие начинают свободнее общаться, находят новые интересы, становятся более самостоятельными в быту, трудоустраиваются и в конце концов помогают нам в социальных проектах – проводят мастер-классы и так далее. Когда тебе аплодировал зал, не очень хочется, вернувшись домой, снова становиться маменькиным сынком».

Могут ли танцы повлиять на жизнь города? Мария Новосельцева убеждена, что могут, во всяком случае, они способны изменить отношение жителей к людям с инвалидностью. У «Ступеней» это получилось. «Еще лет пять назад на улицах города встречалось гораздо меньше колясочников, теперь ситуация изменилась, в этом есть и наша заслуга. Мы в коллективе выходим на улицу в основном группой – так не страшно. А сейчас наши ребята спокойно выезжают на прогулки, посещают магазины. Появилась миссия: показать людям, что все возможно, главное – захотеть, – говорит Мария. – Например, можно танцевать на коляске на профессиональном уровне. Когда мы поняли, что можем дарить не только радость творчества, то начали работу по повышению толерантности к инвалидам среди школьников и вообще горожан. Изменения есть. Меняются родители, которые приводят к нам своих детей – а это иногда дядечки 30 лет и старше, которые, стес-

За тринадцать лет коллектив объездил с постановками всю Россию и пол-Европы

няясь, стоят в уголочке. А спустя время этому же дядечке аплодирует зал, дарят ему цветы. Радуются и родители, они испытывают гордость за своего ребенка». Словосочетание «реинтеграция в социум» многим даже произнести трудно. Добиться реальной реинтеграции – не на словах, а на деле – еще сложнее. Травма или болезнь, делающие человека инвалидом, вырывают его из обычной жизни. И с этим не все могут справиться.

«С родителями детей, которые находятся в колясках с рождения, мы проводим другую работу, – рассказывает Мария. – Мы их учим немного отойти от ребенка, дать детям возможность почувствовать себя самостоятельными, самим принимать решения и нести ответственность за разучивание партии и подготовку к концерту. А детям – пы-

таемся помочь повзросльеть, не быть зависимыми от родителей». Безбарьерная среда распространяется все шире по стране, все меньше становится общественных учреждений, не оборудованных пандусами. Но сложности все равно остаются. По словам Марии, колясочникам до сих пор непросто в старых домах с тесной лестничной клеткой, им трудно попасть на медицинский прием, зайти в магазин одежды и примерить ее в кабинке для переодевания. Да даже в парикмахерской или салоне красоты им трудно. «В Интеграционном центре, который нам передали, мы стараемся создать мир, который будет открыт для всех, там можно будет постричься и вымыть голову в специальной раковине, – говорит Мария. – Сейчас делаем адаптированную кухню и многое-многое другое».

Сейчас «Ступени» работают над программой «Вместе», тема которой – объединение

АНАСТАСИЯ ТАЦЕВА

«МЫ – СЕМЬЯ»

Кристина Абрамова – одна из немногих в коллективе «Ступени», кто, оттанцевав свою партию на коляске, может встать с нее. Ранее у девушки были проблемы со спиной и она передвигалась только на коляске, но потом снова смогла ходить. А привычка и любовь к танцам на коляске остались. «Танцами я занимаюсь давно, это второй коллектив, в который я перешла, – рассказывает она. – До этого видела «Ступени» на сцене, мне очень понравилось, а потом и саму сюда позвали. Люблю все тан-

цы – и динамичные, и плавные. В «Ступенях» очень здорово. И ребята здесь очень хорошие, с первой репетиции начали здороваться, интересоваться мной, старались подружиться. Здесь все очень открыты».

«Дружеская компания? Нет, мы – настоящая семья, – говорит, широко улыбаясь, участник первого состава «Ступеней» Денис Белов. – И помочь, и поддержать здесь всегда готовы. Мы и праздники вместе отмечаем, на базу отдыха и в деревню в гости вместе ездим».

Денис – крупный, рослый мужчина, дока в технике и компьютерах. Не случись с ним травмы, он вряд ли увлекся бы танцами. А сейчас признается, что выступления и репетиции занимают главное место в его жизни. «Когда я пришел в «Ступени», мне было 20 лет, это был первый год после травмы, – рассказывает Денис. – Ехал на мотоцикле, не справился с управлением, улетел в канаву. Это в деревне было, катался молодой, без прав. Я не один ехал, а с сестрой. И когда очнулся в реанимации, первым делом спросил: что с сестрой? Не мог себе даже представить, что с ней случится что-то подобное. К счастью, она не пострадала».

На первых порах справиться с новой жизнью помогли друзья и родные, которые не оставляли вниманием, звонили и приходили ежедневно. «Первые пару лет случалось, что настроение падало, мог впасть в депрессию, – вспоминает он. – Реакция друзей была мгновенная: если утром почувствовали, что я загрустил, вечером человек пять-шесть заваливались ко мне домой, и настроение резко улучшалось. В «Ступени» меня позвали для того, чтобы заниматься реабилитацией. Поначалу так и было, но постепенно танцы стали смыслом жизни, можно сказать. Реабилитация кончилась, начался творческий процесс, и я уже не мог без сцены. Наверное, это с первого концерта началось, когда родные и близкие увидели, поддержали и вдохновили. Из зрительного зала идут такие эмо-

АНАСТАСИЯ ПАШЕВА

ции... Ты отдаешь им себя, а получаешь еще больше взамен». Денис тринацать лет на сцене, выступал во многих больших залах в России и за рубежом, но волнение перед концертами и спектаклями не прошло до сих пор. «У меня плохо работает левая рука, и у меня до сих пор в голове мысли: что я делаю в коллективе, когда нужно махать двумя руками? – говорит он. – Стеснение до сих пор присутствует, но отдача из зала помогает на нем не зацикливаться. А сколько хороших слов в соцсетях пишут! Читаю и думаю, как же здорово, что я ко всему этому причастен. Бывает, люди и на улице улыбаются, кивают, а молодежь критчит: «Эй, «Ступени», привет, круто!» Помимо танцев Денис занимается фехтованием и собирает компьютеры на продажу. Пытается жить полной жизнью, а возникающие ограничения подстегивают к их преодолению. «Социализация? Я сразу не закрылся от жизни, – говорит он. – Но по ребятам, которые к нам приходят, вижу, как они меняются. И на какие чудеса способно простое человеческое общение».

Супруги Новосельцевы женаты более десяти лет, в семье растет дочь

НА КОЛЯСКЕ К ТАТУ-МАСТЕРУ

Даниил Акинфиев – самый стильный участник «Ступеней». Широкие плечи и накачанные руки, модная прическа с челкой на глаза, фигурная бородка и татуировка во всю руку со славянскими мотивами. «Мне 22 года, вчера исполнилось, – рассказывает он. – В коляске я с рождения. Накачанные руки? Наверное, это генетика, плюс я все делаю при помощи рук и плеч, вот они и развились, – пересесть с коляски на коляску, на кровать, в машину. И на тренажеры тоже хожу, чтобы поддерживать форму и быть в тонусе. Я еще занимаюсь спортивными бальными танцами, являюсь кандидатом в мастера спорта России».

Даниил легок и свободен в общении, красноречив и острогумен. Объясняет это занятиями в творческом коллективе, куда его привели в 5 лет. «Я много общуюсь, – рассказывает он. – Даже когда оказывался в больнице, мне и там удавалось найти друзей, я по жизни человек общительный, и проблем с замкнутостью никогда не было».

Готовность к коммуникации помогает Даниилу и в работе над собственным внешним видом. Он нашел парикмахерские, в которые можно попасть на коляске. А вот с татуировкой пришлось, что называется, «сесть на телефон». «Обзванивал тату-салоны города, спрашивал, кто из них может меня принять, – рассказывает он. – Нашел мастера, мы созвонились, обговорили условия, обсудили эскиз и набили татуировку. В жизни все возможно, главное – не бояться. Какие планы? Хочу получить мастера спорта, развивать наш коллектив, а также участвовать в работе нашего Интеграционного центра. Он совсем новый, и нужно вложить в него силы. Работы много, нужно успеть сделать все, что задумано».

БОРИСОГЛЕБ. МЕСТО СИЛЫ

АВТОР

МИХАИЛ ДРОЗДОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ТАМ СЕДАЯ ДРЕВНОСТЬ, ТАМ ТИХО, УЮТНО, ТАМ ЖИЗНЬ ТЕЧЕТ НЕ СПЕША. НО ВОТ ДОРОГУ ПОДРЕМОНТИРОВАЛИ, ПАМЯТНИКОВ НАСТАВИЛИ, ТЕПЕРЬ И СЮДА ВОЗЯТ ОРГАНИЗОВАННОГО ТУРИСТА. ТАК ЧТО ВРЕМЕНАМИ И ЗДЕСЬ БЫВАЕТ ОЖИВЛЕННО. А ПОТОМ СНОВА ТИШИНА...

ПО ЯРОСЛАВКЕ МЫ С друзьями едем именно туда, потому обезжаем и Сергиев Посад, и Переславль. Пока едем, я пытаюсь рассказать, что знаю о Борисоглебе и его обитателях – знаменитых и не очень. У меня еще и книга про Иринарха Борисоглебского с собой. Самый младший из нас время от времени тычет пальцем в смартфон, с удовольствием поправляет меня в данных и числах...

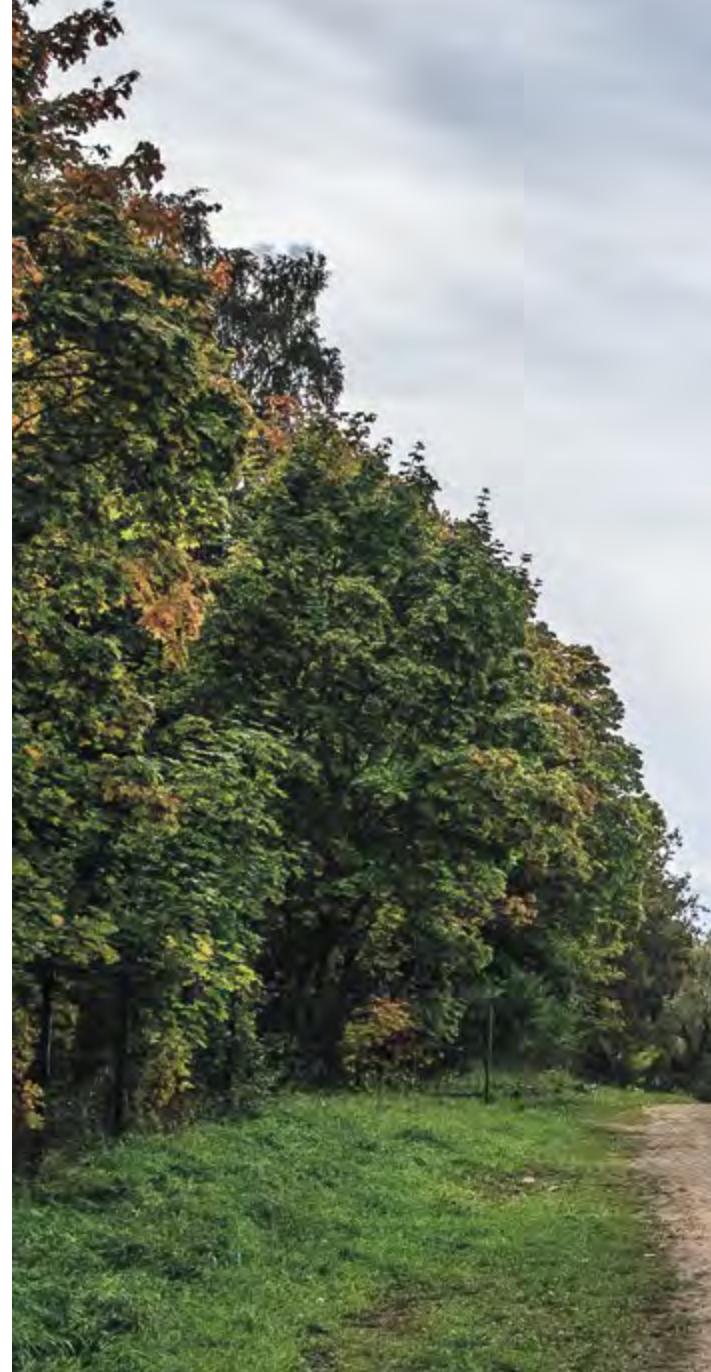
НЕМНОГО ИСТОРИИ

Борисоглебский, по-простому Борисоглеб, – поселок городского типа, центр Борисоглебского района Ярославской области. Расположен на реке Устье в 19 километрах от Ростова Большого. Жителей в конце эпохи социализма здесь было почти 6,5 тысячи, в расцвет капитализма (если у нас капитализм) – почти 5,5 тысячи. Поселение возникло при Борисоглебском монастыре, основанном в 1363 году пришедшим из Новгородской земли иноком Феодором и присоединившимся к нему позднее отшельником Павлом. Монастырь был основан не просто так, а по благословению преподобного Сергия Радонежского. По преданию, иноком обители был и знаменитый Александр Пересвет, хотя достоверных свидетельств, увы, нет. Многие из нас узнали об этом из книги Ана-

толия Грешневикова «Копье Пересвета». Говорят, именно здесь бывший боярин, имевший немалый боевой опыт, принял постриг. И в 1380 году на поле Куликовом схимником, как воин ангельского войска, начал историческую битву...

Необычный был это монастырь, коль бывал здесь великий князь Василий II Темный и, по некоторым сведениям, впрочем, не совсем надежным, крестил здесь своего сына, будущего сориателя земель русских Ивана III. Первые полтора века обитель сия была вся деревянная. Сын Ивана III, Василий III, начал здесь каменное строительство. В 1522–1523 годах «великого князя мастер каменный здатель», ростовский зодчий Григорий Борисов, воздвиг на месте деревянного каменный собор Святых князей Бориса и Глеба. В 1524–1526 годах построена Благовещенская церковь с трапезной палатой, в конце XVII века – Сергиевская и Сретенская надвратные церкви.

Трижды сюда приезжал Иван Грозный. При нем, примерно с 1577 года, стал подвизаться в монастыре Иринарх Затворник – преподобный Русской православной церкви. Он обрек себя на суровое бытие и добровольное мученичество: более тридцати лет, усмиряя плоть, не снимал вериг – оков и цепей, молился за спасение России. Он видел сны,

которые сбывались – в том числе ему приснился захват Москвы поляками. Его духовная мощь, великая вера и пророческий дар привлекали к нему и простых людей, и правителей, и полководцев. Так, посыпал к Иринарху за благословением князь Михаил Скопин-Шуйский, боровшийся с польскими интервентами. Затворник отправил князю прощфору и крест, наказав: «Дерзай, и Бог поможет тебе!» Приезжал к Иринарху за благословением и организатор народного ополчения князь Дмитрий Пожарский. Был ли вместе с ним здесь Кузьма Минин – неизвестно.

В эти смутные годы был у Иринарха и польский предводитель Ян Сапега, кстати, православный по вере. Тот самый православный, который держал в осаде полтора года Троице-Сергиев

Южная стена
Борисоглебского
монастыря-
крепости
с башнями
и воротами

Улица у монастыря.
Магазины, лавочки
прямо у монастырской
стены... И вышка
сотовой связи

монастырь. По преданию и книге архимандрита Амфилохия, Иринарх предсказал польскому воеводе, что тот погибнет, если не уйдет с Русской земли. «Пан Сапега умилился душою от речей преп. Иринарха и сказал: «Чем мне тебе, батько, даровать? Я такова батька нигде не видал ни здесь, ни в других землях – твердого и небоязливого, что не побоялся нашего меча и не ушел». Это по воле Божией делалось, сказал старец Иринарх, а не по моей. «Прости, батько», – сказал Сапега и поклонился ему на прощание». Велел монахов не трогать и даже прислал старцу в монастырь 5 рублей. Но из России не ушел и действительно вскоре погиб. На тему этой встречи есть современная картина Марии Шадчневой «Иринарх и Сапега»...

Да, бывало, что преподобного Иринарха Затворника враги-поляки отпускали, а бывало, что и от своих ему доставалось. Были гонения и на Иринарха. Читаю у архимандрита Амфилохия, что в 1610 году стал игуменом в монастыре Симон, человек немилостивый, злой и свирепый, да еще и пьяница, похоже. И приказал он старцу-затворнику, изнемогшему в посте и молитве так, что и двигаться не мог, молиться ходить в церковь, как все. Из кельи же его все запасы вынес, оставили затворнику самую малость. А старец решил и последнее отдать. Тогда по приказу уязвленного начальника поволокли Иринарха из кельи, руку сломали, бросили его на землю рядом с собором. Многочасовой молитвой святого за «не ведавших, что творят» кончилось все благополучно, но факт, как говорится, остается фактом...

К середине XVII века Борисоглебский монастырь владел 22 тысячами десятин земли и 4 подведомственными монастырями. Но в XVIII столетии Екатерина II отобрала у обители монастырские слободы и передала их своему фавориту – графу Григорию Орлову. А с 1843 года они находились во владении графов

Паниных. Секуляризация превратила Борисоглебскую обитель в обычный второклассный монастырь. Источником его существования в XVIII–XIX веках были 280 десятин земли, сад и доходы от сдачи в аренду башен

Благовещенская церковь. К ней примыкают настоятельские покои

и монастырских торговых лавок за крепостными стенами.

Из правителей помимо Екатерины II был здесь еще проездом император Александр III. В праздник святых Бориса и Глеба у стен монастыря традиционно проходила значительная для Ярославской губернии ярмарка – торговали в основном скотом. В местных слободах занимались переработкой картофеля и выработкой крахмала, окраской тканей и шитьем одежды, иконописью, металлообработкой, изготовлением сельскохозяйственных орудий.

В 1924 году монастырь был упразднен. В советский период в нем размещались почта, отделение Госбанка, склады льна и зерна, а также музей. В 1962 году поселение Борисоглебский получил статус рабочего поселка. В 1989-м в монастырском соборе возобновились богослужения. С декабря 1994 года Борисоглебский монастырь снова считается действующим. Кстати, на гербе и флаге поселка и района, утвержденных в 1999 году, изображены святые князья Борис и Глеб – два всадника в красно-зеленых одеяниях на черном и красном конях, с флагами на копьях. Хранители местности...

Келья Иринарха
Затворника

ОБИТЕЛЬ-КРЕПОСТЬ

Мы все еще едем... Но вот и Ростов Великий. Хорошо виден Яковлевский монастырь, озеро Неро. Делаем резкий разворот влево на угличскую дорогу. Указатель на Варницы – родину святого Сергия Радонежского. Не сворачиваем, пропускаем в этот раз, уж слишком блестящий и прилизанный там сейчас монастырь-новодел. Через 20 минут мы уже в Борисоглебе, буквально под монастырскими стенами. Расстояние между Борисоглебским и Москвой чуть более 200 километров, за три часа доехали.

Пионер русской цветной фотографии Прокудин-Горский в 1911 году снимал Ростовский Борисоглебский монастырь, что на Устье-реке – это его официальное название, – на цветное фото как достопримечательность Российской империи. На одном из его снимков высокие, вот эти самые стены с башнями, только белые-белые, песчаная дорога, справа домики жителей, вдали поле и лес. Светло и тихо, умиротворение какое-то. Так было!

Сейчас и так, и не так. Вместо песка асфальт. Часть стен скрыта за деревьями, часть – в по-

Северо-западная угловая башня с очень своеобразным завершением

Западная стена обители. Риковский пруд – когда-то часть реки

темневших уже лесах-подпорках. Больше похоже на военную крепость.

Останавливаемся. Через удивительно красивые ворота с двумя массивными башнями и надвратной церковью входим в суровый, мощный и просторный монастырь. Я люблю эту обитель-крепость святого Иринарха и не раз бывал здесь. Но всегда, как будто впервые, испытываешь здесь какое-то особое, «борисоглебское» чувство: «благородствования воздухов», одухотворенности, защищенности и свободы. Тут, в отличие от Варниц, внутри «не прилизано». Но потихоньку – явно больших средств нет – восстанавливают и восстанавливают старину. Не сравнить, конечно, с началом 1990-х годов, когда я впервые сюда приехал...

Памятники архитектуры и истории здесь сохранились. И Сретенская надвратная церковь, и келья Иринарха, и собор Бориса и Глеба, и Благовещенская церковь с трапезной палатой, и настоятельские покой XVI–XVII веков. Дальше – звонница XVII века и Сергиевская надвратная церковь. И, конечно, впечатляющие крепостные стены, длина которых составляет 1040 метров, высота – 10–12 метров, а толщина местами доходит до 3 метров! Самая древняя – восточная стена с шестиугольной башней.

Потрясающая мощь в этих крепостных стенах и башнях. Считаем башни – их 14. Самая красивая и одновременно самая высокая (38 метров) – северо-восточная, она же Максимовская, башня монастыря, построенная в конце XVII века.

Прогулка по монастырю – наслаждение. Здесь гармонично сливаются «лепоты» и строгость. Но встречаются и сюрпризы. Неподалеку от входа в монастырь видим якорь. В честь чего он тут – за тысячу верст от ближайшего моря? А все потому, что пять борисоглебских иеромонахов служили священниками на судах российского флота во время Русско-японской вой-

ны (см.: «Русский мир.ru» №3 за 2019 год, статья «На церковной палубе»).

Вот и одиноко стоящая у крепостной стены келья святого Иринарха. В «келейке» Иринарха долгое время хранилось «знамя Сапеги», то ли подаренное затворнику самим паном, то ли присланное Скопиным-Шуйским как трофей. Да все сломано было. Восстановлено архитектором-реставратором Александром Рыбниковым в 1990 году.

Идем в собор Святых князей Бориса и Глеба. Здесь мощи преподобного Иринарха и основателей монастыря – преподобных Феодора и Павла. Полностью собор был расписан в 1783 году, роспись поновлялась в 1842-м. А в 1911 году храм был заново расписан в византийском стиле – с золотом и серебром. Руководил этими работами художник Ф.Е. Егоров, евангельские сюжеты живописцы писали по мотивам росписей Виктора Васнецова в киевском Владимирском соборе.

За апсидами собора, на маленьком холмике – могила с крепким, мощным, как и крепость, крестом. Здесь похоронен архиепископ Ростовский, Ярославский и Белозерский Тихон (Малышкин). Это он участвовал в избрании и посвящении предстоятелей Русской церкви – митрополита Зосимы (1490) и митрополита Симона (1495) – и управлял всей полнотой церкви после низложения митрополита Зосимы в 1494 году. Был участником Освященного собора 1492 года, утвердившего пасхалию на восьмую тысячу лет (от Сотворения мира, конечно) и документально засвидетельствовавшего преемственность нашей церкви по отношению к Византии. Святитель Тихон был соратником Иосифа Волоцкого и архиепископа Новгородского Геннадия в борьбе Русской церкви с ересью жидовствующих (см.: «Русский мир.ru» №12 за 2022 год, статья «Жидовствующий накануне апокалипсиса»), пришедшей к нам из-за грани-

Интерьер собора
Святых князей
Бориса и Глеба

цы. После тринадцатилетнего управления Ростовской епархией архиепископ Тихон в 1503 году по немощи отошел на покой в Борисоглебский монастырь, где и умер в 1511-м...

В центре обители – свободное пространство, с которого просматривается почти весь монастырь. Обращаем внимание на трехглавую звонницу XVII века с часами – «церковь под колоколы с часобитней». Чуть позже к ней пристроили тяжеловатое, но очень красивое крыльцо. Царь Иван Грозный подарил монастырю колокол весом 138 пудов, в 1758 году появился еще

один – в 261 пуд, а в 1913-м в монастырь был пожертвован колокол в 606 пудов, отлитый в Ярославле на заводе купцов Оловянишниковых. В 1929 году все колокола были сняты, разбиты и переплавлены. В 1988–2009 годах звонили здесь в колокола из ростовского музея, в 2009-м православные меценаты подарили монастырю набор из 10 новых колоколов, самый большой из них весит 325 пудов. А с 2010 года в обители на колокольне работают часы-куранты, сделанные руками моих земляков – умельцев из научного града Черноголовка.

Вот что носил
Иринарх на себе!

А вот и настоятельские покой и трапезная палата XVI–XVII веков. Это украшение монастыря – с кирпичными узорами на стенах, с изразцовым декором, с крыльцом, изумительно богатым самыми разнообразными деталями. И восстановлено это чудо все тем же реставратором Рыбниковым. Он вообще здесь многое в свое время восстановил, даже стены выправил, выпрямил – по собственной оригинальной технологии. Но не

нашли в чем-то согласия монахи и реставратор, и Александр Рыбников был удален из монастыря. К огромному сожалению, это совсем не редкий случай противостояния культуры и религии – таких, казалось бы, близких друг другу... Вольно или невольно расчувствуешься в монастыре. Атмосфера умиротворения и одухотворенности, святые храмы и святые могилы, надежные стены-защитницы – все это помо-

Старая звонница с новыми колоколами. Тут и часы-куранты

Могила владыки Тихона

гает снять накопившееся напряжение. А связь невидимая с такими богатырями духа, как Пересвет, Иринарх, Тихон, ободряет, укрепляет, дает жизненные силы и энергию. Ты свободен, ничего не боишься и даже на подвиг готов!

Сейчас много говорят и рассуждают о «местах силы» – каких-то особых для эзотериков, эзотериков, неоязычников и прочих культовых, сакральных пространствах с «особой энергетикой». Для нас же, просто русских православных людей, «энергетика» – это высокая душевно-духовная атмосфера. А места силы – там, где чувствуется прилив, подъем душевных, духовных и физических сил. Это намоленные веками места, связанные с великими русскими людьми, с прекрасной русской природой. Например – Михайловское Пушкина. И Борисоглеб Пересвета и Иринарха – тоже! Такой вот подарок готовят людям древний Борисоглеб. Старины, тишина и благодать. И место силы! Силы духовной. А если есть сила духа, то будет сила и физическая, и всякая другая. И тогда мы непобедимы. Так учили мудрые старцы. Кратко и ясно.

ТИХИЙ ГОРОДОК

А за стенами монастыря – маленький уютный городок. Скорее, даже городочек с доброжелательным и простым народом, с маленькими домиками, садиками, уличками, то поднимающимися, то спускающимися с монастырского холма, с магазинчиками, с рыночком, с лавочкой с местными сувенирами, с памятниками.

Вот о памятниках можно и чуть подробнее поговорить. Их вне монастыря пять. Раньше около горкома стоял только один небольшой Ленин работы неизвестного скульптора. Сейчас его перенесли к дому престарелых, а на его место у администрации поставили памятник князю Пожарскому – среднего размера, но с большим мечом. Автор памятника – скульптор Михаил Переяславец. На улице Советской установили небольшой памятник князю Скопину-Шуйскому работы скульптора Владимира Суровцева. И еще два новых памятника стоят теперь в городе, причем размеров для маленько-го Борисоглеба, можно сказать, грандиозных. Бронзовый Пере свет и бронзовый Иринарх имеют рост почти 3,5 метра и весят по 2 тонны. Не всем эти памят-

Главный вход в монастырь. Сретенская надвратная церковь 1680 года

Памятник князю Дмитрию Пожарскому. Скульптор – Михаил Переяславец

ники-великаны совсем не в духе Борисоглеба нравятся, хотя есть и почитатели. Но в конце концов дареному коню, как известно, в зубы не смотрят: памятники – подарки скульптора Зураба Церетели. Да и все равно величую борисоглебскую монастырскую крепость ничем не затмишь и не перебьешь... В поселке протекает река Устье. Это не просто извилистая речка, не просто речка кольцами, а счи-тай – водная цепочка длиной

153 километра. Берет начало в Угличском районе, впадает в Которосль, которая, как известно, в свою очередь, впадает в Волгу. На самой окраине поселка – церковь Троицы в Бору. Там и бор очень красивый был когда-то, на опушке – прям «шишкинские» сосны. Но внутри «бора» – почти пустота. Был на месте храма, оказывается, и женский монастырь в Борисоглебе. В 1612 году, когда поляки заняли Борисоглеб, их лагерь («фатеры») находился между двумя монастырями – мужским и женским. Тут еще в 1990-е годы где-то была гербара-ная станция, что снабжала все школы России гербариями...

Если переехать Устье и свернуть влево, к деревне Селище, то мож-но наблюдать интереснейший оптический эффект: башни монастыря сначала сходятся, соединяются в одну фактически, а потом наоборот – расходятся, и панорама монастыря опять восстанавливается.

А за Селищем, недалеко от Борисоглеба, есть место на бере-гу реки Устье, называемое «Ко-стин Хутор». Прекрасное место с дубами, соснами, березами, земляничными полянами. Со святым источником. С уникаль-ным памятником погибшим бо-

рисоглебским деревням, а их в XX и XXI веках немало исчезло. Здесь стоят памятный камень весом 25 тонн и флагшток. Здесь же – лагерь, в котором удивительный человек, энтузиаст детских палаточных спортивно-трудовых лагерей, друг мой Валентин Борисович Малов тренирует и воспитывает ребят. Учит их борьбе, стрельбе, плаванию, хорошим песням, учит жить в ладу с природой, преодолевать любые препятствия, помогать друг другу и трудиться – и таким образом, не муштруя, не надоедая нотациями, учит Родину любить. Называют они себя «Русичами». Здесь проходят слеты юных спасателей и всяческие соревнования. Зимой, в честь защитников Отечества, традиционные лыжные и снегоходные марафоны с названием «Русь». Совсем недавно, в августе, отметили «Русичи» 35-летие своего первого лагерного сезона на Костино Хуторе.

К «Русичам» ехать 5–7 километров на запад от Борисоглеба. А километрах в четырнадцати на юго-запад, около села Андреевское-на-Лиге, энтузиасты под руководством Арифа Нагиева создали еще один, если хотите, «ненавязчивый» центр патриотического воспитания. Как вы думаете: что было бы, если бы в 1941 году немцы все-таки

взяли Москву или потом как-то ее обошли? Правильно: было бы очень плохо. Но и в этом случае мы не сдались бы! И это не просто лозунг. В Андреевском это прекрасно видно. Тысячи ярославцев, в основном женщины и подростки – их называли «окопщики» – в 1941–1942 годах

Памятник
Иринарху
Затворнику.
Скульптор –
Зураб Церетели

Деревянный
крепеж части
восточной стены

создали за Москвой, перед Волгой, еще одну линию обороны. О ней потом как-то забыли. А она была, и вот теперь один из ее участков на Борисоглебской земле восстановили и показывают. Только маленькую часть. А теперь добавим несколько цифр: в войну всего за 80 дней зимы было устроено 197 километров противотанковых препятствий, 8826 противотанковых ежей, 1821 огневая точка, 240 командно-наблюдательных пунктов, 1076 землянок, 154 пулеметных дзота, 79 дотов для пушек, 497 железобетонных колпаков для пулеметных гнезд, 204 лесных завала, 91 тысяча заостренных кольев для противопехотных заграждений. И все это всего за 80 зимних дней было сделано женщинами и подростками...

Если же продолжать ехать в западном направлении, то километрах в тридцати от райцентра будет родина Иринарха – деревня Кондаково Борисоглебского района. Отсюда уже недалеко и до Углича. От местных жителей я слышал, что на этой территории практически не встретишь никаких змей, ибо так «сделал» святой. Легенда, скорее всего, но, повторим, легенда характерная – не про кого-то, а про Иринарха. В самом Кондакове есть святой источник (колодец) Иринархов, который «помогает избавиться от головных болей, прибавляет жизненных сил и возвращает веру в себя». Каждый год сюда от стен Борисоглебской обители устраивают Иринарховский крестный ход. Неделю колонна с людьми передвигается от одной деревни к другой, от храма – к храму. Ах да! Забыл сказать, в Борисоглебском монастыре ежегодно проходят еще и Иринарховские чтения, в которых участвуют писатели, ученые и священники. Что ж, пришла пора прощаться нам с Борисоглебом, где происходили события, непосредственно влиявшие на судьбы России. Городком, который, несмотря на свой скромный размер, является местом силы. Нашей силы. ¶

ОТ ПУШКИНА ДО ЭНГЕЛЬСА

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ДАМА, ПРИЯТНАЯ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ, СПРАШИВАЕТ ОДНАЖДЫ: «КАК ЧАСТО ВЫ ГУЛЯЕТЕ ПО МОСКВЕ? НУ ВОТ СКОЛЬКО РАЗ В МЕСЯЦ? ИМЕННО ГУЛЯЕТЕ, БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ЦЕЛИ...»

КАЗАЛОСЬ БЫ, ПРОСТОЙ ВОПРОС, но он повергает меня в недоумение. Никогда не задумывался. Сколько раз... В самом деле, сколько? Непросто сообразить, оказывается.

Я ведь всю жизнь, знаете ли, шагаю по Москве и по большей части именно без определенной цели. Я нисколько не московед, дорогие товарищи, упаси бог стать вдруг присяжным московедом. Это звание ко много-

му обязывает, верно? Нет, нет, ни в коем случае...

Если не бываю в городе подолгу (скажем, командировка, дача, путешествие, еще какой-то житейский момент), скучаю по нему так, как скучал бы по другу, с которым почему-то давно не встречался, не слышал, не виделся. А у друга моего, у моего города, столько, чувствую, новостей накопилось, столько перемен в труде и личной жизни, кому еще рассказать, с кем поделиться...

Понимаете?

Что-то внутри вдруг зовет, манит, тащит, притягивает, аукает, подсказывает шепотком – пора, пора на бульвары, в улочки-переулоч-

Знаменитый
Пушкинский
сквер

ки, в скверы и кофейни, на Садовое и на Чистые, на Плющиху и Пресню – пора, пора, пора!

Вот так всю жизнь и живу – нет-нет да и шагаю по Москве. Или не шагаю, а сижу на лавочке и смотрю город, слушаю, наблюдаю, ощущаю его... И опять иду. Без всякой определенной цели. Сколько раз в месяц? А кто его знает...

Я вам лучше про любимый маршрут расскажу. Тот, на который ноги сами встают как на протертую в молодости лыжню. Назвать его можно, например, так – от Пушкина до Энгельса. Присоединяйтесь!

Знакомый пейзаж у ног Пушкина: полукружье стареньких удобных деревянных лавок, поэт со склоненной головой, здание «Известий», Театр мюзикла на месте бывшего кинотеатра «Россия»... И в самом деле, жизнь теперь похожа на мюзикл: все что-то громко поют, громко восклицают и ужасно уверены в себе.

А вот, посмотрите, к омоновскому патрулю из двух человек обращается гражданка бальзаковского возраста в розовой шляпке. Просит сфотографировать на фоне Пушкина? Именно так. Протягивает доверчиво смартфон, придерживая на ветру шляпку. Молодые симпатичные ребята в черном охотно выполняют просьбу. «И долго буду тем любезен я народу...». Чик, готово! Взаимные улыбки, благодарности, «шляпка» уходит по ступенькам к фонтану, омоновцы остаются у памятника. Дочитывают, между прочим, цитату до конца. По соседству со мной небывалое оживление. Парами и в одиночку подходят приодетые и бодрые бабушки, из тех, что успешно борются за долголетие по городским программам. Их уже более двадцати...

– Здравствуйте!
– И вам здравствуйте! Не забываем отмечаться!

Пенсионные удостоверения прибывших «чикаются», фиксируются то есть, на смартфон деловой девушки в джинсах.

На Тверском
бульваре
новые клумбы

- А что, Сережи сегодня не будет?
- Сережи сегодня не будет, нет.
- Это жаль...
- Конечно.
- А я вам захватила рецепт варенья из клюквы. Наилучший рецепт. И вот баночку принесла, попробуйте сами, какое вкусное.
- Вот за клюкву спасибо!
- Сегодня куда поведут?
- Ах, какая нам разница...
- И в самом деле... Лишь бы дождя не было.
- Не забываем у меня отмечаться! Начало через пять минут...

Голос экскурсовода поставленный, четкий. Если бы она еще не добавляла вопросительное «да» после каждого предложения...

- Тверскую мы сегодня не рассматриваем, да? Мы сегодня с вами нацелены на переулки. Бульвары тоже в сторону, да? Все сплотились? Очень хорошо. Мы идем, да? Переулков на нашем пути множество, и все они ужасно интересные. Мы не будем отставать, да?
- Среди экскурсантов лишь один представитель мужского пола. Мне показалось или он действительно с удовольствием вдыхал дым моей сигареты?

Широкий Тверской бульвар располагает к размышлению и воспоминаниям. Здесь и электросамокатчики пешеходу не очень страшны. Им тут легко лавировать между обычными, бесколесными людьми.

Так... На месте знаменитой Некрасовской библиотеки всё что-то роют... Лет двадцать роют, не меньше... Где-то у меня и билет из библиотеки до сих пор хранится, синенький такой...

А вот Театр имени Пушкина неизменен и симпатичен. Был разок в детстве на «Аленьком цветочке» с сестренкой и, кажется, больше не бывал... А чему, собственно, удивляться? В ту пору этот театр не слишком котировался. Билеты в него шли в нагрузку.

Хотите купить билет в Маяковку, Вахтангова, МХАТ, Московета в театральной кассе у метро?

В 1913 году в этом здании открылся кинотеатр «Унион», один из первых кинотеатров города

Можно поискать. Если в нагрузку купите обязательную пару билетиков в Театр Пушкина, или Ермоловой, или Станиславского... Помню, удивляло. Тверская улица, тогда Горького, а билетики в местные центральные театры идут в нагрузку. Странно. Потягивало вторым сортом. На Таганку, в «Современник», в Большой – билетов в

театральных кассах у метро никогда не было.

Ух ты! Новости ТАСС стали печатать по фасаду здания аршинными буквами! Бежит электронная строка – издали и без очков читать можно... Новости тревожат. Мне больше пошли бы «старости». Тимирязев... Строгий памятник на века... Тут же вспоминается точная фраза из старого фильма: «Что-то он там сидит пишет... – Писатель. Тимирязев!»

Обязательный взгляд на «Повторку», Кинотеатр повторного фильма. Не здесь ли мы смотрели самые лучшие фильмы юности? Пожалуй, здесь.

Теперь и давно в здании засел модный театртик. Но эта, дорогие товарищи, мода мне не по вкусу. Сворачиваю с бульвара вправо, а затем влево, и через дорогу мимо знаменитой церкви ноги сами бегут, бегут и притормаживают в Ножовом переулке, где самый маленький в городе памятник ушедшим на войну ученикам и учителям здешней московской школы.

Памятник физиологу Клименту Тимирязеву – старейший на Тверском бульваре. Открыт в 1923 году. Скульптор – Сергей Меркуров, архитектор – Дмитрий Осипов

Здание ТАСС, построенное в 1977 году, первоначально задумывалось 12-этажным

Памятник учителям и ученикам 110-й школы, ушедшим на войну, в Ножовом переулке установлен в 1971 году

В памяти оседает бойкий монолог на одном из только что проденных светофоров. Монолог исполняет ногастая, симпатичная, загорелая брюнетка в чем-то белом и с гвардейским голосом в придачу:

— Нет, мы зачем взяли симку, я тебя спрашиваю?! Мы взяли симку, чтобы навигатор был, правильно?! (У нее выходит «правильно», а не «правильно».) Мы взяли симку — и теперь что? Где навигатор, я тебя спрашиваю... Мы зачем взяли эту дурацкую симку?

Спутник брюнетки театрально молчит. Уверенно держит паузу. Молчат и собравшиеся на светофоре. Хотя многим, наверное, есть что ответить. Особенно на третьем повторе этого замечательного монолога с философским восклицанием «Зачем?!».

Малый Ржевский
переулок –
бывшая улица
Палиашвили

В переулке, теперь Малом Ржевском, совсем тихо и малолюдно. Лишь семейства таджиков, некоторые и с детьми, разнообразят пейзаж. Таджики сумрачны. Очереди по визовым вопросам и прочие консультации, какие уж тут улыбки...

Что изменилось к лучшему в новые времена? Исчезли, ушли в прошлое очереди! Но все же отдельные очереди еще, как видно, остались.

Когда-то мы здесь обедали. В славные студенческие времена. Вместе с городскими таксистами, которые всегда стояли в очереди первыми. Обедали так славно, что и по сию пору помнишь меню. Харчо, два чебурека, шницель с яйцом и компот – 1 рубль 60 копеек. Но очередь! Зато вкусно! «Сидячка»! Набор-

В Борисоглебском
переулке тихо
и пустынно

Спешит,
торопится,
мчится
Новый Арбат

чик блуд никогда не менялся в этой безымянной стекляшке для посвященных. Теперь на месте стекляшки прочно стоит некое офисное здание.

Поворот на Поварскую. Теперь здесь Бунинский сквер. О чем и табличка имеется, и скромный памятник писателю и поэту, первому русскому литератору, удостоившемуся Нобелевской премии. Хорошо, что в сквере лавочек много. Из раскрытых окон Гнесинки долетает что-то классическое. Кажется, на балалайке наяривают? Прямо концерт на свежем воздухе. А вот на соседней лавочке в смартфон – и, конечно же, громо-

гласно, на всю округу – от паренька с татуировкой на шее летит что-то мне не совсем понятное.

– Нет, вначале пусть они скажут за формат! Вот тогда и подумаем. Сначала формат, а после проект, понял? Праймово или не праймово? Иначе совсем не огонь... Согласен? Нет? Ты чего-то сегодня какой-то нагазированный... Нагазированный ты сегодня, говорю... Пол-лимона за смену? А формат какой?.. Ну, там я давно зарегился. Зарегился я, говорю... Представляю себе реакцию на эти выкрутасы Ивана Алексеевича Бунина. Уж он бы вспомнил старый добрый русский

Кинотеатр
«Октябрь»
продолжает
показывать кино.
А вот магазин
«Мелодия»
больше
не продает
грампластинки

язык... Уж он бы, пожалуй... дописал «Октябрьские дни».

Борисоглебский переулочек за углом, там никаких скверов не предвидится. Постешаю в Борисоглебский. В Борисоглебском действительно тихо и никто не мешает обязательным здесь цветаевским настроениям.

Ах, московские переулочки, царство-государство велико... Пушкинские переулочки – царство одно, арбатские – другое, пречистенские переулки – третье... Ну а здесь, у Никитской и Поварской, царство совсем особое. Четвертое царство. Никаким смартфонам старинный московский дух тут не вытравить. Хочу верить.

Новый Арбат... Тут надо шустрее, рот не разевать – прочь от людской толчеи и от машин. От вечной суеты города. Напрямки. «По камням, по лужам, по росе...». Через подземный переход и сразу налево.

Только и бросишь взгляд уточнить, что в бывшей «Мелодии» пекут теперь что-то съедобное. Только и вспомнишь историческую съемку Владимира Семеновича на ступенях «Мелодии». Стоит Высоцкий в алом батнике, один-одинешенек, а люди идут и идут мимо... Узнают, но не подходят. Вот времечко было скромное, застенчивое время. Снимали Высоцкого у «Мелодии», конечно же, иностранные телевизионщики.

Иду и удивляюсь, сколь же на бывшем Калининском проспекте теперь кафе-закусочных, общенациональных, кабачков разных... Разве сравнить с не таким уж и давним прошлым? Тогда их и десятка здесь не было, теперь количество ближе к сотне. Понятно, почему молодых толстяков и толстушек навстречу – пруд пруди.

«А теперь предлагается не суетиться и быстренько перекусить», – как говорил симпатичный герой в симпатичном сериале. Вот мы и перекусываем и не суетимся уже лет тридцать. У многих в квартирах даже

появились напольные весы. У кого были весы дома в 1982 году, друзья? Поднимите руку!

Надо же, букинистические лавки, еще при Юрии Михайловиче Лужкове задуманные, живы и работают. Правда, у входа ажиотажа не наблюдается. Давно собираюсь сюда одну книжечку принести, 1898 года издания, да все недосуг...

Ныряю с большака вправо и вниз, не все этот уютный ход знают, — в Серебряный переулок. Тут сразу покой и три с половиной пешехода. Перехожу скоренько суетливый Арбат, разрешите обойтись без восторженных восклицаний в его адрес.

И вот в любезном Староконюшенном облегченно закуриваю, в нем и спокойно, и несуетно, и дорожка прямая почти, к югу ведет, к реке... И спешить некуда.

А вот и неприметный серый дом по правую сторону, где доживал свой пенсионный век неугомонный советский гражданин Хрущев Никита Сергеевич, многое чего всем и вся наобещавший... Жил себе тут, когда надоедало на даче в Жуковке. А что? Дом приличный и место тихое. Мемориальная доска появилась не так уж давно, раньше все больше про конструктора вертолетов упоминали, тоже местного жителя.

Ощущаете, как непохож по духу Староконюшенный на Малый Ржевский? Я ощущаю. Они такие же разные, как Арбат и Никитская... Что-то иное растворе-

В Чертольском
переулке

Воссозданный
храм Христа
Спасителя
был открыт
31 декабря
1999 года

но в воздухе. Нечто властное и неким снобизмом пахнет. Нет? Ничего такого? Не буду спорить. Но лично мне в пушкинских и никитских переулках дышится как-то вольнее, чем в арбатских

и пречистенских. Все-таки здесь чем-то иным в воздухе... нагазировано.

Сворачиваю налево, в Гагаринский, а дальше второй переулок направо и вниз, в Чертольский,

Пречистенка.
Белые палаты
князя
Прозоровского
XVII века

К Фридриху
Энгельсу
москвичи
привыкли.
Энгельс
с 1976 года
«прописался»
в Хамовниках

именно вниз, перепад высот ощущается, словно вы с горочки сюда спустились.

Чертольский переулок совсем коротенький. Но он мне мил тем, что здесь стоит школа, где сорок лет назад я давал свои первые уроки на педагогической практике от нашего славного исторического факультета и где кое-что из учительской

жизни понял, где сделал самые первые шагки на этой непростой ниве.

А теперь здесь, в усадебном садике, на диване, расположился в теньке... молодой Александр

Сергеевич Пушкин работы известного скульптора Рукавишникова. Такой вот бонус у Чертольского переулка заявлен с некоторых пор. Но чтобы ближе увидеть поэта и его диван, придется взять билетик, возлежит Александр Сергеевич на музейной территории его имени.

* * *

Ну а вот нам навстречу – старый знакомец Фридрих Энгельс с пречистенским сизым голубем на голове! Здравствуй, вождь мирового пролетариата, пророк света и книжечек... Читали,

читали когда-то. И конспектировали... Как же... Энгельс печален и независим. Он похож на мирового судью. Он смотрит куда-то вдаль. Поверх голов. Тут, знаете ли, свои диалоги... Прямо у ног основоположника. Двое потертых мужчин недоуменно и деловито выясняют, кто из них вчера ночью навесил синяк под глаз их единственной спутнице. Разговор не штейный, оба не помнят деталей, а спутница молчит как Энгельс. И тоже смотрит в одну точку. Синяк свежий, приличный. Наливной. Под правым глазом.

– Это точно не я, Вася!

– И не я, Витя! Веришь?

– Я бы точно не смог!

– А я смог бы, что ли?

А женщина упорно молчит. На призывы в свидетели не реагирует. Никого и ни в чем не обвиняет. Не двигается.

Драма! Угощаю всех троих сигаретами. Зажигалка у них имеется.

Окошечко, откуда кофе навынос, продолжает работать. Как работало пару лет назад. Редкая по нынешним временам стабильность. Беру кофе покрепче и с молоком. 90 рублей стаканчик.

И автобусная остановка, как всегда, напротив.

И великолепная станция метро «Кропоткинская» архитектора Душкина – жива-здорова.

И ставит точку у реки подковка московских бульваров.

И левее нависает храм Христа с тяжелым золотым куполом.

И накрененная всегда площадь на месте.

Милый сердцу москвича пейзаж. ...Наш с вами маршрут окончен. Часа три мы гуляли, дышали красотой и тишиной. И без всякой, замечу, цели. Спускались, а не шли в горку, что тоже важно для людей с жизненным опытом... Дальше берите свой, самостоятельный курс, вы же в Хамовниках, где никогда не бывает скучно. Ну а я, пожалуй, опять прогуляюсь к реке, к осенней реке, молча и верно украшающей наш с вами город с момента его основания. ☺

Знаменитый
наземный
павильон,
вход в метро
«Кропоткинская»,
на Гоголевском
бульваре.
Первое название
станции –
«Дворец Советов»
[1935]

Финальная
сцена спектакля
«Новеченто
(1900-й)».
Тюменский
Большой
драматический
театр

ГАВАНЬ ВСТРЕЧАЕТ МЕЛЬПОМЕНУ

АВТОР

МАРИНА КРУГЛЯКОВА
[ФОТО АВТОРА]

НЯГАНЬ, ТЮМЕНЬ, ТАГАНРОГ...
ШЕКСПИР, РОЗОВ, БАРИККО...
АРМЕНИЯ, БЕЛОРУССИЯ...
КАКАЯ МЕЖДУ НИМИ СВЯЗЬ?
ЭТИ ИМЕНА И НАЗВАНИЯ
НА ОДНУ НЕДЕЛЮ СЕНТЯБРЯ
ОБЪЕДИНИЛ В НОВОРОССИЙСКЕ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
«ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАВАНЬ».

Эксперты признали «Ночь любовных помешательств» блестящей интерпретацией комедии Шекспира «Сон в шалую ночь». Краснодарский молодежный театр

«ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАВАНЬ» – единственный постоянно действующий на юге России Международный театральный фестиваль – проводится в этом году в пятый раз. Его задача – показать самые интересные и успешные спектакли. Нынешний год стал для него юбилейным: 185 лет назад был основан Новороссийск, восемьдесят лет назад он был освобожден от немецко-фашистских захватчиков и пятьдесят лет назад ему присвоили звание города-героя. «Театральная гавань» проводится при поддержке Президентского фонда культурных инициатив, предоставившего грант для реализации проекта.

В НАЧАЛЕ ПУТИ

Более ста лет назад в Новороссийске действовал театр, созданный Всеходом Мейерхольдом. Увы, ему была суждена короткая жизнь. После отъезда режиссера в Москву театр перестал существовать, а большая часть труппы переехала в Краснодар. С тех пор в Новорос-

сийске служили Мельпомене лишь самодеятельные коллективы. Но в 1959 году был основан Новороссийский народный театр, вошедший позднее в десятку лучших народных театров СССР. Актеры-любители сами изготавливали декорации и реквизит – от мебели и оружия до вееров и шляпок, сами шили костюмы. В репертуаре были спектакли по пьесам Булгакова, Розова, Галина, Горина, Володина.

В 2014 году, после празднования своего 55-летия, Новороссийский народный театр закрылся. Зато открылся Новороссийский муниципальный драматический театр, которому было присвоено имя Владимира Петровича Амербекяна, долгое время работавшего в труппе режиссером. Вскоре молодой профессиональный театр при поддержке Театра наций включился в программу проведения творческих лабораторий. А в 2018-м в Новороссийске впервые прошел Международный театральный фестиваль «Театральная гавань», ставший

ежегодным. За четыре прошедших фестиваля было показано 65 спектаклей признанных театральных коллективов из России, Норвегии, Македонии, Франции. В этом году в смотре приняли участие 16 известных театральных коллективов из 12 регионов России.

«Я считаю, что на фестивале должен быть просто хороший театр, – говорит художественный руководитель фестиваля, художественный руководитель и главный режиссер Новороссийского муниципального театра драмы имени В.П. Амербекяна Евгений Кушпель. – Мы неслучайно назвали фестиваль «Театральная гавань». Ведь в гавань заходят разные корабли – маленькие и большие, танкеры и даже супертанкеры. Многие наши жители не имеют возможности куда-то поехать, и мы хотим показать им то, что они еще не видели – спектакли разных видов и жанров театров Севера, Урала, Поволжья, юга и Центральной России, а также постановки театров из государств СНГ».

**СКАЗКИ, КОМЕДИИ
И ДРАМЫ**

Открыл фестиваль спектакль Краснодарского молодежного театра «Ночь любовных помешательств» по пьесе Уильяма Шекспира «Сон в летнюю ночь» в переводе Осии Сороки и постановке Даниила Безносова. Режиссер, по оценке экспертов, нашел блестящую форму для представления одной из самых сложных комедий Шекспира. Необычное сценографическое решение, костюмы и фейерверк динамичных сцен словно втягивали зрителя в круговорот веселых шалостей и недоразумений, оставляя ощущение театральной магии и праздника.

Два спектакля прибыли на фестиваль из Севастополя – тоже города-героя. Театр юного зрителя привез «Сновидения принцессы» – фантазию на тему сказки Ханса Кристиана Андерсена «Принцесса на горошине». А Севастопольский академический русский драматический театр имени А.В. Луначарского показал драму по пьесе Алексея Арбузова «Мой бедный Марат» в постановке Григория Либанова.

Международный фестиваль High Fest из Еревана представил моноспектакль «Холодный день в аду» по пьесе Яна Куценбуша в исполнении Нерсеса Аветисяна. Режиссер спектакля Грач Кешиян. Это исповедь молодого человека, жена которого находится в коме.

Атнинский татарский государственный драматический театр имени Г. Тукая показал спектакль о девочке-подростке из детского дома «Наташина мечта» по пьесе Ярославы Пулинович, поставленный китаянкой Ичень Лю. Большая Атня – единственное в нашей стране село (в нем чуть более 3 с половиной тысяч жителей), в котором есть профессиональный театр. В этом году ему исполняется 105 лет. Долгое время он работал как народный, а в 2011 году получил свой нынешний статус.

Севастопольский академический русский драматический театр представил спектакль «Не бойся быть счастливым» по пьесе Арбузова «Мой бедный Марат»

Что в жизни главное?
Об этом узнает
Момо от старика
Ибрагима.
«Господин
Ибрагим». Ростовский-на-Дону молодежный академический театр

Альберт
Макаров в роли
Вертинского.
Моносспектакль
«Вертинский».
Пермский
академический
Театр-Театр

Программа фестиваля была очень насыщенной – ежедневно можно было посмотреть два, а иногда и три спектакля. Помимо Новороссийска их можно было увидеть в Кабардинке и Геленджике. Как нельзя объять необъятное, так же невозможно рассказать обо всех интересных постановках в одном репортаже. Поэтому поделюсь впечатлениями лишь о некоторых из них.

ЛЮДИ И ГОДЫ

Пермский академический Театр-Театр привез на фестиваль спектакль-концерт «Вертинский» в виртуозном исполнении Альбера Макарова и пианиста Александра Колесникова. Режиссер Борис Мильграм выбрал для постановки пьесу Михаила Бартенева, написанную на основе мемуаров и писем Вертинского. «Мы репетировали спектакль по интернету, поскольку была пандемия, действовал комендантский час и я не выходил из дома, – вспоминает Альберт Макаров. И поясняет, почему он выбрал именно эту пьесу. –

Я в 5 лет потерял родителей, попал в детский дом – очень непростой и жестокий мир. Шли 1990-е годы. Моих сверстников больше интересовали улица, курево, алкоголь, но мне все эти прелести подросткового мира не были близки. У нас была, к счастью, огромная Школа искусств, и я пропадал в ней. А еще у нас был проигрыватель с пластинками Высоцкого, Окуджавы, Галича, Митяева, с песнями из кинофильмов. Среди них была пластинка Вертинского, и с тех пор этот певец как-то «параллельно» живет во мне. Песня «Желтый ангел», которой открывается спектакль, всегда со мной, и чем старше становлюсь, тем осознаннее вслушиваюсь и вдумываюсь в ее строки. Вертинский понял и близок мне своей биографией, скитаниями по стране, отчасти столкновением с государственной системой. Мне кажется, его строки «В вечерних ресторанах, // В парижских балаганах, // В дешевом электрическом раю // Всю ночь ломаю руки // От ярости и муки // И лю-

дям что-то жалобно пою» не могут оставить равнодушными никого. И когда я стою на поклонах и вижу зрителя счастливым, понимаю, что что-то мы сделали правильно».

В специальной программе фестиваля были показаны эскизы спектаклей, созданные в рамках Лаборатории театров малых городов, которую регулярно проводит Государственный театр наций.

Театр Старого парка из Кабардинки представил эскиз по пьесе Леси Гуры «Привычка придумывать облака». Это спектакль о людях, чья молодость пришла на непростые 1990-е годы. Родители, сидя за праздничным столом и отмечая день рождения дочери, вспоминают молодость, проведенную во Владивостоке. Причем ностальгические рассказы о прошлом то и дело прерываются семейными ссорами. Режиссер Михаил Заец поставил пьесу как напоминание о глубоком разрыве между поколениями, ознаменовавшем последние несколько десятилетий. Нынешние мамы

и папы не понимают своих детей-подростков, и наоборот. Характерно, что после окончания спектакля на его обсуждение остался почти весь зал.

«Я сидел и почти плакал, – признался один из участников этого разговора. – 23 года я живу в Сочи, но Владивосток, где я провел юность, это город, который я никогда не забуду. Я вернулся в 1990-е. Да, тогда было очень страшно жить. Но одновременно было и очень интересно».

«Мне настолько это знакомо...» – встает другой зритель, тоже с трудом сдерживая слезы. Эмоции его подводят, и он в конце концов садится на место.

Люди один за другим тянут руки к микрофону, чтобы поделиться своими воспоминаниями о молодости и личным опытом жизни в переходную эпоху. Несомненно, в героях пьесы люди узнавали себя, своих родителей, друзей, а в истории действующих лиц – свою судьбу.

Вообще, одно из главных впечатлений «Театральной гавани» не может оставить равнодушным никого: людям хочется разговаривать о времени и о себе, а разговаривать порой не с кем и негде. А театр может выступить собеседником – внимательным и умным.

Этюд по пьесе Маргариты Кадацкой «Обнимательная машина» в постановке Юрия Квятковского представил Новороссийский муниципальный драматический театр имени В.П. Амербекяна. Пьеса рассказывает о девочке-аутистке Поле, которая сконструировала машину-обнималку. Сюжет подсказан реальной историей американской исследовательницы и писательницы Тэмпл Грандин, страдающей аутизмом. Она – известный эксперт по поведению животных, профессор животноводства. Ребенком Тэмпл летом навещала свою тетю на ферме в Аризоне. Здесь девочка впервые увидела и полюбила коров и придумала «машину для объятий» – механизм, ставший впо-

следствием универсальным способом борьбы с паническими атаками у людей с аутизмом. Как и Тэмпл Грандин в своей книге «Освобождение: жизнь с клеймом аутизма», режиссер Юрий Квятковский с большим сочувствием и уважением приоткрывает внутренний мир человека с «особенностями», стремясь пробудить в зрителях эмпатию. На мой взгляд, ему это удается.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ДЕТСТВА В МИР ВЗРОСЛЫХ

Из Ростова-на-Дону на фестиваль приехал спектакль «Господин Ибрагим». Это снова об отцах и детях. «В 11 лет я разбил свою свинью и отправился к прости-туткам» – так начинается забавное и трогательное путешествие мальчика Момо из детства в мир взрослых.

На сцене стоит большой чено-дан, вмешающий в себя и бака-

Героиня спектакля «Наташина мечта» в исполнении Лианы Каюмовой. Атнинский татарский академический государственный драматический театр

Государственный
театр кукол
Республики
Удмуртия
показал
площадную
комедию
по мотивам
пьесы Михаила
Бартенева
и мифов
Древней Греции
«Жил-был
Геракл»

лейную лавку мсье Ибрагима, и дом мальчика Момо, живущего с не понимающим его отцом. «Неспешность – вот в чем секрет счастья», – объясняет Ибрагим своему маленькому другу Моисею, которого он зовет Момо. Он учит мальчика не спешить, чтобы не пропустить важное, увидеть красоту города, природы, женщины, улыбку ближнего. Сентиментальная комедия Молодежного академического театра «Господин Ибрагим», которую поставил Михаил Заец по повести Эрика-Эмманюэля Шмитта «Мсье Ибрагим и цветы Корана» – по-французски изящная и по-восточному мудрая. Господин Ибрагим учит мальчика улыбаться, и тот убеждается, что улыбка отворяет двери и растапливает сердца. Увы, все, кроме отцовского. И неслучайно настоящим отцом для Момо становится старик Ибрагим, научивший мальчика самому главному, чему его не научили родители, – жизни.

«Не волнуйся. Я не умираю, Момо, я присоединяюсь к необъятному», – говорит Ибрагим, преподав приемному сыну свой последний урок – урок понимания и принятия смерти, потому что она – неотъемлемая часть жизни.

ЛЕГЕНДА О ПИАНИСТЕ

«Он умел слушать. И умел читать. Нет, не книги, это все могут, он умел читать людей. Знаки, которые люди несут на себе: места, звуки, запахи, их землю, их историю... Все запечатленное на них». Так говорит о Новеченто один из персонажей давно разошедшейся на цитаты книги Александро Барикко «1900-й. Легенда о пианисте». По ней Сергей Захарин поставил спектакль «Новеченто (1900-й)» в Тюменском Большом драматическом театре. Новеченто – гениальный пианист-самоучка, подкидыш. Он родился и прожил всю свою жизнь на борту океанского лайнера «Вирджине», курсирующего между Европой и Америкой. И ни разу не сошел на берег.

Наверное, всякий театр тоже «читает» людей и рассказывает их истории зрителям. Сергей Осинцев, исполнитель роли пианиста, в ходе спектакля перевоплощается в кочегара Дэнни Будмана, нашедшего младенца в коробке из-под лимонов, трубача Макса Туни, создателя джаза Джелли Ролла Мортона, музикальную дуэль

с которым выиграл Новеченто, пассажира, который первым увидел Америку, и т.д.

На сцене – поваленная мачта корабля с парусом, рояль, на котором так никто и не сыграет, и три ящика, которые становятся то танцполом, то частью корабля, то гробом. Атмосфера начала прошлого века мастерски передается в том числе через пластику матросов-танцов – режиссер выступил в постановке и как хореограф. Музыку для спектакля написал литовский композитор Фаустас Латенас. А в одной из сцен звучит мелодия Эннио Моррикона из кинофильма «Легенда о пианисте», снятого все по той же книге Барикко.

«Ко мне подошел зритель и сказал, что после просмотра спектакля хочется жить, – делится Сергей Осинцев. – Думаю, сегодня это главная эмоция, за которой приходит зритель в театр. Жизнь сиюминутна. Сегодня я испытал большое удовольствие, потому что публика была очень восприимчива к нашей игре, она действительно чутко слушала и понимала эту историю, реагируя на нее довольно дружно. Я с волнением слышал в finale даже всхлипывания в зрительном зале».

Новеченто, напомним, вступил в век, когда произошел переход от ремесла, от штучного производства вещей к фабричному конвейеру, массовому тиражированию. То же в определенной степени относилось и к искусству. Если раньше исполнение гениального пианиста могла слышать только группа приглашенных, то в XX столетии оно стало доступно тысячам и даже миллионам людей благодаря грамзаписи. И круг этот продолжает стремительно расширяться. В этих новых реалиях, в которых существует ныне искусство, оно, с одной стороны, становится невольным заложником масскульты и коммерциализации, с другой – делает шедевры достоянием общей сокровищницы культуры.

ры. Прогресс создает технологии, расширяющие аудиторию, способы и возможности выскакивания художника. Однако театр и сегодня остается одним из тех редких видов искусств, которые все еще сохраняют свою «штучность». Спектакль – единичный акт живого общения актеров со зрителями, здесь и сейчас. И при этом театр активно использует последние технические достижения. Рассказ о пластинке с записью игры Новеченто в спектакле ведется через трансляцию вечернего шоу по телевизору. Новеченто разбивает пластинку – это стихийный протест против нежелания быть объектом тиражирования. Но как движение луддитов в первой четверти XIX века не смогло остановить внедрение машин в производство, так и личный протест Новеченто обречен на поражение.

Наверное, этот спектакль учит мириться с быстрым движением прогресса, понимая его достижения и вместе с тем принимая неизбежные сложности современных инноваций. Сергей Осинцев говорит примерно об этом: «Нас всегда тормозит какая-то оболочка, которую мы боимся разрушить, потому что она нас укрывает, это наша теплица, где мы живем. Новеченто же никто не рассказывал, что жизнь необъятна, он не знал, что мир такой большой и такой разный. Как и он, мы все боимся внутренних перемен, думаем – а вдруг там плохо? И, к сожалению, мой герой не смог этот барьер преодолеть, ему было проще расстаться со всеми мечтами, оставаться на корабле и закончить там жизнь. Завораживающая легенда и аллегория». Я думаю после спектакля о том, что часто мы боимся неизвестности как огромного «рояля с бесконечным числом клавиш», на котором не умеем играть. Осознание этого естественного страха – первый шаг к движению и преодолению своих страхов и комплексов.

ОТ «БЭБИ-ТЕАТРА» К ПОЭТАМ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Город Нягань находится в Ханты-Мансийском автономном округе. Его население чуть более 60 тысяч человек. Нягань – совсем молода. Статус города ей присвоен всего 38 лет назад. А через пять лет в Нягани уже появился и свой театр – Театр юного зрителя. Он располагается в школе: спортзал переоборудовали в зрительный зал на 60 посадочных мест. «Когда к нам приходят в театр, сначала ужасаются, – рассказывает директор Няганского театра юного зрителя Анастасия Постникова. – Это и правда с виду неказистое здание. Но когда люди попадают внутрь – а там так все уютно и хорошо устроено, – то спрашивают, оставят ли нам его, когда построят для театра новое помещение. Декорации, костюмы, реквизит и прочее необходимое для постановки мы делаем сами. У нас представлены все виды театрального искусства, кроме оперы и балета».

Спектаклем «У кота Воркота» в постановке режиссера Виктории

Евтюхиной театр в 2016 году открыл новое направление – так называемый «бэби-театр». Действие построено на основе русского фольклора, песенок-потешек и колыбельных. Спектакль рекомендован для детей с 6 месяцев и идет всего 25 минут. За это время актрисы, играющие Солнце, Белый свет и Луну, певуче и доходчиво рассказывают малышам об одном дне – от восхода до захода солнца и появления на небе звезд и луны. На глазах зрителей платки превращаются в солнце и луну, лоскуты ткани становятся кошками, утками, собаками и прочей живностью. Сцена оживает, наполняясь звуками природы, журчанием насекомых, криками животных и пением птиц, чьи голоса очень похоже имитируют актрисы. Спектакль предусмотрительно идет в мягких декорациях, чтобы ничего не могло напугать маленьких зрителей, которые еще становятся и полноправными участниками спектакля. Многие из караузов, даже не понимая, что они пришли в театр, перестают бо-

тюз имени
А.А. Брянцева
из Санкт-
Петербурга
привез спектакль
«Легкое
дыхание»
по рассказам
Бунина

Танец матросов.
«Новеченто
(1900-й)».
Тюменский
Большой
драматический
театр

яться непривычной обстановкой, вовлекаются в игру. А после окончания представления с помощью актеров увлеченно участвуя делать из лоскутов птичек, кошечек, собачек.

«Мы хотим, чтобы, подрастая, они вернулись в театр, поэтому в репертуаре должны быть спектакли, которые им, уже по-взрослевшим, будет интересно смотреть», – поясняет Анастасия Постникова.

Привезенный этим же театром на фестиваль спектакль-концерт «Цехъ поэтовъ» режиссер Иван Комаров поставил по стихам поэтов Серебряного века – Анны Ахматовой, Николая Гумилева, Алексея Крученых, Николая Оцупа, Марины Цветаевой. На сцене постановщики постарались передать обстановку и атмосферу одного из центров культурной жизни той эпохи – петербургского артистического кафе «Бродячая собака». Музыку для спектакля написали Юлия Баранова, Айвар Хучахметов и Ян Кузьмичев. Актеры в игровой форме рассказывают о нескольких поэтических объединениях. Богемный, немного манерный Мандельштам в исполнении Ильнура Мусина, вдруг резко становящийся серьезным, очень точен. Актеру удалось передать масштаб личности поэта. Не менее точен Данил Суворков, играющий Оцупа. Забавен и обаятелен Пушкин, с юмором сыгранный Мироном Слюсарем. Можно по-разному относиться к образам известных поэтов, предложенных актерами из Нягани, возможно, некоторые из них представлены несколько однобоко, но несомненно одно: это острый, дерзкий, яркий и интересный спектакль.

Богемный, немного манерный Мандельштам в исполнении Ильнура Мусина, вдруг резко становящийся серьезным, очень точен. Актеру удалось передать масштаб личности поэта. Не менее точен Данил Суворков, играющий Оцупа. Забавен и обаятелен Пушкин, с юмором сыгранный Мироном Слюсарем. Можно по-разному относиться к образам известных поэтов, предложенных актерами из Нягани, возможно, некоторые из них представлены несколько однобоко, но несомненно одно: это острый, дерзкий, яркий и интересный спектакль.

Главным событием специальной программы фестиваля «Театральная гавань» стала премьера спектакля-вербатима (жанр документального спектакля) «Новороссы». В постановке звучат реальные монологи и диалоги – живые голоса новороссийцев. На сцене – набережная Новороссийска. На ней установлен от-

крытый микрофон, к которому каждый может подойти и рассказать свою историю.

Спектакль поставлен режиссерами-постановщиками Радионом Букаевым и Евгением Кушпелем, истории жителей переработала в сценический текст Ирина Васьковская.

«Создавая «Новороссов», мы пытались найти и сформулировать то, в чем проявляется истинный, неплакатный патриотизм, – объясняет куратор фестиваля «Театральная гавань», театральный деятель, эксперт по коммуникациям в сфере культуры, продюсер Юлия Юдина. – Наверное, он в том, чтобы быть здесь, несмотря, например, на то, что порой нет горячей воды, да и вообще воды. Есть поговорка: где родился, там и пригодился. Часто в ней видят обреченность, примирение с ситуацией, а ведь она может выражать и гордость, и сознательный выбор. Например, так: я родился здесь и хочу тут жить, хочу, чтобы здесь было хорошо, как там, куда все мечтают попасть. Кто это сделает, если я уеду?»

Актеры на сцене подходят к микрофону, чтобы поделиться своими переживаниями, рассказать о судьбах людей, многие из которых находятся в зрительном зале.

«Вначале было страшно, огромные горы воды высотой с двухнадцатиэтажный дом, и теплоход все время должен держаться носом на волну, иначе его повернет боком, завалит и перевернет, и спастись не представляется возможным. – Актер Вячеслав Сизиков рассказывает историю Евгения Кушпеля. – Вахта была круглосуточная. Когда ты сидишь в каюте, то чувствуешь, как эта огромная металлическая машина поднимается, а у тебя все на столе полетело к корме, тебя вдавливает в стену, а потом корабль переваливает через эту гору, резко падает вниз и полностью уходит под воду, торчит только одна мачта. Затем выныривает, снова поднимается и снова падает. Это безумно красиво, но очень страшно». Евгений Кушпель работал на флоте помощником капитана

по производству. По сути, это директор рыбообрабатывающей фабрики, плавучего завода. Со студенческих лет он занимался художественной самодеятельностью, создал свой театральный коллектив, который распался после того, как его участники окончили вуз. В 1984 году Евгений пришел в Новороссийский народный театр. Уходил в море, возвращался, играл, репетировал новые спектакли, снова уходил в плавание. Коллеги шутили: «У тебя спектакли между рейсами или рейсы между спектаклями?» Из его морских рассказов можно составить целую книгу.

В конце концов любовь к сцене победила, и в 1999 году Евгений Леонидович стал художественным руководителем Народного театра, правда, тогда эта должность называлась «режиссер». Он окончил институт, получил специальность «педагог театральных дисциплин, режиссер театра» и звание «заслуженный работник Кубани». Позднее поступил в Высшую

школу сценических искусств Константина Райкина, учился у Камы Гинкаса.

В спектакль «Новороссы» также вошли рассказы и других артистов театра. Это житейские истории наших современников. Они полны драматизма, поэзии, любви к своей работе и ответственности за окружающее. Зал смеялся, вздыхал, аплодировал, сочувствовал, переживал, радовался и плакал. Всем были понятны сетования на сносящий крыши норд-ост и отключения воды, интересны неизвестные факты из истории Новороссийска. Спектакль «Новороссы» стал настоящим подарком артистов жителям к 185-летию города.

На фестивале победителей не было, ведь это был не конкурс, а встреча друзей. Каждый коллектив был отмечен дипломом в той или иной номинации.

Фестиваль «Театральная гавань» еще молод, и, надеюсь, ему предстоит пройти еще долгий путь. Ясно одно: он уже стал заметным событием в театральном пространстве России. ●

«Обнимательная машина» – призыв понять «особенных» людей, которые живут рядом с нами.

Новороссийский муниципальный драматический театр

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/PN363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспотрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
E-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru